

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
UNIVERSITY
BULLETIN

Moscow University Bulletin

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER – OCTOBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2021

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ – ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — д. ф. н., проф. **М.Л. Ремнёва**

Зам. главного редактора по лингвистике — д. ф. н., проф. **И.М. Кобозева**

Зам. главного редактора по литературоведению — д. ф. н., проф. **В.М. Толмачёв**

Отв. секретарь по лингвистике — д. ф. н., проф. **С.В. Князев**

Отв. секретарь по литературоведению — д. ф. н., проф. **Г.В. Зыкова**

Оргсекретарь — к. п. н., доц. **И.Э. Стрелец**

Выпускающий редактор англ. версии — к. ф. н., доц. **Д.С. Мухортов**

Члены редколлегии:

д. ф. н., проф. **О.В. Александрова**; к. ф. н., доц. **А.Е. Беликов**; д. ф. н., проф. **Т.Д. Венедиктова**; д. ф. н., проф. **Д.П. Ивинский**; д. ф. н., проф. **А.И. Изотов**; д. ф. н., доц. **Л.В. Коровин**; д. ф. н., проф. **Н.Т. Пахсарьян**; д. ф. н., проф. **Е.В. Петрухина**; д. ф. н., проф. **А.И. Солопов**; д. ф. н., проф. **С.Г. Татевосов**; д. ф. н., ст. науч. сотр. **О.Е. Фролова**

ЧЛЕНЫ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); БЁМИГ Михаэла (Michaela Bohmig), PhD, профессор (Италия, Неаполитанский ун-т); БЕНТЦИНГЕР Рудольф (Rudolf Bentzinger), PhD, профессор, академик (Германия, Берлин-Бранденбургская академия наук); ВАВЖИНЬЧИК Ян (Jan Wawrzyńczyk), PhD, профессор (Польша, Варшавский ун-т); ВЕРЛИНСКИЙ Александр Леонардович, д.ф.н., профессор (Россия, СПбГУ); ВОЛЬФ Юрген (Jurgen Wolf), PhD, профессор (Германия, Марбургский ун-т); ГУГНИН Александр Александрович, д.ф.н., профессор (Беларусь, Полоцкий гос. ун-т); ДЕ ЛАНДШИР Кристл (Christ'l De Landtsheer), PhD, профессор (Бельгия, Антверпенский ун-т); ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); ДЁЙЧ-КОРНБЛАТТ Джудит (Judith Deutsch Kornblatt), PhD, профессор (США, ун-т Висконсина); ДЫБО Анна Владимировна, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАН (Россия, ИЯ РАН); ЗАБОТКИНА Вера Ивановна, д.ф.н., профессор (Россия, РГГУ); ЗОЛОТОВА Татьяна Аркадьевна, д.ф.н., профессор (Россия, Марийский гос. ун-т); ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); ЙОВАНОВИЧ Томислав (Томислав Јовановић), PhD, профессор (Сербия, Белградский ун-т); ЛАШРЕ-ДЮЖУР Анн (Anne Lacheret-Dujour), PhD, профессор (Франция, ун-т Западный Париж — Нантер); ЛЕЙТИ Марли Куадрус (Marli Quadros Leite), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); МЕДВЕДЕВА Галина Витальевна, д.ф.н., профессор (Россия, Иркутский гос. ун-т); МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Биљана Мирчевска-Бошева / Biljana Mirčevska-Boševa / Biljana Mirčevska-Boševa), PhD, профессор (Македония, ун-т Свв. Кирилла и Мефодия); МОТТИРОНИ Эжени (Eugénie Mottironi), PhD, профессор (Швейцария, Женевский ун-т); МУСТАЙОКИ Арто (Arto Samuel Mustajoki), PhD, профессор (Финляндия, Хельсинский ун-т); НЕМЕЦ-ИГНАШЕВА Диана Осиповна (Diane O. Nemes-Ignashev), PhD, профессор (США, Карлтон Колледж); НЕССЕЛЬРАТ Хайнц-Гюнтер (Heinz-Günther Nesselrath), PhD, профессор, академик (Германия, Геттингенский ун-т); НИВА Жорж (Georges Nivat), PhD, профессор (Франция, Европейская академия); КАВАЛЬЕРЕ Арлете Орландо (Arlete Orlando Cavaliere), PhD, профессор (Бразилия, ун-т Сан-Паулу); ПАЛМЕР Найджел Фентон (Nigel Fenton Palmer), PhD, профессор (Великобритания, Оксфордский ун-т); ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович, д.ф.н., профессор (Россия, ИМЛИ РАН); РАСКИНИ Элиза (Elisa Raschini), PhD, профессор (Франция, Эколь Нормаль); РОБЕРТС Джейн (Jane Roberts), PhD, профессор (Великобритания, ун-т Лондона); САРАНЦАЦРАЛ Цэрэнчимэдийн (TSérénchimediiin Sarantsatsral), д.ф.н., профессор (Монголия, Монгольский гос. ун-т); УХЛИК Младен (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны)

Редактор *И.В. Луканина*

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею филологического факультета МГУ

<i>Одинцова И.В.</i> Роль наследия Г.И. Рожковой в теории и практике преподавания русского языка как иностранного	9
<i>Венедиктова Т.Д.</i> К опыту построения междисциплинарной учебной программы	21

О новых ресурсах для лингвистических исследований

<i>Кривнова О.Ф.</i> , <i>Захаров Л.М.</i> , <i>Кобозева И.М.</i> Русский интонационный корпус РИНКО: диалогическая и монологическая речь	32
<i>Гвишиани Н.Б.</i> Пишем по-английски: к выпуску веб-версии международного корпуса «Английский как иностранный»	45

COVID-19 и язык

<i>Константинова А.А.</i> “Ask not what staying on the couch can do for you, ask what staying on the couch can do for your country”: паремический метаязык дискурса пандемии COVID-19 в американских социальных медиа	58
<i>Черчук О.И.</i> Отражение реалий коронавирусного мира в зеркале неологизмов чешского языка	71

Статьи

<i>Колобаева Л.А.</i> От О. Мандельштама к И. Бродскому: символ «раковины»	80
<i>Красных В.В.</i> , <i>Лу Цзыи.</i> Ассоциативно-образный компонент некоторых глагольных фразеологических единиц с абстрактным именем <i>мысль</i>	88
<i>Ксензенко О.А.</i> , <i>Менджерницкая Е.О.</i> Лингвокогнитивные вопросы изучения современной медиасферы	100
<i>Новичкова О.А.</i> «Пока толстый сохнет...»: о значении глагола <i>ισχυαίνειν</i> в трактате Галена «Гигиена»	111
<i>Ярошенко П.В.</i> К вопросу об исследовании языковой синестезии на материале мультязычного параллельного корпуса	122
<i>Кузнецова М.А.</i> Источники переводов «Песни о Роланде»	131
<i>Кошевская А.Ю.</i> Новый подход к выделению клаузул в прозе Цицерона: опыт ритмического анализа «Катилинарий»	144
<i>Соколова Е.В.</i> «На самом?»: 1913 год в немецкой прозе и ее русских переводах (Флориан Иллиес и В.Г. Зебальд)	154
<i>Куликова Д.Л.</i> Жанровые характеристики хоррора (на материале прозы А.В. Иванова)	165
<i>Зубков К.Ю.</i> «... Время кукишей в кармане миновалось...»: редакция «Современника», цензура и российское литературное сообщество в 1856 г. Статья 2	173

Материалы и сообщения

<i>Романова А.В.</i> Вольнодумцы, сумасброды и Марк Волохов (некоторые комментарии к роману «Обрыв»)	183
--	-----

<i>Ли Синьмэй. О переводах русской литературы в Китае (1980–2010-е годы)</i>	195
--	-----

Рецензии

<i>Чекалина Е.М. Ривелис Е. Переводы не слова, а смысл. Мастер-класс по письменному переводу нехудожественного текста (на материале шведского языка). Теория и практика концептуального перевода. М.: Флинта, 2020</i>	205
<i>Сергеев А.В. «Порок невинности» и другие истории / В переводе Анатолия Чеканского. М.: Центр книги Рудомино, 2020</i>	209
<i>Солнцева Н.М. Есенинская энциклопедия. 1895–1925. Вып. 1: Памятные места и литературная география. Константиново: Государственный музей-заповедник С.А. Есенина, 2020</i>	214
<i>Полосина Н.К. Бонд Д., Кеньон Джоунз К. Угроза тем, кто смотрит на него: Байрон и его портреты. London: Unicorn, 2020</i>	219

Научная жизнь

<i>Ремнёва М.Л., Пентковская Т.В., Кузьминова Е.А. Международная научная конференция «Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян»</i>	224
--	-----

Памяти...

<i>Зыкова Г.В. Елена Юрьевна Зубарева</i>	229
<i>Луховицкий Л.В., Солопов А.И. Дмитрий Евгеньевич Афиногенов</i> ...	233
<i>Петрухина Е.В., Изотов А.И. Галина Парфеньевна Нещименко</i>	237

CONTENTS

Celebrating the Anniversary of Moscow University Philology Faculty

<i>Odintsova I.</i> The Role of the Legacy of Galina Rozhkova in the Theory and Practice of Teaching Russian as a Foreign Language	9
<i>Venediktova T.</i> An Experience of Building an Interdisciplinary Academic Program	21

New Resources for Linguistic Research

<i>Krivnova O.</i> , <i>Zakharov L.</i> , <i>Kobozeva I.</i> The Russian Intonation Corpus RINCO: Dialogical and Monological Speech	32
<i>Gvishiani N.</i> Teaching Argumentative Essays with the International Corpus of Learner English	45

COVID-19 and Language

<i>Konstantinova A.</i> “Ask Not What Staying on the Couch Can Do for You, Ask What Staying on the Couch Can Do for Your Country”: Paremic Metalanguage of the Covid-19 Pandemic Discourse in American Social Media	58
<i>Cherchuk O.</i> Realities of the Coronavirus World Reflected in the Mirror of Neologisms in Czech	71

Articles

<i>Kolobayeva L.</i> From Mandelstam to Brodsky: The Symbol of the Shell ...	80
<i>Krasnykh V.</i> , <i>Lu Ziyi.</i> Associative-Shaped Component of Some Verbal Phraseological Units with the Abstract Name <i>Thought</i>	88
<i>Ksenzenko O.</i> , <i>Mendzheritskaya E.</i> Contemporary Media Sphere from a Linguocognitive Viewpoint	100
<i>Novichkova O.</i> “While a Fat One Would Be Fading...”: Semantics of the Verb ἰσχυαίνεσθαι in Galen’s Treatise ‘Hygiene’	111
<i>Iaroshenko P.</i> Studying Linguistic Synesthesia on the Material of a Multilingual Parallel Corpus	122
<i>Kuznetsova M.</i> Multiple Originals of the Translations of ‘The Song of Roland’	131
<i>Koshevskaya A.</i> A New Method of Differentiating Clauses in Cicero’s Prose: A Rhythm Analysis of Catilinarians	144
<i>Sokolova E.</i> The Year 1913 in Russian Translations of Some Actual Works of German Prose (Florian Illies and W.G. Sebald)	154
<i>Kulikova D.</i> Genre Characteristics of Horror: A Case of Alexei Ivanov’s Prose	165
<i>Zubkov K.</i> “... Time for Hidden Mockery Is Over”: Sovremennik’s Editorial Board, Censorship, and the Russian Literary Community in 1856	173

Communications

<i>Romanova A.</i> Freethinkers, Madcaps, and Mark Volokhov: A Case of Ivan Goncharov’s <i>Obryv</i>	183
--	-----

<i>Li Xinmei</i> On Translations of Contemporary Russian Literature in China (mid-1980s — 2010s)	195
---	-----

Reviews

<i>Chekalina E. Rivelis E.</i> Translate not the Word, but the Meaning. A Masterclass in Translation of a Non-Fiction Text (on Swedish Material). Theory and Practice of Conceptual Translation. Moscow: Flinta, 2020. 286 p.	205
<i>Sergeev A.</i> Den Kroniske Uskyld and Other Works Translated by Anatoly Chekansky. Moscow: Rudomino Book Centre, 2020. 508 p.	209
<i>Solntseva N.</i> Yesenin Encyclopedia. 1895—1925. Issue 1. Memorable Places and Literary Geography. Konstantinovo: Sergei Yesenin State Mu- seum Reserve, 2020. 412 p.	214
<i>Polosina N. Bond G., Kenyon J. Ch.</i> Dangerous to Show. Byron and His Portraits. London: Unicorn, 2020. 157 p.	219

Scientific Life

<i>Remneva M., Pentkovskaja T., Kuzminova E.</i> The Ostrog Bible and Development of the Biblical Tradition among the Slavs: Results of the Inter- national Scientific Conference	224
---	-----

In Memoriam...

<i>Zykova G.</i> Elena Zubareva	229
<i>Lukhovitskiy L., Solopov A.</i> Dmitriy Afinogenov	233
<i>Izotov A., Petrukhina E.</i> Galina Neščimenko	237

К ЮБИЛЕЮ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

И.В. Одинцова

РОЛЬ НАСЛЕДИЯ Г.И. РОЖКОВОЙ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена 100-летию со дня рождения профессора кафедры русского языка для иностранных учащихся МГУ имени М.В. Ломоносова Г.И. Рожковой. В 1951–1968 гг. Г.И. Рожкова руководила одной из первых в СССР общеуниверситетской кафедрой русского языка для иностранных учащихся. В статье рассматриваются основные положения наследия Галины Ивановны, не потерявшие своей актуальности для РКИ и в наши дни. Г.И. Рожкова разделила судьбу своих сверстников: со студенческой скамьи она ушла на фронт, была награждена боевыми наградами. Вернувшись с войны, она все свои творческие силы отдала делу продвижения русского языка в мире. Ею были разработаны лингвометодические основы преподавания русского языка как иностранного. В основе такого подхода лежат теоретические принципы функционального описания языка, ориентированного на формирование у учащихся коммуникативных навыков понимания и порождения речи. В статье особое внимание уделяется заслугам Г.И. Рожковой в деле создания функционально-коммуникативного подхода в вопросах изучения синтаксиса, морфологии, словообразования, лексики и фонетики. РКИ является интегративной наукой, невозможной без лингвистики, педагогики, методики, психологии, социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации. В наследии Г.И. Рожковой все эти направления нашли свое отражение. Одни из них ученым были тщательно разработаны, другие — лишь вскользь затронуты, предопределив развитие лингводидактики на несколько десятилетий вперед.

Ключевые слова: Г.И. Рожкова; 100-летие; наследие; русский язык как иностранный; лингвометодическая школа; функциональное направление.

Одинцова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: odintsova.irina@gmail.com).

В этом году исполняется 100 лет со дня рождения заслуженного профессора МГУ имени Ломоносова Г.И. Рожковой, с именем которой связано становление и развитие лингвометодической школы обучения русскому языку как иностранному, закреплённому в аббревиатуре, известной во всем мире как РКИ.

Галина Ивановна была и останется примером ученого, педагога, наставника, руководителя. Высокий профессионализм, преданность делу снискали авторитет Галине Ивановне среди коллег и учащихся. Она умела пробуждать в нас, ее учениках, интерес к языку, его истории и современности; умела развить в нас иной, отличный от традиционного, взгляд на язык, когда язык рассматривается как инструмент коммуникативной деятельности говорящего и слушающего.

Функциональное направление, которое считается одним из ведущих направлений в современном языкознании, опирающееся на подход «от смысла», по сути, было впервые практически реализовано преподавателями русского языка как иностранного. В этом огромная заслуга наших корифеев — лингвистов, преподавателей МГУ, стоящих у истоков формирования РКИ как науки, таких как Э.И. Амиантова, Г.И. Битехтина, Е.А. Бразгунова, Е.И. Василенко, Г.И. Володина, М.В. Всеволодова, М.И. Гореликова, В.В. Добровольская, Н.М. Лариохина, Н.А. Лобанова, Л.С. Муравьева, И.М. Пулькина, О.П. Рассудова, Г.И. Рожкова, И.П. Слесарева и другие. Ведущее место в этой замечательной плеяде ученых занимает, несомненно, Г.И. Рожкова.

На долю поколения, к которому принадлежала Г.И. Рожкова, выпало много испытаний. И самым страшным из них была война — Великая Отечественная. Галина Ивановна в полной мере разделила судьбу своего поколения. Со студенческой скамьи в 21 год она добровольцем уходит на фронт и принимает участие в сражениях на Курской дуге, в боях за освобождение городов Дмитровск-Орловский, Новгород-Северский, Гомель. За проявленную храбрость, стойкость и мужество в боях за Советскую Родину Г.И. Рожкова награждена медалями «За боевые заслуги» (1943), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946), орденом Отечественной войны II степени (1985). Это поколение выстояло и победило. Наверное, во многом связь с войной и Великой Победой сформировали в хрупкой, маленькой женщине, какой была Галина Ивановна, такие качества, как активная гражданская позиция, необычайная требовательность к себе и другим, повышенная ответственность, целеустремленность и удивительная работоспособность.

Сейчас трудно поверить, но еще 70 лет назад русский язык как иностранный преподавали по общеобразовательным школьным учебникам. После войны многое изменилось в стране. СССР стал принимать иностранных студентов на обучение по разным специальностям, были отменены запреты на контакт с иностранцами, стали возможны заграникомандировки. Изменилась и роль русского языка в мире: авторитет его значительно вырос. Распространение русского языка в мире было признано в СССР важным государственным делом. Рост популярности русского языка как средства международного общения способствовал появлению новых направлений в русистике. В университетах открывались отделения РКИ, куда могли поступить лучшие советские студенты. Чтобы возглавлять такие подразделения нужны были неординарные руководители. Именно таким руководителем стала Г.И. Рожкова.

Закончив филологический факультет МГУ и защитив кандидатскую диссертацию в 1949 г., через два года после защиты Галина Ивановна возглавила одну из первых в СССР общеуниверситетскую кафедру русского языка для иностранных учащихся, которой успешно руководила до 1968 г.

В пятидесятые годы специальность РКИ только начинала развиваться. Учебных материалов, необходимых для проведения занятий, не хватало. И главное, отсутствовала теоретическая база специальности — лингвометодические основы теории и практики преподавания русского языка как иностранного. В 1967 г. выходит в свет первая в истории РКИ работа, посвященная лингвометодическому описанию русского языка как иностранного: «Методика преподавания русского языка иностранцам» [Методика преподавания русского языка иностранцам, 1967] под редакцией членкорреспондента АН СССР С.Г. Бархударова. Авторами этой книги были преподаватели кафедры РКИ филологического факультета МГУ — Г.И. Рожкова, О.П. Рассудова и Н.М. Лариохина. В этой книге были впервые сформулированы принципы обучения РКИ: принципы коммуникативности, учета родного языка учащегося, комплексности подачи материала и т.д. Г.И. Рожковой принадлежат в «Методике» шесть глав, посвященных грамматике русского языка и ее месту в системе обучения русскому языку иностранцев; вопросам структуры русского предложения и методике работы над синтаксисом; проблемам словообразовательной системы русского языка и методике работы над ней, а также системе и формам работы по развитию речи. Г.И. Рожкова участвует также в создании «Приложений» к этой книге (наряду с Э.И. Розановой и В.И. Савицкой), в

которых подробно рассматриваются рекомендации по преподаванию фонетики и работе с текстом. В этой пионерской для специальности РКИ книге подчеркивалось различие между теоретической лингвистикой и практикой изучения языка для целей общения.

В 1977 г. опубликована монография Галины Ивановны «К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам» [Рожкова, 1977]. Теоретические взгляды ученого, собранные материалы, наблюдения и обобщения автора вылились в докторскую диссертацию Г.И. Рожковой «Основы практической грамматики русского языка как иностранного». После защиты докторской диссертации изыскания ученого в поисках представления языковой системы в лингводидактических целях, выявления способов концептуализации языкового и внеязыкового содержания с целью предъявления их в иностранной аудитории нашли отражение в монографиях «Очерки практической грамматики русского языка» (1978, 2-е изд. 1987) и «Русский язык в нерусской аудитории» (1986), а также в учебном пособии «Грамматические основы правильной русской речи» (в соавторстве с Е.Н. Ершовой, Л.Г. Векиловой, А.Д. Азимовой и Ю.И. Чернышевой (1991)). Г.И. Рожковой принадлежит более 100 научных публикаций, полный список которых можно найти в «Избранных трудах Г.И. Рожковой» [Избранные труды Г.И. Рожковой, 2011], опубликованных к 90-летию автора по инициативе кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Общая теория преподавания иностранных языков и русского языка, в частности, по сути — интегративная наука, невозможная без лингвистики, педагогики, методики, психологии, социолингвистики, психолингвистики, лингвокультурологии, теории межкультурной коммуникации. Примечательно, что в наследии Г.И. Рожковой в той или иной степени все эти направления нашли свое отражение. Некоторые из них ученым были тщательно разработаны, некоторые — лишь вскользь затронуты, предопределив развитие лингводидактики на несколько десятилетий вперед.

Несмотря на многоаспектность предмета РКИ, его лингвистическая составляющая, по мнению Г.И. Рожковой, является определяющей. Полностью разделяя точку зрения Л.В. Щербы, согласно которой «специально под языком мы разумеем едва ли не в первую голову его грамматику» [Щерба, 1974: 67], поскольку именно грамматика является «объективной языковой действительностью, управляющей нашей речью» [Щерба, 1958: 13], Г.И. Рожкова полагает, что именно грамматика «в процессе обучения служит направляющей силой, ведущей к практическому владению языком»

[Методика преподавания русского языка иностранцам, 1967: 50]. Однако ни линейное расположение материала, как в школьных и академических грамматиках, ни заучивание парадигм склонения и спряжения или правил употребления той или иной формы определяют лингвометодическую основу РКИ. Языковые явления, по мнению Г.И. Рожковой, в лингводидактической теории должны рассматриваться в их отношении к функциональному назначению в речи, «в их соотношении с высказываемой мыслью» [там же: 66].

В современной лингводидактике функциональный подход в описании языкового материала в целях его преподавания иностранным учащимся считается приоритетным. Однако, как замечает Е.В. Клобуков, «можно теперь <...> с удивлением вспомнить о том, что ряд важнейших выводов о “характерных чертах функционального подхода к учебному процессу в преподавании русского языка как иностранного”» Г.И. Рожкова сделала еще в конце 70-х годов» [Клобуков, 1998: 5]. Именно функциональный подход, по мнению Г.И. Рожковой, позволяет не только отразить взаимодействие языковых единиц разных уровней, но и обучить правилам выбора этих единиц с целью их употребления в речи. Последовательно применяя функциональный подход к языковым явлениям, Г.И. Рожкова создает лингвометодические основы обучения морфологии, синтаксису, лексике и словообразованию.

В качестве основных принципов лингвометодических основ обучения Г.И. Рожкова называет опору на системность языка и его основную функцию — коммуникативную; на единство языка и речи; на минимальный контекст, в котором реализуются дифференциальные признаки рассматриваемого языкового явления, а также учет специфики системы родного языка учащихся.

Систематический курс функциональной морфологии русского языка [Рожкова, 1986; 1987] стал первым комплексным исследованием в этом перспективном направлении русистики, лишь потом появились написанные другими авторами функционально ориентированные практические грамматики русского языка и обобщающие теоретические исследования. Ею подробно рассмотрены категории имени существительного — род, число, падеж — в их функциональном аспекте. Большое внимание уделено лингводидактическим вопросам морфологии русского глагола. Были рассмотрены виды глаголы, глаголы движения, основные функции возвратных глаголов. В лингводидактическом аспекте описаны наречия, местоимения, служебные слова.

Поскольку язык как средство общения находит материальное выражение в предложении, и именно в предложении осуществляется

функционально-семантическая связь всех уровней языковой системы, предложение, по мнению Г.И. Рожковой, является «основной единицей, обеспечивающей коммуникацию» [Рожкова, 2011: 61]. Обучение языку в практике его преподавания с первых уроков осуществляется с опорой на предложение, а потому именно синтаксис является, по образному выражению Г.И. Рожковой, той «сквозной» структурой, которая пронизывает обучение языку на любом его этапе. Если в теоретических целях функциональная морфология — специальный предмет исследования, то в практике преподавания языка морфология неотделима от синтаксиса: «... морфологические категории усваиваются иностранцами не в изолированном виде, — замечает Г.И. Рожкова, — а через структуру словосочетания и предложения. Морфология при таком подходе изучается в тесной связи с синтаксисом и на синтаксической основе» [там же: 101].

Следуя учению Л.В. Щербы о разграничении «активной» и «пассивной» грамматики, где с позиций активной грамматики в синтаксисе должны рассматриваться вопросы о том, «как выражается та или иная мысль, например, как, какими языковыми средствами выражается предикативность вообще? Как выражается описание того или иного куска действительности?» [Щерба, 1958: 21], Г.И. Рожкова последовательно разрабатывает идею о введении в практику преподавания РКИ синтаксических структур на функциональной основе. В функциональном аспекте она рассматривает формы связи слов, простое и сложное предложение, актуальное членение, характеристику предложений по цели высказывания и его модальности.

На синтаксической основе вводится и систематизируется лексика. Не отрицая роли перевода при обучении лексике, Г.И. Рожкова одна из первых указала на необходимость семантизации слова в опоре на связь лексического значения слова и характера его синтагматических связей. В качестве опоры при семантизации слова она рассматривает и другие приемы, например, способы наглядной семантизации; анализ контекста; толкование слов с помощью средств изучаемого языка, словообразовательного анализа; обращение к синонимам и антонимам и т.д. Овладение разными способами семантизации лексики, по мнению Г.И. Рожковой, формирует у иностранного учащегося лингвистическую интуицию, способствует развитию навыка самостоятельно понимать значения незнакомых слов в текстах. Г.И. Рожкова одна из первых подняла вопрос о создании «Лексических минимумов», адресованных учащимся разных уровней владения русским языком (см: *Рожкова Г.И. «К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам»* [Рожкова, 1983: 123–124]).

С морфологией и синтаксисом тесно связано словообразование, «так как каждое производное слово создается как слово определенной части речи, характеризующее определенными грамматическими значениями. Суффиксы тесно спаяны с флексиями, которые участвуют в образовании каждого производного слова» [Красильникова, 2014: 14]. Благодаря словообразованию возникают новые слова и пополняется словарь учащегося. Г.И. Рожкова в своих работах подробно останавливается на продуктивных механизмах словообразования и методике работы с ними.

«Хорошо известно, — пишет Г.И. Рожкова, — что при практическом овладении речью плохое произношение, нарушение произносительных норм языка затрудняют понимание высказывания и, следовательно, нарушают процесс общения. Правильное же произношение обеспечивает свободное взаимопонимание» [Рожкова, 1967: 12]. Именно прикладными целями в обучении фонетике в теории и практике РКИ обусловлен признанный в современной лингвистике приоритетный подход, согласно которому функциональный, артикуляционный, акустический и перцептивный аспекты языковых явлений рассматриваются в комплексе. Следуя идеям, высказанным крупнейшими фонетистами И.А. Бодуэна де Куртенэ, Л.В. Щербы, Р.И. Аванесова, А.А. Реформатского, М.И. Матусевич, Л.Р. Зиндера, С.И. Бернштейна, Г.И. Рожкова разрабатывает вопросы фонетики при обучении русскому языку иностранцев. В частности, в своих работах и на лекциях она касается проблем влияния уровня сформированности артикуляционной базы изучаемого языка на качество произношения звучащей речи, делает акцент на необходимости формирования у иностранца навыка переключения с одного артикуляционного уклада на другой; пишет о необходимости привлечения звуков помощников при постановке звуков; подробно останавливается на постановке отдельных звуков; указывает на необходимость учета родного языка учащегося в работе над произношением.

Если рассматривать лингводидактику как теорию обучения иностранным языкам с целью концептуализации внеязыкового содержания на основе типологии национально окрашенных языковых значений, а методику — как практическую реализацию лингводидактики, «технологии» профессионально-практической деятельности преподавателя, то нельзя не назвать Г.И. Рожкову замечательным и лингводидактом, и методистом.

Доказывая приоритетность в обучении взрослых учащихся сознательно-практического метода, обладающего такими характеристиками, как сознательность, практическая направленность

обучения, учет родного языка учащегося и беспереводность [Капитонова, 2008: 142–146], Г.И. Рожкова отстаивает концентрическую модель обучения как ведущую модель в методической концепции организации языкового и речевого материалов [Рожкова, 1978: 10]. Концентрический способ организации языкового и речевого материалов предопределяет и характер содержания обучения: на разных этапах «учащиеся получают определенные порции, дозы материала, в которые одновременно входит и фонетический, и лексический, и грамматический материал. Этот материал в разных концентрах объединен и взаимосвязан по принципу нарастания, увеличения трудностей и расширения материала от известного к неизвестному» [Рожкова, 1973: 20].

Свои лингводидактические и методические взгляды Г.И. Рожкова воплощает в многочисленных пособиях по русскому языку, в «Учебнике русского языка для лиц, говорящих на немецком языке» (в соавторстве с О.П. Рассудовой и др.), «Учебном комплексе по русскому языку для университетов Индии» (в соавторстве с индийскими коллегами), «Учебном комплексе по русскому языку для школ Германии» (в соавторстве с немецкими коллегами).

Чтобы овладеть иностранным языком, надо постичь мир, объективированный в этом языке. «Изучить чужой язык, — отмечал А. Мартине, — не значит привесить новые ярлычки к знакомым объектам. Овладеть языком — значит научиться по-иному анализировать то, что составляет предмет языковой коммуникации» [Мартине, 1963: 382].

До середины прошлого века в преподавании иностранных языков существовало мнение, что обучать надо прежде всего грамматике. После войны общепризнанной стала точка зрения, согласно которой учащийся должен не просто уметь писать и говорить на иностранном языке, но и как можно глубже знать историю, образ жизни, систему ценностей носителей изучаемого языка. Об этом говорил и В.В. Виноградов на учредительной конференции по созданию Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) в 1968 г. Помимо нормативного словоупотребления, как отмечал ученый, необходимо ставить перед преподавателями задачу пропаганды культурно-исторической ценности, самобытности русского языка, его значения как средства международного общения [Виноградов, 1968: 24]. О необходимости использовать в обучении текстов страноведческого характера, текстов из произведений художественной литературы неоднократно говорила Г.И. Рожкова в лекциях для ФПК и в школе для молодых преподавателей на

кафедре. Свой взгляд на методику работы с подобными текстами Г.И. Рожкова отразила в пособии «Тексты для чтения и развития речи с лингвострановедческими комментариями: для говорящих на немецком языке» (1981).

Г.И. Рожкова была инициатором и руководителем ФПК для преподавателей РКИ, существовавшего до 1991 г. на филологическом факультете МГУ, куда съезжались русисты из всех уголков СССР. Г.И. Рожкова являлась заместителем председателя Научно-методического совета по русскому языку при Минвузе СССР, членом редколлегии «Русский язык за рубежом», членом МАПРЯЛ и т.д. За заслуги в распространении русского языка за рубежом и успехи в педагогической и научно-исследовательской деятельности Г.И. Рожкова награждена медалью А.С. Пушкина.

Г.И. Рожкова стояла у истоков специальности «Русский язык как иностранный». Ее идеи, отраженные в научных трудах и реализованные в учебниках и педагогической практике, ничуть не устарели. В наше время, когда актуальными становятся поддержка и продвижение позиций русского языка в мире, на постсоветском пространстве, укрепление роли русского языка в общеобразовательных организациях Российской Федерации, работы Галины Ивановны приобретают особый смысл. Научное наследие Г.И. Рожковой продолжает жить в ее трудах, развиваться в работах ее многочисленных учеников в России и за рубежом.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* Материалы Учредительной конференции по созданию Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) // Русский язык в современном мире. М., 1968.
2. *Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Шукин А.Н.* Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А.Н. Шукина. М., 2008.
3. *Клобуков Е.В.* Сознание, язык, коммуникация ... (Последняя встреча с Г.И. Рожковой) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред.: Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 6. М., 1998. С. 5–7.
4. *Красильникова Л.В.* Взаимосвязи словообразования с другими уровнями языковой системы в лингвометодическом аспекте // *Stephanos*. 2014. № 5. С. 10–20.
5. *Мартин А.* Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963. С. 381–386.
6. *Рожкова Г.И.* Вопросы практической грамматики в преподавании русского языка как иностранного. М., 1978.
7. *Рожкова Г.И.* Избранные труды. М., 2011.

8. *Рожкова Г.И.* К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам: Спецкурс для иностранных студентов-филологов. М., 1977.
9. *Рожкова Г.И.* К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам: Спецкурс для иностранных студентов-филологов. 2-е изд., доп. М., 1983.
10. *Рожкова Г.И.* Методика преподавания русского языка иностранцам / Под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. М., 1967.
11. *Рожкова Г.И.* Методика преподавания русского языка как иностранного: Спецкурс. Иркутск, 1973.
12. *Рожкова Г.И.* Очерки практической грамматики русского языка. 2-е изд. М., 1987.
13. *Рожкова Г.И.* Русский язык в нерусской аудитории: Спецкурс по основам функциональной морфологии. М., 1986.
14. *Рожкова Г.И.* Фонетическая система русского языка и методика работы по фонетике // Методика преподавания русского языка иностранцам / Под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. М., 1967.
15. *Щерба Л.В.* Очередные проблемы языковедения // Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т. 1. Л., 1958.
16. *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе: общие вопросы методики / Под ред. проф. И.В. Рахманова. 2-е изд. М., 1974.

Irina Odintsova

THE ROLE OF THE LEGACY OF GALINA ROZHKOVA IN THE THEORY AND PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article commemorates the 100th anniversary of the birth of Galina Rozhkova, professor of the Department of Russian Language for Foreign Students at the Lomonosov Moscow State University and it head, in 1951–1968, when the department was one of the few across the USSR. The article examines the main provisions of the legacy of Galina Rozhkova, which are still relevant for the theory of Russian as a Foreign Language. When World War II broke out, she, like her peers, joined the army, and was awarded military medals. Returning from the war, she devoted all her creative powers to promoting Russian across the world. She developed the linguo-methodological foundations of teaching Russian as a foreign language. Her approach is based on the theoretical principles of the functional description of the language, it is focused on developing students' skills

of understanding and generating speech. The article pays special attention to the merits of Galina Rozhkova in the creation of a functional and communicative approach to the study of syntax, morphology, word formation, vocabulary, and phonetics. Russian as a foreign language is a science integrated with linguistics, pedagogy, methodology, psychology, sociolinguistics, psycholinguistics, cultural linguistics, and theory of intercultural communication. And the legacy of Galina Rozhkova encompasses all of this.

Key words: Galina I. Rozhkova; 100th anniversary; legacy; Russian as a foreign language; linguistic methodological school; functional direction.

About the author: *Irina Odintsova* — PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language for Foreign Students, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: odintsova.irina@gmail.com).

References

1. Vinogradov V.V. *Materialy Uchreditel'noj konferencii po sozdaniyu Mezhdunarodnoj associacii prepodavatelej russkogo jazyka i literatury (MAPRJaL)*. In: *Russkij jazyk v sovremennom mire*. M., 1968.
2. Kapitonova T.I., Moskovkin L.V., Shhukin A.N. *Metody i tehnologii obucheni russkomu jazyku kak inostrannomu*. Pod red. A.N. Shhukina. M., 2008.
3. Klobukov E.V. Soznanie, jazyk, kommunikacija ... (Poslednjaja vstrecha s G.I. Rozhkovoj). In: *Jazyk, soznanie, kommunikacija: Sb. nauchnyh statej, posvjashhennyj pamjati Galiny Ivanovny Rozhkovoj*. Red.: L.P. Klobukova, V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M., vyp. 6, 1998, pp. 5–7.
4. Krasil'nikova L.V. *Vzaimosvjazi slovoobrazovanija s drugimi urovnjami jazykovoj sistemy v lingvometodicheskom aspekte*. Stephanos. 2014. № 5, pp. 10–20.
5. Martine A. *Osnovy obshhej lingvistiki*. In: *Novoe v lingvistike*, vyp. 3. M., 1963, pp. 381–386.
6. Rozhkova G.I. *Voprosy prakticheskoj grammatiki v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo*. M., 1978.
7. Rozhkova G.I. *Izbrannye trudy*. M., 2011.
8. Rozhkova G.I. *K lingvisticheskim osnovam metodiki prepodavanija russkogo jazyka inostrancam: Spekurs dlja inostrannyh studentov-filologov*. M., 1977.
9. Rozhkova G.I. *K lingvisticheskim osnovam metodiki prepodavanija russkogo jazyka inostrancam: Spekurs dlja inostrannyh studentov-filologov*. 2-e izd., dop. M., 1983.
10. Rozhkova G.I. *Metodika prepodavanija russkogo jazyka inostrancam*. Pod red. chl.-korr. AN SSSR S.G. Barhudarova. M., 1967.
11. Rozhkova G.I. *Metodika prepodavanija russkogo jazyka kak inostrannogo: spekurs*. Irkutsk, 1973.
12. Rozhkova G.I. *Ocherki prakticheskoj grammatiki russkogo jazyka*. 2-e izd. M., 1987.
13. Rozhkova G.I. *Russkij jazyk v nerusskoj auditorii. Spekurs po osnovam funkcional'noj morfologii*. M., 1986.

14. Rozhkova G.I. *Foneticheskaya sistema russkogo yazyka i metodika raboty po fonetike*. In: *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka inostrancam*. Pod red. chl.-korr. AN SSSR S.G. Barhudarova. M., 1967.
15. Shherba L.V. *Ocherednye problemy jazykovedenija*. In: *Izbrannye raboty po jazykoznaniyu i fonetike*. T. 1. L., 1958.
16. Shherba L.V. *Prepodavanie inostrannyh jazykov v srednej shkole: obshhie voprosy metodiki*. Pod red. prof. I.V. Rahmanova. 2-e izd. M., 1974.

Т.Д. Венедиктова

К ОПЫТУ ПОСТРОЕНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Опыт становления кафедры общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) с 2003 г. на филологическом факультете МГУ. Дизайн и развитие междисциплинарной программы — на уровне бакалавриата, магистратуры, аспирантуры — коллективом филологов разной базовой специализации. Исследование и преподавание речевой коммуникации с учетом разнообразия социокультурных функций речи и медийных технологий.

Ключевые слова: междисциплинарность; исследования дискурса; исследования медиа; лингвокультурология.

Слово «кафедра» отсылает в академическом обиходе к предметно-му объединению ученых, а предмет — к внутренне связному набору идей, категорий и вопросов, которые принято задавать в отношении материала, понятного и предсказуемого в целом. Со всем этим у маленькой институции, рождавшейся двадцать лет назад, были проблемы — и с именем соответственно тоже. Вариант, предложенный «родителями», — «... теории дискурса и коммуникации», — не был принят структурной комиссией МГУ (впрочем, оставлен в скобках). Слово «дискурс» в 2003 г. казалось сомнительным иностранным заимствованием, и по вопросу, входит ли теория коммуникации в сферу филологических интересов, также высказывались сомнения — например, коллегами-социологами. В итоге словосочетание «общая теория», привычное слуху естественников, соединилось со старинным словом «словесность», от чего все стало отчасти яснее, но и запутаннее. Инициаторы процесса решили в конце концов, что и под таким именем можно жить: что такое словесность, как не речь, практики речепользования в широком диапазоне от бытового до литературного? Иначе — деятельность порождения, восприятия, передачи и трансформации текстов в конкретных контекстах, форматах и средах. Иначе — дискурс.

Венедиктова Татьяна Дмитриевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общей теории словесности филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tvenediktova@mail.ru).

К английскому варианту названия — discourse and communication studies — претензий не было, и понятно почему. Неопределенное слово “studies” уже привычно фигурирует в учебных планах ведущих университетов мира как обозначение работы по освоению междисциплинарных пространств. Studies или «исследования» («поля», направления, программы научного поиска) возникают, как правило, из ощущения несоответствия между возможностями сложившегося предметного знания и актуальным опытом, запросом на новый уровень сложности. Идет ли речь об окружающей среде (environmental studies), культуре (cultural studies), городской жизни (urban studies), гендерной проблематике (gender studies), когнитивной деятельности (brain and mind studies), — «исследования» предполагают интеграцию усилий нескольких дисциплин. Таковы, конечно, и *исследования дискурса*, возникшие как реакция на всепроникающее влияние, какое приобрели в современной жизни коммуникативные практики. Формирование новой кафедры должно было дать институциональное оформление этой тенденции, уже явно наметившейся и явно перспективной. В качестве «стартового капитала» у нас имелся выраженный интерес к коммуникативной проблематике, некоторый опыт ее исследования, хорошо взрыхленная почва профессиональных контактов и запас энергии, а также аванс доверия от декана факультета, Марины Леонтьевны Ремневой. И в «приданое» — маленькая аудитория со столами, стульями, диваном, телефоном и компьютером.

Статус университетской кафедры (не кружка, лаборатории или даже научного центра) — обзывал. Хотя бы по той причине, что студентам мы обычно транслируем знания, уже получившие завершенную форму, — нередко и сами привыкаем именно к такой форме трансляции. Но как строить учебные курсы в области, сшитой как лоскутное одеяло, то и дело распускаемое по швам и перешиваемое заново, т.е. по духу экспериментальной? Междисциплинарное знание подвижно, не имеет собственной территории и охраняемых границ, вместо пантеона классиков здесь — культовые фигуры, друг с другом не согласные... Как же донести до слушателей годового общего курса, подготовкой которого нас сразу озадачили, ощущение взаимонеобходимости разных подходов к «одному и тому же» (речи, понятой как дискурс)? Как соединить монологический жанр лекции и линейную логику лекционного курса с сетевым принципом, организующим пестрое поле неочевидных взаимосвязей? Тем более, что наши слушатели — второкурсники, всего год как со школьной скамьи, едва ли готовые к восприятию поискового научного знания (хотя на него, по идее, должен настраивать университет).

На сегодня курс под устоявшимся названием «Теория и практика коммуникации» исполнялся уже более полутора десятков раз.

Формированию концепции курса активно способствовали видные ученые-теоретики — профессора филологического факультета Г.К. Косиков, А.А. Волков, С.Н. Зенкин (РГГУ), она устоялась, но не было года, когда подача материала не трансформировалась, хотя бы слегка. Курс и по сей день читается «ансамблем» лекторов и имеет модульную структуру. Исходная проблематизация знаковой, кодовой природы речи (Модуль 1. «Семиотика речевой коммуникации») сменяется сосредоточением на субъектах и ситуативных контекстах (Модуль 2. «Прагматика речевой коммуникации»), потом — на культурных контекстах в их целостности и разнообразии (Модуль 3. «Контекстология речевой коммуникации») и, наконец, на формах технологического опосредования речи (Модуль 4. «Медиаология речевой коммуникации»). Работая с двумя большими потоками слушателей (всего более 200 человек), мы рано столкнулись с необходимостью опробовать гибридные технологии преподавания, использовать платформу дистанционного образования МГУ, поэтому испытание пандемией в 2020–2021 гг. не оказалось большой проблемой. Зачетные задания выполняются студентами онлайн по каждому из модулей (всего за год пять раз) и предполагают, помимо тестирования теоретических знаний, пробный опыт их практического, отчасти и творческого применения, как-то: написание аналитического эссе, целенаправленный подбор лингвокультурных единиц, выявление проблемных точек в художественном переводе. Рутинный учебный зачет принимает в итоге вид коллективного «штурма» культурно значимой проблемы, — неудивительно, что интерпретация результатов зачета неоднократно давала преподавателям повод для научных докладов и публикаций¹. И содержание, и формы представления курса постоянно обсуждаются, в том числе в диалоге со студентами².

¹ Например, в 2014 г. Т.Д. Венедиктова и Д.О. Немец-Игнашева выступили с докладом “Un (Learning) Literature Through the Literary Essay” (по материалам студенческих эссе предыдущего года) на всемирном конгрессе по академическому письму в Парижском университете. В 2015 г. студенты в рамках зачета анализировали образцы школьной литературоведческой дидактики, а обобщенный и критически осмысленный срез их мнений представил интерес для профессионального журнала учителей литературы, см. публикацию: Репортаж с половины пути. Размышления над учебником литературы // Литература. 2015. № 9 (767). С. 47–52.

² Весной 2011 г. возник конфликт по поводу жалоб, поступивших от наших слушателей в деканат: они выражали недовольство «сверхплановостью» курса, не входящего в государственный стандарт по специальности «Филология», слабой его организованностью и непонятностью зачетных заданий. Конфликт был разрешен после серии обсуждений в деканате и в студенческих аудиториях. Они дали серьезный стимул к развитию курса, и о малоприятном для меня как заведующей кафедрой эпизоде я вспоминаю с глубокой благодарностью. В том же году, кстати, госстандарт изменился, и освоение теории коммуникации было признано обязательным в составе филологического образования.

Параллельно с общим курсом складывалась кафедральная система спецкурсов и спецсеминаров, позднее магистрантских и аспирантских курсов. Во всех случаях это был поиск продуктивных компромиссов между общей стратегией развития кафедры и научно-творческими интересами ее немногочисленных преподавателей. Разрабатывая авторские курсы, каждый осваивал новую для себя сферу компетенций, и обучение шло на первых порах «по Ланкастерской системе». В итоге оформилось четыре взаимосвязанных направления учебно-научной работы: дискурсологическое; медиологическое; лингвокультурологическое и переводоведческое.

Дискурсологическое направление предполагает исследование взаимосвязей между речевыми и социокультурными практиками. В русле его разработаны и внедрены такие курсы, как «Прагматика литературного текста», «Антропология чтения», «Литературное воображение и социальное воображаемое» (Т.Д. Венедиктова), «Национальный миф и его отражение в языке», «Русский политический дискурс: от официоза до улицы» (Д.Б. Гудков), «Жанры популярной литературы» (А.А. Зубов), «Социология культурного текста» и «Теории массовой культуры» (А.В. Логутов), «Теории идентичности и анализ художественного текста» (Д.О. Немец-Игнашева).

Медиологическое направление приобщает филологов к азам современной теории медиа, настраивает на сравнительную работу с разнообразием текстовых практик, опосредованных и обусловленных технологически. Создана линейка курсов, проблематизирующих визуальные аспекты коммуникации: «Изобразительность и текст» (С.А. Ромашко); «Литература и фотография» и «Фотография-память-текст» (Е.А. Калинина). Учебная программа «Литература и кино» воплотилась во последовательности курсов — «Литература на экране», «Введение в теорию киноадаптации», «Методы нарратологии в анализе кинотекста», «Театральность кино» (П.Ю. Рыбина), «Зримое слово», «Кино и контекст», «Введение в искусство кино для филологов»³ (Д.О. Немец-Игнашева, профессор МГУ и Карлтон Колледжа). Другая линейка курсов разрабатывает филологические аспекты «звуковых исследований» (sound studies — еще одно новое поле, пока слабо представленное в отечественной гуманитарной науке). А.В. Логутов ведет учебные курсы «Анализ песенного текста», «Песенный текст как дискурс», «Звук и дискурс» и руководит научным семинаром «Антропология звука».

Направление *лингвокультурология и психолингвистика* ориентирует на изучение проявлений языкового сознания и культуры в дискурсе.

³ Курс ежегодно в мае заказывается фестивалем «Филфильм»: это и праздник студенческой самостоятельности, и опыт практического применения филологических навыков работы с текстом в новом медийном формате.

Читаются курсы: «Словарь и грамматика лингвокультуры», «Языковое сознание и спонтанная коммуникация», «Основы психолингвистики», «Психолингвистика текста», «Этнопсихолингвистика» (В.В. Красных); «Коды культуры: от лексикографии к коммуникативным практикам», «Основные принципы лингвокультурологического описания языковой картины мира», «Культурно-языковая модель мира», «Основы лингвокультурологии» (И.В. Захаренко); «Социально-политические функции речи» (Д.Б. Гудков). В 2020 г. на факультете создана новая междисциплинарная магистерская программа по специальности «Психолингвистика» (руководитель В.В. Красных), в рамках которой курсы читаются сотрудниками кафедры, других кафедр филологического факультета и факультета психологии МГУ.

Отчетливо практическую ориентацию имеет *переводоведческое направление*. Его первая ступень — спецкурс «Перевод в системе культуры» и семинар «Практика художественного перевода» (руководители А.Л. Борисенко и В.В. Сонькин). Студенты, достигшие успехов на практических занятиях, принимают участие в переводческих проектах, что позволяет им освоить весь цикл подготовки книги: исследование материала, разработка концепции, перевод, редакция, подготовка аппарата и т.д. вплоть до вычитки верстки⁴.

Разработка авторских курсов поддерживается обсуждением методологических аспектов работы — в разных жанрах, от международной конференции⁵ до внутрикафедрального методологического семинара. Наиболее продуктивным признан формат круглого стола или серии круглых столов, скрепленных «осевой» проблематикой. Такая форма научно-организационной деятельности позволяет привлечь внешний ресурс (с опорой на устойчивое сотрудничество с ИЯ РАН, ИФ РАН, ИМЛИ РАН, ВГИК, ВГБИЛ и другими научными и культурными институциями Москвы) и создать новые стимулы для профессионального развития членов кафедры, аспирантов, студентов. Примером может служить ряд дискуссий, проведенных в 2010–2015 гг. и посвященных коммуникации внутри творческих

⁴ Кафедральный переводческий семинар выпустил антологии: «Не только Холмс: Детектив времен Конан Дойла» (М.: Иностранка, 2009); «Только не дворецкий: Золотой век британского детектива» (М.: АСТ, 2011); «Криминальное чтиво и не только: американский детектив первой половины XX века» (М.: АСТ, 2019); комментированный четырехтомник Дороти Сэйерс (М.: АСТ, 2013–2015), серия «Винтажный детектив» (М.: АСТ, 2015–2016).

⁵ «Литература и медиа» (2005), «Классик и современные медиа» (2009), «Социальные науки и литературоведение: актуальные возможности диалога» (2012), «Тело и телесность в литературном тексте» (2013), «Голос и литературное воображение» (2015), «Наследие советской школы перевода» (2016), «Немая музыка: тишина как предмет художественной и литературной рефлексии» (2018), «Поэтический опыт и языковой эксперимент» (2019) и еще ряд других.

сообществ; в число их входила и международная летняя школа 2011 г. «Созидание сообществ посредством слова и образа», а итоги дискуссий «материализовались» в ряде публикаций, нескольких магистрантских и двух кандидатских диссертациях. Результативной оказалась и цепочка мини-конференций в 2013—2016 гг., посвященных киноадаптациям литературных произведений («Театральность кино», «Интертекстуальность киноадаптации», «Шекспир в кино: радикальные прочтения» и др.). То же можно сказать об уже десятилетнем проекте «Полифония большого города: человек говорящий в современном мире» — он предполагает регулярные (ежегодные) конференции и круглые столы, публикации научных материалов (Полифония большого города, 2015). Более практический характер носит серия круглых столов по переводоведению: ее задача — способствовать обмену опытом внутри переводческого цеха, знакомству студентов с ведущими российскими переводчиками, издателями-работодателями⁶.

«Серийность» научных мероприятий обеспечивает участие в них всех преподавателей и многих студентов кафедры, — тем самым и новые стимулы для учебно-педагогической работы. Так, две успешно проведенные летние школы «Академическое письмо: актуальный международный опыт» (2013) и «Творческое письмо и новые профили гуманитарного образования» (2018) помогли сформировать продуктивное поле институциональных контактов в этой области (в частности, с программами литературного мастерства НИУ ВШЭ и университета Айовы, США), а в итоге — разработать и внедрить в 2019—2020 гг. собственные курсы по творческому письму для бакалавров (их ведут А.А. Зубов, А.В. Швец), курсы по академическому письму для магистрантов и аспирантов факультета (последний — в сотрудничестве с кафедрой английского языкознания и кафедрой германской и кельтской филологии). Обмен международным опытом обеспечивает практикум «Жанры научного письма» — для преподавателей московских вузов — организуемый ежегодно силами кафедры под руководством профессора Д.О. Немец-Игнашевой.

Кульминация диалога, поддерживаемого в течение учебного года, — международная/общероссийская летняя гуманитарная школа в середине-конце июня. Тематический фокус школ менялся, отсылая неизменно к тому или иному аспекту культурной коммуникации (традиции и социальные мифы, идеологические и ценностные комплексы, творческие и медийные практики, национальное и

⁶ Названия мероприятий (некоторых из длинного списка) говорят за себя: «Цензура в художественном переводе» (2018); «Время перемен: переводческая норма и читательские ожидания» (2018); «Переводчик. Издатель. Деньги» (2019); «Читательская и профессиональная критика художественного перевода» (2021).

глобальное, литературная классика и популярная литература). В разработку программ и подготовку летних школ опять-таки вовлекались все преподаватели кафедры, а студенты и магистранты, обеспечивая их проведение, получали полезную летнюю практику по международной коммуникации (руководители — Д.О. Немец-Игнашева и Е.А. Калинина). Работа летних школ осуществлялась при поддержке международных программ с опорой на межфакультетское, межузовское и межинституциональное сотрудничество. Она регулярно освещалась в научных журналах, став одной из многих точек роста российской гуманитаристики. Формат школы давал активным молодым ученым из разных регионов и университетов России возможность обсудить интересующие их (и нас) проблемы с ведущими специалистами из России, США и Западной Европы. Бывало, что по прошествии десятка или полутора десятков лет бывшие аспиранты приезжали на школу уже в качестве докторов наук и преподавателей. В 2020 г. практика проведения летних школ была вынужденно прервана пандемией, в то же время стало ясно, что продолжение этого важного вида научно-организационной деятельности требует поиска новых форм.

Плоды работы кафедры — научные монографии [Венедиктова, 2003; 2018; Гудков, 2007; Красных, 2003; 2016; 2017], учебники и учебные пособия [Основы теории коммуникации, 2017; Красных, 2012], словари [Русское культурное пространство, 2004], рецензии и переводы новейшей научной литературы, статьи и проблемно-тематические блоки статей в научных журналах⁷. Десяток молодых кандидатов филологических наук, защитившихся по разным специальностям (теории языка и теории литературы) — тоже плоды работы кафедры. Отчеты о разных направлениях нашей работы неоднократно заслушивались на ученом совете филологического факультета, материалы, раскрывающие ключевые аспекты научной программы публиковались в журнале «Вестник Московского университета» [Венедиктова, Логутов, 2020]. Эти периодические «ревизии» напо-

⁷ Серия сборников «Язык, сознание, коммуникация» (62 выпуска), в подготовке которых участвовали сотрудники кафедры.

Блоки статей в «Вестнике Московского университета. Серия 9. Филология, в частности: Трансмедийные методы филологического исследования текста (№ 4, 2017); Литература в контекстах культурной коммуникации (№ 1, 2018); Популярная литература в глобальном и локальном культурных пространствах (№ 5, 2018); Слово и визуальный образ (№ 1, 2019); Удовольствие от текста: эмоциональные ландшафты фантастического (№ 4, 2020); Поэтика режиссера vs поэтика писателя: киноадаптации текстов М. Пруста (№ 6, 2020); Невозможные языки в литературе: прагматика и семантика (№ 1, 2021); Сценарный текст как коммуникативное пространство в творчестве Тонино Гуэрры (№ 2, 2021).

Блоки статей в «Новом литературном обозрении»: «Шум и тишина» (№ 148, 2017); «Материальность и текстуальность поэтического высказывания» (№ 156/2, 2019).

минали о том, что предмет наших занятий и не самоочевиден для коллег, и небезынтересен.

За два прошедших десятилетия многое изменилось и во внутренней жизни коллектива, и в окружающей нас среде. Понятие «дискурс» стало привычным и общепринятым, если не общепонятным, — с ним работают филологи (по преимуществу лингвисты) во многих университетах. Кафедральная программа между тем остается уникальной, поскольку предполагает плотное взаимодействие аналитических подходов, устойчиво чуждающихся друг друга (как лингвистический и литературоведческий, переводоведческий и медиологический). Исходно это было обусловлено малочисленностью состава кафедры, но у недостаточности обнаружилась и выигрышная сторона. Навык рассмотрения текстовых практик как *интегрированных внутренне, но сопряженных с контекстами, культурными средами и средствами/медиа* ценен тем, что располагает к гибкости аналитического маневра и облегчает адаптацию наличного опыта для решения новых задач. Одним из приоритетов развития науки в МГУ, например, признана сегодня работа по совершенствованию искусственного интеллекта, — невозможная, разумеется, без пристального внимания к интеллекту естественному — его творческому потенциалу и специфическим ресурсам, обусловленным эмоциональностью, аффективностью и т.д. Для дискурсных исследований в новейших изводах — таких, как психолингвистика, когнитивная прагматика художественного текста, когнитивная поэтика, когнитивная нарратология, — это зона прямого и явного интереса. Он и реализуется в новой серии кафедральных дискуссий — конференций и международных круглых столов как планируемых, так и уже проведенных⁸.

Кафедру общей теории словесности, в факультетском быту обозначаемую аббревиатурой «ОТС», можно считать характерным плодом российских 1990-х, — времени смутного, отважного и не все ожидания оправдавшего. Конечно, и нам не удалось многое из того, что было теоретически возможно, но, поймав в паруса ветер перемен, маленькая кафедра старалась его не терять.

Полученный опыт можно обобщить в виде ряда факторов, на которые может и должна делать ставку междисциплинарная программа в своем развитии:

- теоретичность, но также адресованность практическим проблемам;
- сотрудничество с базовыми, классическими дисциплинами на условиях взаимодополнительности;

⁸ «Удовольствие от текста: эмоциональные ландшафты фантастического» (2019), «Удивление от текста: остранивание в аспекте когнитивной прагматики» (2021), «Субъектность в речи» (2021), «Жанр в когнитивной перспективе» (2021).

- диалог как модус профессионального поведения, постоянная забота о расширении и оптимизации сети профессиональных контактов;
- последовательность и интенсивность методологической рефлексии;
- самокритика, готовность искать и испытывать новые формы работы.

Занимаясь теорией дискурса, мы изучаем фактически коммуникативные механизмы, поддерживающие изменчивость культуры, включая культуру академическую. Изменчивость — не синоним совершенствования, но и не синоним распада. В университетской «экосистеме» дискурсные исследования, как и в целом междисциплинарные программы, нужны и важны тем, что обеспечивают:

- динамичное обновление знания;
- оперативную аналитическую реакцию на сигналы, исходящие из окружающей социокультурной среды;
- работу с вновь возникающими запросами еще в фазе их формирования;
- сбережение традиций путем их тактичного преобразования навстречу новым реалиям.

Список литературы

1. Венедиктова Т.Д. Дискурс торга в литературной традиции США. М., 2003.
2. Венедиктова Т.Д. Литература и опыт. Буржуазный читатель как культурный герой. М., 2018.
3. Венедиктова Т.Д., Логутов А.В. Прагматика и медиология литературного текста // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. № 1. С. 42–54.
4. Гудков Д.Б. (в соавторстве) Телесный код русской культуры. М., 2007.
5. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003.
6. Красных В.В. Основы психолингвистики: лекционный курс. М., 2012.
7. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. М., 2016.
8. Красных В.В. (в соавторстве, под ред. В.В. Красных) (Нео) психолингвистика и (психо) лингвокультурология. М., 2017.
9. Основы теории коммуникации: Учебник и практикум для академического бакалавриата / Под ред. Т.Д. Венедиктовой, Д.Б. Гудкова. М., 2017.
10. Полифония большого города: город как перекресток миров, текстовое многоголосье, семиотика городского ландшафта / Под ред. В.В. Красных, И.В. Захаренко. М., 2015.
11. Репортаж с половины пути: Размышления над учебником литературы // Литература. 2015. № 9 (767). С. 47–52.

12. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь (в соавторстве, под ред. И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова). М., 2004.

Tatiana Venediktova

AN EXPERIENCE OF BUILDING AN INTERDISCIPLINARY ACADEMIC PROGRAM

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is a brief history of how the Department of Discourse and Communication Studies was founded at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University in 2003. It reviews the institutional development of the department's diverse cross-disciplinary course offerings at the baccalaureate, master's, and pre-doctoral levels, made possible through the collaborative efforts of innovative scholars representing a range of subspecializations within communication studies broadly defined in a variety of media.

Key words: interdisciplinary studies; discourse studies; media studies; linguocultural studies.

About the author: *Tatiana Venediktova* — Prof. Dr., Head of the Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tvenediktova@mail.ru).

References

1. Venediktova T.D. *The discourse of bargaining in the literary tradition of the USA*. Moscow: New Literary Review, 2003.
2. Venediktova T.D. *Literature and Experience. The bourgeois reader as a cultural hero*. Moscow: New Literary Review, 2018.
3. Venediktova T.D., Logutov A.V. *Pragmatics and Mediology of literary text*. Vestn. Moscow. un-ta. Ser. 9. Philology. 2020. No. 1, pp. 42–54.
4. Gudkov D.B. (co-authored) *The bodily code of Russian culture*. Moscow: Gnosis, 2007.
5. Krasnykh V.V. *“Own” among “strangers: myth or reality?* Moscow: Gnosis, 2003.
6. Krasnykh V.V. *Fundamentals of psycholinguistics: lecture course*. Moscow: Gnosis, 2012.
7. Krasnykh V.V. *Dictionary and grammar of linguoculture*. Moscow: Gnosis, 2016.
8. Krasnykh V.V. (coauthored, edited by V.V. Krasnykh) *(Neo) psycholinguistics and (psycho) linguoculturology*. Moscow: Gnosis, 2017.

9. *Fundamentals of Communication Theory: Textbook and Workshop for academic Bachelor's degree* / Edited by T.D. Venediktova, D.B. Gudkov. M.: Yurayt, 2017.
10. *Polyphony of the big city: the city as a crossroads of worlds, textual polyphony, semiotics of the urban landscape* / Edited by V.V. Krasnykh, I.V. Zakharenko (2015).
11. *Reportage from half way. Reflections on the textbook of literature*. Literature. 2015. No. 9 (767), pp. 47–52.
12. *Russian cultural space: Linguistic and cultural dictionary* (coauthored, edited by I.V. Zakharenko, V.V. Krasnykh, D.B. Gudkov). Moscow: Gnosis, 2004.

О НОВЫХ РЕСУРСАХ ДЛЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

О.Ф. Кривнова, Л.М. Захаров, И.М. Кобозева

РУССКИЙ ИНТОНАЦИОННЫЙ КОРПУС РИНКО: ДИАЛОГИЧЕСКАЯ И МОНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕЧЬ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

В статье описан опыт коллективной работы по созданию русского интонационного корпуса с применением современных методов функционального исследования интонации и современных средств ее фонетического анализа. Исследования по проекту осуществлялись речевой группой филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством д.ф.н. С.В. Кодзасова в три этапа: в 2004 г. был создан компонент базы данных по вопросительным высказываниям; в 2005 г. — по побуждениям; в 2006 г. — по сообщениям в составе диалога. Далее работа по созданию русского интонационного корпуса РИНКО была продолжена на аналогичной теоретической базе для повествовательных текстов разного жанра в режиме чтения. В состав корпуса включены также спонтанные рассказы об интересных событиях из жизни информантов. Однако на сегодняшний день результаты данного проекта, к сожалению, известны лишь небольшому кругу исследователей в области русской просодии.

Ключевые слова: русский язык; устный дискурс; интонация; просодическая разметка; речевой корпус; диалог; монологические жанры.

Кривнова Ольга Федоровна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Захаров Леонид Михайлович — старший инженер Учебно-научного компьютерного центра филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: leonid_zakharov@mail.ru).

Кобозева Ирина Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kobozeva@list.ru).

¹ Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада авторов, опубликованного в сборнике: Анализ русской разговорной речи (АР³–2017). Труды седьмого междисциплинарного семинара. СПб.: Политехника-принт, 2017. Работа выполнена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для современной лингвистики характерно повышение интереса к вопросам диалогического взаимодействия людей в самых разных формах и жанрах (бытовой диалог, ток-шоу и т.д.). Фокус внимания разработчиков речевых корпусов в последнее время также смещается на мультимодальные «коммуникативные» корпуса и базы данных с компонентом звучащей речи. По материалам международного семинара на эту тему, проведенного в 2008 г. в составе Международной конференции Language Resources and Evaluation (LREC), был подготовлен сборник статей [Kipp et al., 2009], посвященный проблемам моделирования мультимодальной межличностной речевой коммуникации. Широкие «коммуникативные» корпуса имеют не только технологическое, но и образовательное, общекультурное значение. В то же время все острее ощущается нехватка просодически размеченных представительных речевых корпусов и баз данных, необходимых для разработки речевых технологий синтеза и распознавания речи, в частности, например, для адекватной расстановки знаков пунктуации в распознанной спонтанной речи [Бирин, Булашевич, Грекис, 2017].

Хорошо известно, какую важную роль в межличностном диалогическом взаимодействии играет интонация. Современные фонетические исследования в области интонации направлены на информационные, семанτικο-прагматические и дискурсивные аспекты ее функционирования в речи и на соответствующие акустические средства. Исследуются не только тональные конфигурации, отражающие семанτικο-прагматические характеристики высказываний, но также акцентная, громкостная, темпоральная, фонационная, тембровая структура и их разнообразные функции в устном диалоге. Очень важен также анализ вариативности просодических характеристик речевых высказываний в естественной, в том числе спонтанной, речи [Чучупал, 2017].

Однако в русской интонологии параметрический анализ и моделирование интонации пока не получили должного развития. Практически нет и представительных просодических баз данных по интонации русской речи, в том числе и диалогической. Между тем в работах зарубежных исследователей уже опробованы и активно используются современные международные стандарты просодической разметки речевых данных. Так, например, в широко известной системе просодической разметки TOBI (Tone and Break Indices) предусмотрены два уровня фиксации просодической информации: тональные акценты и просодическое членение, т.е. сегментирующая сила словоразделов. Указанная система разметки с успехом использовалась при создании речевых корпусов для типологически разных языков (от американского английского до китайского) [Sun-Ah, ed. 2005, 2014].

Создание электронной БД «Интонация русского диалога» (далее — ИРД) в составе русского интонационного корпуса РИНКО, о которой, в частности, идет речь в данной статье, являлось насущной задачей и было встречено многими специалистами с большим интересом, но в то же время выявились и актуальные проблемы, требующие продолжения разработок по созданию информационно богатых речевых корпусов межличностного взаимодействия.

Работа по проекту РИНКО осуществлялась в несколько этапов: в 2004 г. был создан компонент базы данных по вопросительным высказываниям; в 2005 г. — по побуждениям; и в 2006 г. — по сообщениям в составе диалога. В окончательном виде эта часть проекта была реализована в виде реляционной базы данных MS Access 2000. Единица базы содержит диалогическую реплику в письменной форме, звуковой файл этой реплики, графический файл с тонограммой, параметрическое описание просодии реплики и имя ее прагмасемантического класса в соответствии с рубрикаторм. Возможен поиск и сортировка данных как по прагмасемантическому классу, так и по фонетическим признакам. Можно также текущим образом прослушивать звуковые объекты базы данных и просматривать их акустические характеристики. Окончательным результатом работы являются объединенные общей оболочкой три самостоятельных модуля БД, содержащих массивы вопросительных, побудительных и повествовательных реплик, снабженных звуковыми файлами, просодическими дескрипциями, семантическими классификаторами, а также иллюстрациями в виде графиков звуковой волны и частоты основного тона (ЧОТ)².

При создании каждого компонента БД ИРД решались следующие взаимосвязанные задачи:

1. Разработка семантико-прагматической классификации (рубрикации) реплик соответствующего типа и формирование текстового массива примеров;
2. Семантико-прагматическая разметка высказываний из текстового массива БД;
3. Озвучивание высказываний из текстового массива БД (запись речевого материала БД);
4. Просодическая разметка (транскрипция) речевого материала БД.

Текстовый состав БД «ИРД». При создании текстового состава диалогических высказываний на каждом этапе работы разрабатывалась комплексная классификация реплик каждого из трех анализируемых классов. В первичной классификации суммировались результаты фундаментальных лингвистических исследований по-

² По ряду технических причин спектрограммы аудиофайлов были включены в общий массив иллюстраций выборочно. В новых версиях БД мы планируем представить иллюстративные спектрограммы для всех реплик базы ИРД.

следнего времени, а также результаты авторского анализа массива высказываний, собранных из диалогов в СМИ. При работе над текстовым составом БД авторы стремились максимально полно покрыть все коммуникативное разнообразие соответствующих реплик, наблюдаемое в русской речи. Массивы порядка **300–400** реплик (для каждого из трех компонентов) достаточно полно отражают пространство дискурсивных возможностей русской речи. В итоге в БД ИРД было введено около 1000 высказываний, покрывающих все основные разновидности диалогических реплик (инициирующих и реактивных). Каждая реплика характеризуется типом (по предложенной классификации, см. ниже), а в случае побудительных реплик также и набором семантико-грамматических признаков, для которых целесообразно искать соответствия в просодических характеристиках реплик.

Семантико-прагматическая характеристика высказываний в БД. Во всех трех компонентах диалогического модуля РИНКО каждая реплика характеризуется по ее месту в разработанных участниками проекта классификациях, которые учитывают как лексикосинтаксическую структуру реплик, так и их семантико-прагматические свойства.

Классификации, построенные в рамках проекта, по степени подробности превосходят описания, имевшиеся в русистике ранее. Так, например, классификация вопросительных по форме реплик представляет собой иерархию, доходящую до четырех уровней. На первом уровне все реплики, представленные вопросительными предложениями (ВП), делятся на общие (1) и специальные (2) вопросы³. Далее каждый из этих двух классов делится на подклассы. Так, общие вопросы (ОВ) делятся на пять подклассов второго уровня: 1.1. Базовые; 1.2. Дизъюнктивные; 1.3. Сопоставительные; 1.4. Синтаксически усложненные; 1.5. Иллокутивные разновидности ОВ; 1.6. Экспрессивные разновидности ОВ; 1.7. ОВ с частицами; 1.8. ОВ с неопределенными местоимениями. Подклассы 1.1, 1.4 и 1.5 разбиваются на подклассы третьего уровня. Так, подкласс 1.5 включает 24 подкласса, соответствующих иллокутивным разновидностям ОВП, среди которых такие, как Автоагрессия (напр., *Вы видели такого дурака?*), Вопрос — «останов» (напр., *Замолчишь ты наконец?*). Подклассы третьего уровня могут, в свою очередь, разбиваться на подклассы четвертого уровня. Так, подкласс 1.1.2. Верификативные

³ Следует отметить, что термин «вопрос» в данной классификации отражает формальную характеристику реплики — ее реализацию в форме ВП, а не ее функциональную характеристику. В большинстве случаев содержащиеся в БД вопросительные по форме реплики являются вопросами и по функции, но есть в ней и такие, которые выступают в одной из вторичных для ВП функций, — просьбы, предложения, запроса на разрешение, утверждения и целом ряде других функций.

ОВ делится на три терминальных подкласса: 1.1.2.0. — простые, напр., (q5f)⁴ *Ты играешь на гитаре?* 1.1.2.1 — с частицей *ли*, напр., (q5f) *Сдал ли он экзамен?* и 1.1.2.2. — расчлененные, напр., (q10f) *Ты на гитаре — играешь?*

Ясно, что данная классификация носит рабочий характер. Для вопросительных реплик также была построена всеобъемлющая система независимых признаков, позволяющая охарактеризовать реплики в прагматическом, семантическом и лексико-синтаксическом аспекте [Кобозева, 2005], но пока в БД используется рабочая классификация. В связи с этим одним из направлений дальнейшей работы над БД может быть замена классификационной характеристики реплики на признаковую характеристику, что позволит искать реплику по заданному набору признаков. Такой подход реализован пока только в компоненте побудительных реплик.

Запись речевого материала БД. Отобранный текстовый массив БД был озвучен и записан в студийных условиях. На первых двух этапах работы запись производилась на магнитную ленту, а затем материал оцифровывался и файлировался. На третьем этапе работы был использован цифровой рекордер, записывающий непосредственно файлы формата «wav». В качестве дикторов выступили участники проекта: две женщины и трое мужчин (возраст — 30–40 лет). Все дикторы — носители литературной нормы, жители Москвы, с высшим лингвистическим образованием. Каждая единица БД была озвучена одним диктором. Распределение реплик между дикторами носило произвольный характер. Запись осуществлялась в соответствии с микросценариями диалогового взаимодействия: вопрос — ответ; побуждение — реакция; сообщение — реакция на сообщение. Указанный способ озвучивания текстового материала был выбран сознательно, с учетом поставленных в проекте задач. Естественная речь более интересна с точки зрения изучения ядерных, наиболее употребительных просодических моделей. Но только записи заранее отобранных примеров в дикторском чтении позволяют учесть в достаточной степени все возможные варианты диалогических реплик, представленные в семантико-прагматической классификации.

Просодическая разметка речевого материала БД. Звуковые файлы реплик были подвергнуты детальному акустико-интонационному анализу, в результате которого каждому файлу была сопоставлена просодическая дескрипция. За ее основу была взята предложенная С.В. Кодзасовым [Кодзасов, 1996; 1999; 2009] система описания ин-

⁴ В скобках приведен индивидуальный код единицы в БД, первая буква которого отражает тип реплики (q — вопрос), следующая за ней цифра — порядковый номер в списке реплик данного типа, а последняя буква — пол диктора (f — женский, m — мужской).

тонации, носящая комбинаторный характер и не ориентированная на какой-либо фиксированный набор интонационных конструкций⁵.

В данной транскрипционной системе учитываются как локальные, так и интегральные просодические характеристики высказываний: тональный акцент и регистр синтагмы, растяжка гласного и темп произнесения синтагмы и т.д. Для каждой характеристики учитываются все акустические параметры: например, для тона фиксируется направление, регистр, интервал, особая временная локализация в слоге (для акцентов⁶).

Структура БД. База ИРД реализована в виде реляционной базы данных MS Access 2000. Каждая единица базы, соответствующая одной реплике, содержит следующие зоны:

- а) стандартная орфографическая запись реплики;
- б) орфографическая запись реплики с просодической разметкой, позволяющей соотносить акценты и интегральные просодии с компонентами предложения;
- в) акустикопросодическая расшифровка акцентов и интонационных блоков;
- г) семантико-грамматическая форма, дающая многопараметрическое описание предложения (коммуникативный тип, модальность, грамматическая характеристика и др.).

Электронная форма снабжена специальными кнопками, которые дают возможность прослушать запись, а также просмотреть график звуковой волны и тонограмму, полученную с помощью программы Speech Analyzer. В качестве примера приведем комментарий к просодической разметке вопросительной реплики *Кому-то плохо?*, относящейся к классу 1.1.3. Общие вопросы / Базовые типы / Вопрос к предикации в целом (“неинтергентная тема”):

[Кому1-то *пло2хо] А-НБТ?

- 1, 2 — номера акцентированных слогов;
- * (звездочка) перед словом означает выделительный акцент;
- квадратные скобки указывают границы просодической синтагмы в случае, когда данная группа слов имеет маркированные значения интегральных просодических признаков (регистра, громкости, темпа или фonaции). При этом закрывающие скобки помечены заглавными буквами, отражающими порядок просодически маркированных синтагм в реплике (максимальное количество таких синтагм в репликах массива — четыре, поэтому в рабочем окне базы на рис. 1 ниже предусмотрены

⁵ Несколько модифицированный вариант транскрипции С.В. Кодзасова был использован в просодически размеченных корпусах устных спонтанных рассказов, размещенных на сайте spokenscpora.ru.

⁶ Значимые локальные тоны реализуются обычно на ударных слогах выделительных акцентов, но могут также присутствовать в безударной завершающей части синтагмы или фразы, см. ниже рис. 2.

четыре позиции: А, Б, В, Г). Такая запись используется только в случае *маркированной* интегральной просодии. В приведенном примере были зарегистрированы маркированные просодические признаки: регистр — Н (нижний); темп — Б (быстрый); громкость — Т (тихий). Ниже на рис. 1 и рис. 2 представлена реплика, в которой просодически маркированных синтагм нет;

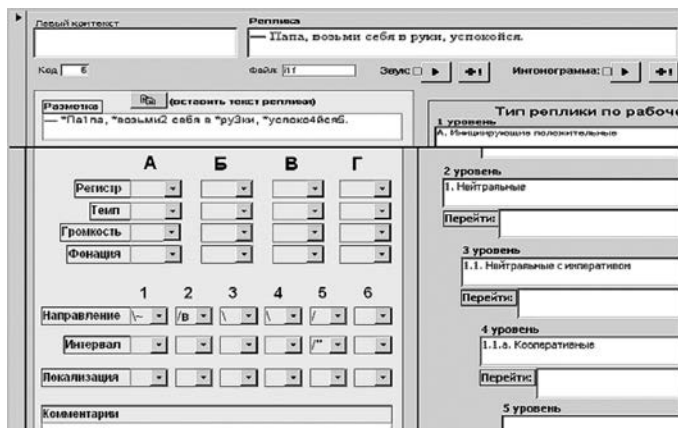

Рис. 1. Фрагмент рабочего окна БД для побудительной реплики «*Папа, возьми себя в руки, успокойся!*», слева просодические характеристики реплики, справа — семантико-прагматические

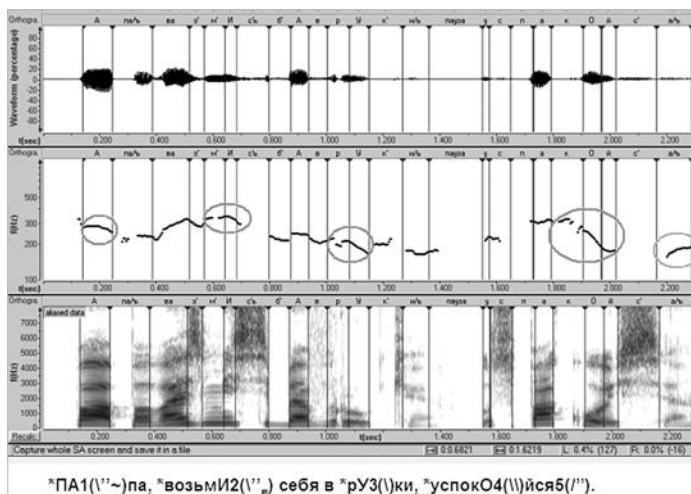

Рис. 2. Отсегментированная осциллограмма, тонограмма, на которой отмечены тональные акценты на первых четырех овалах и граничный тон на последнем овале, а также динамическая спектрограмма и просодическая транскрипция побудительной реплики «*Папа, возьми себя в руки, успокойся!*»

- расшифровка тональных акцентов в приведенном выше примере:
 - направление: /- (восходящий плюс ровный); локализация: НЛ (движение не локализовано и осуществляется на цепочке слогов);
 - направление: / (восходящий); локализация: дефолтная — на всем ударном слоге слова-акцентоносителя.

Приведем еще две иллюстрации для реплики побуждения.

Как было отмечено выше, при просодической разметке реплик использовалась система знаков, предложенная С.В. Кодзасовым, она подробно описана в книге [Кодзасов, 2009]. Транскрипционная просодическая разметка, полученная с помощью данной системы, достаточно детально отражает функционально значимые особенности просодического оформления реплик в БД ИРД. Ниже приведен фрагмент системы С.В. Кодзасова, который был использован при создании просодической транскрипции на рис. 2.

Локальные просодии (интегральные просодии в разметке не отмечены, так как они реализованы в немаркированном варианте).

- Номера после гласных указывают вокалические центры слогов, несущих тональные акценты. Они присваиваются в линейном порядке на протяжении всего текста данной реплики. Ударные гласные — носители локальных тональных акцентов обозначаются заглавными буквами.
- Звездочки перед словами указывают на выделительные (громкостные) акценты: * означает обычный выделительный акцент, а ** — контрастивный выделительный акцент. Эти акценты определяются главным образом на слух, так как их надежные фонетические корреляты пока не установлены, и они в комплексе создают слуховое ощущение выделительного акцента. Однако обычно такие акценты реализуются тональным параметром, т.е. ЧОТ, в совокупности с интенсивностью. В то же время тональный и громкостный акценты могут иногда использоваться и независимо⁷.
- Тональные акценты на слоге-акцентоносителе имеют обозначения, которые учитывают все значимые акустические параметры тонального движения:
 - направление тона: / (восходящий), \ (нисходящий), /\ (восходяще-нисходящий), \/ (нисходяще-восходящий), /- (восходящий плюс ровный без падения) и т.п.;

⁷ Отметим, что ударные гласные слов без перцептивно значимого выделительного акцента никак специально не маркировались. В дальнейшем, возможно, будет полезно ввести более подробные градации выделенности среди акцентов, в дополнение к бинарному признаку «обычный — контрастивный».

- регистр (маркированный) тонального акцента относительно общего тонального диапазона голоса диктора, обозначается следующим образом: \н (нисходящий в низком регистре, /н (восходящий в низком регистре, \в (нисходящий в высоком регистре), /в (восходящий в высоком регистре)⁸;
- интервал тона (маркированный): // или \ (увеличенный интервал — более 7–8 полутонов), /' или \ (малый интервал — порядка 3–4 полутонов, /'' или \'' сверхмалый интервал — менее 3 полутонов; нейтральные значения (порядка 6–7 полутонов) никак специально не помечаются.

Отметим, что в транскрипции реплики на рис. 2 не отмечено так называемое таймирование тонального акцента, т.е. локализация тонального движения относительно границ акцентированного слога. Это очень важный признак тонального акцента. Акцент может иметь маркированную локализацию в акцентированном слоге относительно его границ. В системе С.В. Кодзасова это фиксируется так: \с (движение в основном на согласном), \г (движение в основном на гласном), /с\г (разнонаправленное движение тона на согласном и гласном), \нл (движение не локализовано и осуществляется на цепочке слогов). Нейтральная (типовая) локализация тона (движение внутри неконечной части слога) никак специально не обозначается. Как видно из рис. 2, где границы звуковых сегментов реплики показаны вертикальными линиями, в данном примере наблюдается типовое таймирование тонального движения на ударном слоге слова-акцентовосителя.

После завершения проекта БД «ИРД» работа по созданию русского интонационного корпуса РИНКО была продолжена на аналогичной теоретической и практической базе в следующих направлениях:

1. Проводилась разработка второй части корпуса РИНКО, включающей повествовательные монологические тексты и соответствующие аудиоматериалы разных дискурсивных типов: новостные тексты, художественная проза (сказка, современный детектив, современный роман), спонтанные рассказы об интересных событиях из жизни информантов⁹.

Пример просодической разметки новостного текста:

Стандартная орфографическая запись

Полтора часа назад из Вены пришло сенсационное известие, которое грозит крупным международным скандалом и должно повли-

⁸ В соответствии с общей установкой в разметке фиксировались только маркированные реализации регистра локального тона в акценте.

⁹ В соответствии с общей установкой в разметке фиксировались только маркированные реализации регистра локального тона в акценте.

ять на судьбу арестованного в Австрии сотрудника международного управления РосКосмоса.

Орфографическая запись с просодической транскрипцией

Полтора часа *назад (\) из *Вены (/с\г) пришло *сенсационное (\') *известие (/с'\г'), которое грозит *крупным (/с\г) международным *скандалом (/') и должно *повлиять (\\г) на судьбу арестованного в *Австрии (/') сотрудника | международного управления *РосКосмоса (/с\г) ||

Дополнительные пояснения: ударные гласные акцентированных слов подчеркнуты снизу, тональный акцент обозначен после слова-акцентоносителя; «вертикальки» обозначают паузы разной длительности.

Пример просодической разметки художественного текста:

Стандартная орфографическая запись

Про сумасшедшего немца он, конечно, забыл и старался понять только одно, как это может быть, что вот только что он говорил с Берлиозом, а через минуту — голова...

Орфографическая запись с просодической транскрипцией

Про сумасшедшего *нЕмца (/с'\г') он конечно *забЫл (/\'в) | и старался *понЯть (/с'\г') только *однО (/с\г) | [как это может *бЫть (/с\г,+) Б || [что *вОт (/с\г") *тОлько (/с\г') что *Он (/) *говорИл (\г") с *БерлиОзом (—в) ПДХ || [а через *минУту (/) || *головА (\)] ПДХ, М ||

Дополнительные пояснения: знаки интегральных просодий — ПДХ — придыхательная фонация, Б, М — быстрый, медленный темп соответственно, + — громкостной акцент.

2. Была начата работа по преобразованию базы данных «Интонация русского диалога» в мультимедийный online-корпус, доступный любому пользователю через Интернет. Для реализации корпуса РИНКО был использован формат мультимедийного разметчика ELAN и серверная платформа LAT, дающая возможность онлайн-просмотра разметки в формате ELAN, прослушивания аудиофайлов и сложного поиска с использованием регулярных выражений. Текущая версия корпуса будет, как планируется, доступна онлайн. В процессе перехода к разметке, синхронизированной с аудиосигналом, были внесены также некоторые дополнительные слои информации (автоматическая каноническая фонетическая транскрипция реплик, паузация, ручная транскрипция локальных тональных движений).

По ряду технических причин нам не удалось пока завершить работу по созданию мультимедийного online-корпуса на основе разработанной версии корпуса РИНКО. Подробное освещение текущих результатов и проблем разработки РИНКО в указанных

направлениях выходит за рамки темы данной статьи и требует отдельного обсуждения.

Список литературы

1. *Архипов А.В., Кривнова О.Ф., Лебедев А.А.* Речевой корпус «Интонация русского диалога» // *Proceedings of the 14-th International conference Speech and Computer (SPECOM'2011)*. Казань, 2011. Р. 461–468.
2. *Бирин Д.А., Булашевич А.Е., Грекис М.Ю.* Задача автоматической постановки знаков пунктуации в распознанной спонтанной русской речи // *Речевые технологии*. 2017. № 1–2. С. 94–104.
3. *Кобозева И.М.* Опыт разработки признаковой базы для характеристики лексико-синтаксических, семантических и прагматических свойств вопросительных реплик // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2005»* (Звенигород, 1–6 июня 2005 г.). М., 2005. С. 238–244.
4. *Кодзасов С.В.* Комбинаторная модель фразовой просодии // *Просодический строй русской речи*. М., 1996.
5. *Кодзасов С.В.* Уровни, единицы и процессы в интонации // *Проблемы фонетики*. Вып. 3. М., 1999.
6. *Кодзасов С.В.* Исследования в области русской просодии. М., 2009.
7. *Кодзасов С.В., Бонч-Осмоловская А.А., Захаров Л.М., Кобозева И.М., Кривнова О.Ф.* База данных «Интонация русского диалога»: вопросительные реплики // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2005»* (Звенигород, 1–6 июня 2005 г.). М., 2005. С. 245–249.
8. *Кодзасов С.В., Архипов А.В., Бонч-Осмоловская А.А., Захаров Л.М., Кривнова О.Ф.* База данных «Интонация русского диалога»: побудительные реплики // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2006»* (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2006 г.). М., 2006. С. 236–242.
9. *Кодзасов С.В., Архипов А.В., Бонч-Осмоловская А.А., Захаров Л.М., Кривнова О.Ф.* База данных «Интонация русского диалога»: реплики-сообщения // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции «Диалог 2007»* (Бекасово, 31 мая — 4 июня 2007 г.). М., 2007.
10. *Чучупал В.Я.* Сравнение эффективности моделей вариативности произношения для систем распознавания речи // *Речевые технологии*. 2017. № 1–2. С. 3–11.
11. *Kipp M., Martin J.-C., Paggio P., Heylen D.* (eds.) *Multimodal corpora: From Models of Natural Interaction to Systems*. Springer, 2009.
12. *Sun-Ah Jun.* *Prosodic Typology. Phonology of Intonation and Phrasing*. ed., Oxford linguistics, 2005.
13. *Sun-Ah Jun.* *Prosodic Typology II. The New Development in the Phonology of Intonation and Phrasing*. Oxford UP, 2014.

THE RUSSIAN INTONATION CORPUS ‘RINCO’: DIALOGICAL AND MONOLOGICAL SPEECH

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper describes an experience of creating the Russian Intonation Corpus based on a functional approach to intonation and using modern means of its phonetic analysis. The project headed by S.V. Kodzasov was carried out by the Speech Group of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. Firstly, the dialogical intonation module was created. The interrogative utterances component was built in 2004, the directive (or imperative) utterances component in 2005, the representative utterances component in 2006. Later, the project continued on the basis of analogous theoretic principles. At this stage the corpus has been expanded, including analyzed samples of multiple genres of narrative texts read by professional speakers and reciters and life stories spontaneously told by informants. Regretfully, today the project results are known and available only to few researchers of Russian intonation.

Key words: Russian; spoken discourse; intonation; prosodic marking; speech corpus; dialogue; monologue.

About the authors: *Olga Krivnova* — Prof. Dr., Leading Research Fellow, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; *Leonid Zakharov* — Senior Engineer of the Computer Centre, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: leonid_zakharov@mail.ru); *Irina Kobozeva* — Prof. Dr., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kobozeva@philol.msu.ru).

References

1. Arkhipov A.V., Krivnova O.F., Lebedev A.A. Rechevoy korpus “Intonatsiya russkogo dialoga”. [Speech Corpus “Intonation of Russian Dialog”] In: *Proceedings of the 14th International conference Speech and Computer (SPECOM’2011)*. Kazan, 2011, pp. 461–468.
2. Birin D.A., Bulashevich A.E., Grekis M.Yu. Zadacha avtomaticheskoy rasstanovki znakov punktuatsii v raspoznannoy spontannoy russkoy rechi. [A task of automatic punctuation in recognized Russian spontaneous speech] In: *Rechevyye tekhnologii*. 1–2. 2017, pp. 94–104.
3. Chuchupal V. Ya. Neyavnaya model’ proiznosheniya dlya avtomaticheskogo raspoznavaniya rechi. [Implicit pronunciation variation model for automatic speech recognition] In: *Rechevyye tekhnologii*. 1–2. 2017, pp. 3–11.
4. Kipp M., Martin J.-C., Paggio P., Heylen D. (eds.) *Multimodal corpora: From Models of Natural Interaction to Systems*. Springer, 2009.

5. Kobozeva I.M. Opyt razrabotki priznakovoy bazy dlya kharakteristiki leksiko-sintaksicheskikh, semanticheskikh i pragmaticheskikh svoystv voprositelnykh replik. [A design of the set of features for characterising lexicosyntactic, semantic and pragmatic properties of interrogative utterances] In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2005"* (Zvenigorod. 1–6 iyunya 2005 g.). Nauka, 2005, pp. 238–244.
6. Kodzasov S.V. Kombinatornaya model frazovoy prosodii. [Combinatorial model of phrasal prosody] *Prosodicheskiy stroy russkoy rechi*. M., 1996.
7. Kodzasov S.V. Urovni, edinitsey i protsessy v intonatsii. [Intonation levels, units and processes] *Problemy fonetiki*. Vyp. 3. M., 1999.
8. Kodzasov S.V. *Issledovaniya v oblasti russkoy prosodii* [Studies in the domain of russian prosody]. M., YaSK. 2009.
9. Kodzasov S.V., Bonch-Osmolovskaya A.A., Zakharov L.M., Kobozeva I.M., Krivnova O.F. Baza dannykh "Intonatsiya russkogo dialoga": voprositelnyye repliki ["Intonation of Russian Dialog" Data-base: interrogative utterances] In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2005"* (Zvenigorod. 1–6 iyunya 2005 g.). M., 2005, pp. 245–249.
10. Kodzasov S.V., Arkhipov A.V., Bonch-Osmolovskaya A.A., Zakharov L.M., Krivnova O.F. Baza dannykh "Intonatsiya russkogo dialoga": pobuditelnyye repliki. ["Intonation of Russian Dialog" Data-base: imperative utterances] In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2006"* (Bekasovo. 31 maya — 4 iyunya 2006 g.). M.: Izd-vo RGGU, 2006, pp. 236–242.
11. Kodzasov S.V., Arkhipov A.V., Bonch-Osmolovskaya A.A., Zakharov L.M., Krivnova O.F. Baza dannykh "Intonatsiya russkogo dialoga": repliki-soobshcheniya. ["Intonation of Russian Dialog" Data-base: declarative utterances] In: *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog 2007"* (Bekasovo. 31 maya — 4 iyunya 2007 g.). M.: Izd-vo RGGU, 2007.
12. Sun-Ah Jun. *Prosodic Typology. The Phonology of Intonation and Phrasing*. Oxford UP, 2005.
13. Sun-Ah Jun. *Prosodic Typology II. The New Development in the Phonology of Intonation and Phrasing*. Oxford UP, 2014.

Н.Б. Гвишиани

**ПИШЕМ ПО-АНГЛИЙСКИ:
К ВЫПУСКУ ВЕБ-ВЕРСИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
КОРПУСА «АНГЛИЙСКИЙ КАК ИНОСТРАННЫЙ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена важному событию в научной жизни лингвистов и преподавателей английского языка — выпуску третьей веб-версии Международного корпуса «Английский как иностранный» (The International Corpus of Learner English — ICLE). Первые две версии корпуса, выпущенные на компактных дисках, значительно уступают третьей Интернет-версии по объему данных и функционально-техническим возможностям их обработки. Новая версия корпуса снабжена опциями расширенного поиска по параметрам метаданных, таким как родной язык и страна проживания обучающихся, их возраст, пол, продолжительность изучения английского языка и другим. Она также включает грамматически аннотированный конкорданс, позволяющий вести поиск словоформ и лексем с использованием обозначений частей речи в составе различных синтаксических конструкций. Отличительная особенность данного электронного ресурса заключается в том, что он представляет сочинения студентов разных национальностей, для которых английский язык не является родным. Русский подкорпус вошел в состав ICLE уже на первом этапе его создания. Представленные в корпусе тексты относятся к жанру академических эссе, который приобретает все больший вес в учебно-дидактическом дискурсе, а также в концепции «языка для специальных целей». Его преимущества видятся в сближении лингвистической и коммуникативной компетенций, что позволяет использовать расширенный репертуар языковых средств как альтернативу узкоспециальным текстам. Большим достоинством корпуса является возможность тестирования знаний студентов и создания коррективного курса, направленного как на устранение ‘общих’ ошибок, так и тех, которые обусловлены ‘интерференцией’ родного языка.

Ключевые слова: Международный корпус «Английский как иностранный»; интерференция языков; грамматически аннотированный конкорданс; расширенный поиск; академическое эссе; коррективный курс; моделирование речи; парантетические конструкции.

Гвишиани Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ngv@wdbc.ru).

Международный корпус «Английский как иностранный» (**the International Corpus of Learner English — ICLE**), выпуск веб-версии которого был осуществлен в мае 2020 г. университетом Лёвен (Бельгия), является в настоящее время важнейшим электронным ресурсом письменной английской речи представителей международного студенческого сообщества из университетов различных стран мира. Его особенность заключается в том, что он включает образцы письменной речи студентов, для которых английский язык не является родным. Это открывает широкие возможности для сопоставления различных национальных разновидностей «неродного английского» и, как следствие, создания коррективного курса нового типа, учитывающего как общие ошибки обучающихся в английском языке, так и те, которые связаны с «интерференцией» их родных языков (так называемые *transfer from mother-tongue errors*).

3-я веб-версия ICLE насчитывает 5,5 млн слов, при этом объем каждого из национальных подкорпусов варьируется в пределах от 200 до 230 тыс. слов. Количество слов в каждом студенческом эссе явилось константой и в среднем составило 1500 слов. С учетом разнородности письменной речи и разного уровня владения английским языком обучающимися, в корпусе предусмотрены вариативные параметры поиска по возрасту, полу, национальной принадлежности студентов, а также продолжительности изучения ими английского языка в школе и в университете. Что же касается жанра письменных работ, то в качестве основы было выбрано академическое эссе (*'argumentative essay'*), которое вбирает в себя как референциальное (тематическое) содержание, так и индивидуально-стилистические моменты его репрезентации в тексте. Именно эта разновидность академического дискурса позволяет составить представление о реальных умениях и компетенциях, которыми 'активно' владеют обучающиеся. Поскольку в академических эссе высказывается позиция автора по определенному социально значимому вопросу, они представляют собой комбинацию стилистически маркированных и немаркированных языковых средств, направленных не только на 'нейтральное' изложение содержания, но и на прагматическую оценку тех или иных событий. В качестве примера можно привести 'специальные публицистические' тексты или 'учебные очерки' журналистского типа с расширенным словарным диапазоном языковых единиц в коммуникативной функции, которые успешно используются в процессе обучения иностранному языку [Липгарт, Хуринов, 2013: 140]. Предметное содержание речи также играет важную роль в выборе и конфигурации используемых языковых средств, соотносимых с определенным социально-культурным контекстом [Гвишиани, 2015: 38–46]. Среди предложенных тем сочинений в корпусе фигурируют социально значимые проблемы общественной жизни, как например:

“Feminists have done more harm to the cause of women than good”, “In the 19th century, Victor Hugo said: “How sad it is to think that nature is calling out but humanity refuses to pay heed.” Do you think it is still true nowadays?”, “Some people say that in our modern world, dominated by science, technology and industrialisation, there is no longer a place for dreaming and imagination. What is your opinion?” и др.

Проект ICLE имеет большую историю во времени и широкий географический охват участников. Он зародился в 1990-е годы в лоне корпусной лингвистики под эгидой Международной ассоциации лингвистов, исследующих компьютерные архивы среднеанглийского и современного английского языка — **the International Computer Archives of Modern and Medieval English (ICAME)**. В качестве инициатора и руководителя проекта выступил Католический университет Лёвен в лице профессора Сильвиан Грейнджер [Granger et al, 2020]. Основной целью этого начинания было восполнить пробел, который образовался в то время в связи с отсутствием систематизированных данных о синхронических / диахронических, региональных и других лингвистических особенностях английского языка, используемого его иностранными ‘носителями’, т.е. различными национальными группами населения, для которых он не является родным. Особенно отчетливо это проявлялось по сравнению с большим количеством уже имеющихся электронных данных об использовании английского языка его естественными ‘носителями’, при том, что численность пользователей ‘английского как иностранного’ существенно превышает количество говорящих, для которых этот язык является родным. Партнерами проекта на первом этапе стали университеты, координирующие работу по составлению региональных подкорпусов в 11 европейских странах (Болгария, Нидерланды, Франция, Россия, Германия, Финляндия, Испания и др.). С российской стороны в качестве партнера проекта и координатора русского подкорпуса выступила кафедра английского языкознания филологического факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Первая версия корпуса, насчитывающая 2,5 млн слов, вышла на компактном диске в 2002 г. При этом корпус постоянно пополнялся и прирастал новыми региональными разновидностями, и уже в 2009 г. был выпущен CD-ROM, включающий 3,7 млн слов и 16 региональных групп участников (с присоединением Норвегии, Турции, Китая, Японии и Южной Африки).

Третья электронная веб-версия ICLE представляет существенное развитие этого ресурса, удвоившего свой объем по сравнению с первой версией с привлечением еще девяти стран, в которых английский язык изучается как иностранный. Функциональное (программное) оснащение 3-й веб-версии делает ее гораздо более совершенной и удобной для пользователей за счет увеличения опций поиска

по региональным разновидностям, встроенного грамматически аннотированного конкорданса и новых возможностей экспорта языковых данных для их последующей обработки любыми другими компьютерными программами.

Создание коррективного курса с использованием электронного корпуса «Английский как иностранный» может преследовать двоякую цель — с одной стороны, это выявление типичных ошибок обучающихся в письменной английской речи, а с другой — моделирование образцовых произведений речи, отражающих типичные (дефинитивные) признаки жанра академического эссе (*'argumentative writing'*). Взаимодействие лексических структур и внутренне упорядоченного дискурса проявляется в преобладании более сложных форм выражения и абстрактной лексики в таких жанрах письменной речи, как научные тексты и академические эссе, что создает определенный тип контекста. Частотность грамматических форм и лексических единиц при этом зависит от их функционального диапазона, то есть способности быть реализованными в структуре дискурса, передающего информацию о предмете обсуждения, обобщения и наблюдения, а также отношение пишущего к данному предметному содержанию. Этот функционально-стилистический тип речи является *'полемическим'* и характеризуется определенной дискурсивной активностью, связанной с выражением индивидуальных взглядов и предпочтений автора. Воплощенная в тексте прагматическая функция указывает на субъект речи как участника коммуникативного процесса. В соответствии с этим значимыми параметрами в развертывании текста становятся дейктические и модальные языковые средства (артикли, местоимения 1-го и 2-го лица, модальные глаголы и различные речевые последовательности). Согласно канонам научной письменной речи (которая по-английски получает название *'academic discourse'* или *'university English'*), ей присущ ряд признаков, среди которых основными являются номинализация, формальная лексика, использование пассивных конструкций, а также союзов и фраз, обеспечивающих связность и когерентность текста. Все эти свойства могут быть исследованы на материале одного из подкорпусов или всего объема корпуса ICLE, представляющего состав и содержание письменного академического английского студентов различных национальностей.

Если же говорить о других свойствах жанра *'аргументации'*, отражения которых в тексте преподаватель вправе ожидать от студентов, то можно привести следующую цитату: *"A broad conception of argumentation is understood as the attempt to change, reorientate, or reinforce, by the use of linguistic means, the addressee's view"* [Amossy, 2014: 297]. Как один из авторов данной концепции, Руфь Амоссй утверждает, что аргументация направлена на убеждение читателя

и привлечение его на свою сторону. Модели аргументации могут различаться от логически выстроенного изложения фактов до более эмоциональной полемики конфликтующих мнений. Вместе с тем функция аргументации может и не быть выражена в тексте эксплицитно, а только подразумеваться в, казалось бы, 'нейтральном' использовании языковых средств.

Обратимся теперь к языковым данным, представленным в третьей веб-версии ICLE. Основная панель корпуса включает три элемента поиска: 1) выбор текстов; 2) вывод данных в различных форматах и 3) конкорданс. Выбор текстов осуществляется в соответствии с параметрами возраста, пола и родного языка обучающихся. При этом можно выбрать либо один из национальных подкорпусов (например, русский), либо составить свой собственный корпус, включающий несколько национальных разновидностей. Объединение подкорпусов создает больший по объему 'контрольный' ресурс языковых данных, который может использоваться в сопоставительном анализе отдельных национальных подкорпусов. Для более целенаправленного выбора текстов в корпусе вводятся такие параметры, как уровень подготовки студентов (годы обучения английскому языку в школе и университете), прохождение стажировки в стране изучаемого языка, тип сочинения (экзаменационное / не экзаменационное эссе) и др.

После того, как корпус был составлен, можно осуществить его вывод в формате zip., включающем три типа данных: 1) отдельные файлы для каждого текста в корпусе; 2) все тексты, представленные в одном файле и 3) метаданные ('личный профиль' обучающихся). Экспорт языковых данных предоставляет возможность их дополнительной обработки такими программами, как например, Sketch Engine и AntConc с целью компьютерного вывода списков ключевых слов и устойчивых коллокатов ('n-grams'). В то же время встроенный в ICLE конкорданс поддерживает поиск основных грамматических типов языковых единиц — словоформ, лексем, поиск по частям речи и их сочетаниям ('word-forms', 'lemmas', 'part-of-speech tags').

Корпус ICLE дает наглядное представление о том, как английский язык используется студентами различных национальностей в жанре письменных работ в целом и академического эссе (ограниченного или неограниченного по времени), в частности. Представленные в корпусе тексты позволяют судить как о достоинствах, так и недостатках обучающихся в овладении академическим письмом. Поиск можно начать с тех языковых единиц и конструкций, которые составляют инвариантные (дефинитивные) признаки данного функционального стиля. Как известно, в жанре эссе реализуется функция аргументации (как развитие идеи или рассуждения), которая предполагает умение логично выстроить свою позицию [Aarts, 1997: 157]. В стратегии аргументации заложен рационалистический подход, а ее

	<u>Moreover</u> we are destroying the ozone layer by using aerosols and it is changing climate and causing
	<u>Moreover</u> theoretical knowledge and theoretical sciences are of great practical value themselves .
	<u>Moreover</u> , why did people create the system of higher education ?
So , the idea of a joint European , and <u>moreover</u> , world culture came into prominence and has been elaborated during the latest four or five	<u>Moreover</u> there are some fields which will always remain vitally important .
	<u>Moreover</u> , quite a lot of women are breadwinners and bring more money at home .
	And <u>moreover</u> those young people who had just begun to live were very often killed in Chechna .

Рис. 1. Фрагмент конкорданса 'moreover'

> 1	RUM04001	<u>In conclusion</u> , I would like to emphasise that television as a product of progress brought some good
> 2	RUM04010	<u>In conclusion</u> , I'd like to speak about conflicts , which appear because of the money .
> 3	RUM07040	<u>In conclusion</u> , I would like to remark that the golden mean should guide everything and there is
> 4	RUM07046	<u>In conclusion</u> , I'd like to say that all countries , all governments should be together in
> 5	RUM07053	<u>In conclusion</u> , I'd like to say that it's a good expression about opium for masses
> 6	RUM08028	<u>In conclusion</u> it is necessary to say that the statement " money is the root of all evil

Рис. 2. Фрагмент конкорданса 'in conclusion'

языковая репрезентация опирается на слова и сочетания (обороты речи), выражающие предположение или уверенность (эпистемологическая модальность), намерение или референцию. В такого рода текстах, как правило, реализуется и связующая функция отсылки к предыдущему высказыванию или перехода к следующему. Одним из таких связующих слов является, например, наречие *'moreover'* / *'кроме того'*, которое часто используется в анафоре высказывания. Результат поиска по русскому подкорпусу ICLE (262 эссе) составил 33 употребления *'moreover'* (рис. 1).

В данном случае наше внимание привлекает необычная конструкция *'and moreover*'*, которая выявляет элементы разговорного стиля (особенно при употреблении в начале фразы) и является избыточной с точки зрения аутентичной английской письменной речи, поскольку в семантику *'moreover'* уже входит значение, выражаемое союзом *'and'*.

Для академического эссе важным свойством также является вариативность, т.е. репертуар лингвистических средств, входящих в активный словарный запас обучающихся. Кроме *'moreover'*, частотными и регулярно воспроизводимыми в этом жанре являются такие языковые единицы, как, например, *'by contrast'*, *'in conclusion'*, *'therefore'*, *'it is true that'*, *'in spite of the fact that'* и другие. Фрагменты конкордансов некоторых из этих фраз приводятся на с. 50 и 52 (рис. 2–3).

Количественный дистрибутивный анализ слов и сочетаний в функции вводных элементов в русском подкорпусе сочинений показывает их сниженное употребление в ряде случаев, что может стать предметом коррективного курса (табл. 1):

Таблица 1

Парантетические конструкции

Connectives	Number of occurrences
Moreover	33
In spite of the fact that	7
It is true that	6
In conclusion	6
Therefore	2
By contrast	1
In my experience	0
As well as this	0

Работа с корпусом студенческих сочинений может представлять интерес не только в плане выявления типичных ошибок, но и с точки зрения моделирования образцов речи, включающих вариативные элементы. Для этой цели применяется поиск с использованием *'wildcard'* (*) — знака, обозначающего возможность подстановки

UNMO008	but still <u>it is true that</u> young men join the Army unwillingly .
UNMO010	<u>It is true that</u> TV is a great force in the world .
UNMO021	<u>It is true that</u> while studying at universities students get mostly theoretical knowledge which they either can or can't
UNMO012	<u>It is true that</u> the way we dream and the things that we dream of have changed since ,
UNMO014	<u>It is true that</u> we never paid a proper attention to our unreasonable treatment of natural resources .
UNMO014	<u>It is true that</u> nature is going on to call out to man as to the only sensible being

Рис. 3. Фрагмент конкорданса 'it is true that'

Center	Right
it is true that	young men join the Army unwillingly .
it is believed that	everybody has his right to have good living conditions
It is true that	TV is a great force in the world .
It is thought that	our modern world is dominated by science technology and industrialization .
it is terrible that	materialistic values are considered now to be much higher than spiritual ones and so on
it is obvious that	we have to find some " exit " , the way to solve our problems
It is clear that	a great effort has been made , and although after centuries of neglect of the
It is true that	while studying at universities students get mostly theoretical knowledge which they either can or can't
it is obvious that	we can say that this word " opium " has sustained negative connotation .
It is indisputable that	a state needs a strong , efficient army , which is well paid and respected
It is interesting that	environmental stress and problems are considered to be the factors that lead to the addiction
It is surprising that	just in the writers minds arise the images , which can foretell the future .
It is obvious that	the capital punishment requires the absolute justice for the price of a mistake in this
it is strange that	people are different and have their own thoughts , ideals , believes .
It is possible that	there will be a lot of discussions while Media has such great influence on everything
It is well-known that	feelings are sometimes more intense than reason and sometimes a man can not control himself
It is considered that	intellectual work has always been more highly praised than physical labor .
it is likely that	in the second millenium not a single step would be made without computer .
it is necessary that	the reformers should concentrate their attentions on alleviating any unnecessary hardship in the existing situation

Рис. 4. Фрагмент конкорданса 'it is (*) that'

любого слова как части конструкции. Этот тест, безусловно, важен при проверке словарного запаса обучающихся и расширения их представлений о синонимических рядах. Так, поисковая последовательность *'it is (*) that'* представлена в русском подкорпусе следующим образом (рис. 4).

Один из вопросов, которые возникают при работе с корпусом, заключается в трудности исходного выявления проблемных зон учебного курса, которые указывали бы на 'лакуны' в усвоении материала. Действительно, что может служить объектом поиска в корпусе? Прежде всего мы говорим здесь о частотных единицах 'нейтральной' лексики и разнообразных сочетаниях слов, в которые они входят. Например, существительное *'problem'*, безусловно, является такой повторяющейся единицей в контексте академических эссе, образующей ряд устойчивых словосочетаний. Для тестирования навыка идиоматической английской письменной речи можно сопоставить употребление *'problem'* в корпусе студенческих сочинений и в 'контрольном' электронном ресурсе — Британском корпусе академического английского (**The British Academic Written Corpus — BAWE**). Результат данного поиска показывает, что если в 'контрольном' корпусе мы обнаруживаем большое разнообразие частотных переходных глаголов в сочетании с *'problem'* в функции прямого дополнения, то в русском подкорпусе ICLE представлены лишь некоторые из них (рис. 5—6):

object_of	
solve	...
solve the problem	
pose	...
poses problems	
cause	...
cause problems	
overcome	...
overcome this problem	
face	...
problems faced	
encounter	...
problems encountered	
associate	...
problems associated with	
address	...
address the problem	
tackle	...
tackle the problem of	

Рис. 5. Сочетания *'problem'* с глаголами (The British Academic Written Corpus)

Second, the speakers learning English may experience problems with confidence in themselves as speakers.
We can not solve problems denying their existence.
The information in adjoining spheres may help to solve problems and make conclusions in special sphere.
development people were always looking for the best ways of solving problems.
The loss of moral discourse is the central culprit for widely recognized problems plaguing workforce, such as overwork, stress, and

Рис. 6. Сочетания 'problem' с глаголами (ICLE, русский подкорпус)

Thus, it may be suggested that the widespread use of English should be handled with care.
In conclusion, it should be said that diversity of languages triggers the progress of evolution.
Having accepted Rousseau's theory of language origin, it might be claimed that the greater the difference between the passions were, the more difficult to summarize this stream of consciousness, which may seem somewhat confusing, it should be said that trying to make the communication between the nations easier, people
On the other hand, it can be claimed that the clash can be avoided by recognizing the fact that Islamic culture
It should be defined as a blasphemy.
On the other hand, it can be claimed that students are still not too mature to take actions in political spheres that
are still not too mature to take actions in political spheres but it can be resolved by providing a thorough political informing in the media.
It should be mentioned that an amount of money spent for a ticket to theater or exhibition
It should be cleared out that sex education subject does not aim at persuading teenagers to
It may be opposed that education must cost and everyone has to pay for it in order to be
Educational System of Lithuania needs a reform; however some articles of it should be reobserved as students may suffer instead.
Thus, freedom of language use and power with which it may be used come on the basis of the awareness of borders and lines drawn by limitations
separately from various circumstances that put a negative shade on it, it can be evaluated as a sophisticated and bright language.

Рис. 7. Конструкция 'it + modal verb + be + past participle' (ICLE)

И, наконец, следует рассмотреть более сложные варианты моделирования языковых конструкций с использованием ‘расширенного поиска’ (*‘advanced search’*). Эта функция позволяет комбинировать в конкордансе словоформы, леммы и символы частей речи (*‘part-of-speech tags’*). К примеру, можно вывести все случаи употребления модальной конструкции *‘it + modal verb + be + past participle’*, выражающей различное отношение пишущего к передаваемой информации (рис. 7).

Как можно видеть, выведенные в конкордансе фразы выражают различные оттенки модальных значений, что является важной частью академического дискурса. Для целей поиска в данном случае нами были использованы тексты, автоматически подобранные в корпусе по параметру «родной язык обучающихся — русский» (325 эссе). При этом оказалось, что данный срез материала включает не только российских студентов, но и тех носителей русского языка, которые проживают за рубежом. Например, ряд текстов, содержащих модальные конструкции (рис. 7), являются частью литовского подкорпуса ICLE. Таким образом, при объединении национальных подкорпусов и комбинировании различных параметров персонального профиля студентов открываются новые перспективы совершенствования учебно-педагогического процесса путем привлечения дополнительных языковых наблюдений, а также метаданных, которые сообщают информацию об авторе и указывают на индивидуальные особенности и обстоятельства в развертывании речевого акта.

Мы рассмотрели лишь несколько примеров исследований на материале корпуса ICLE. Можно надеяться, что этот электронный ресурс, не имеющий аналогов на сегодняшний день, учитывая объем представленных языковых данных и возможности их технической обработки, найдет применение в учебной и исследовательской практике всех тех, кто связан с обучением английской письменной речи. Главным его преимуществом является развитие творческого подхода к материалу, поскольку многие идеи приходят именно в процессе работы с языковыми данными.

Список литературы

1. Гвишиани Н.Б. Регистры, жанры и дисциплины в составе предметного дискурса // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 4 (126). С. 38–46.
2. Лунгарт А.А., Хуринов В.В. Функциональные стили современного английского языка. М., 2013.
3. Aarts B. English Syntax and Argumentation. L., 1997. P. 157.

4. *Amossy R.* Argumentation and Discourse Analysis // The Discourse Studies Reader. John Benjamins, 2014. P. 297.
5. *Granger S., Dupont M., Meunier F., Naets H., Paquot M.* International Corpus of Learner English. Version 3. Presses Universitaires De Louvain, 2020.
6. British Academic Written Corpus. Sketch Engine [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sketchengine.eu> (дата обращения: 20.04.2021).
7. International Corpus of Learner English. Version 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://corpora.uclouvain.be/cecl/icle/home> (дата обращения: 20.04.2021).

Natalia Gvishiani

TEACHING ARGUMENTATIVE ESSAYS WITH THE INTERNATIONAL CORPUS OF LEARNER ENGLISH

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article explores the main devices and functionalities of the International Corpus of Learner English and welcomes the release of its web-version — ICLE v 3. It has come as a long-awaited event to be celebrated by linguists and EL teachers involved in learner corpus research. Among the new options added in the third version, a built-in concordancer is of utmost importance. It allows for both simple and advanced searches of various grammatical phenomena — word-forms, lemmas, and part-of-speech tags. These and other research options provided in the corpus are analysed in the article with reference to teaching argumentative (academic) essays at a university level. This genre has recently been gaining ground due to its potential in training and testing students' ability to make observations, formulate generalizations, and express their own attitude to the message conveyed. The argumentation strategy is exemplified regarding parenthetical and modal constructions that are central to the genre of academic essays. A large volume of authentic texts presented in the corpus is suggestive of a variety of distinctive features of each national sub-corpus and can contribute to the corrective course aimed at detecting both 'common' and 'transfer from mother-tongue' errors. This new electronic resource can also be implemented in a contrastive analysis of 'non-native Englishes' worldwide.

Key words: International Corpus of Learner English (ICLE); language interference; grammatically annotated concordance; advanced search; argumentative (academic) essay; corrective course; speech modelling; parenthetical constructions.

About the author: *Natalia Gvishiani* — Prof. Dr., Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ngv@wdbc.ru).

References

1. Gvishiani N.B. Registers, Genres and Disciplines in Academic Discourse. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. № 4 (126), pp. 38–46.
2. Lipgart A.A., Khourinov V.V. *Functional Styles of Modern English: Science (Academic Writing) and Journalism*. M.: URSS, 2013.
3. Aarts B. *English Syntax and Argumentation*. London, 1997, p. 157.
4. Amossy R. *Argumentation and Discourse Analysis*. In: *The Discourse Studies Reader*. John Benjamins, 2014, p. 297.
5. Granger S., Dupont M., Meunier F., Naets H., Paquot M. *International Corpus of Learner English*. Version 3. Presses Universitaires De Louvain, 2020.
6. *British Academic Written Corpus. Sketch Engine* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sketchengine.eu> (assessed: 20.04.2021).
7. *International Corpus of Learner English*. Version 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://corpora.uclouvain.be/cecl/icle/home> (assessed: 20.04.2021).

COVID-19 И ЯЗЫК

А.А. Константинова

“ASK NOT WHAT STAYING ON THE COUCH CAN DO FOR YOU, ASK WHAT STAYING ON THE COUCH CAN DO FOR YOUR COUNTRY”: ПАРЕМИЧЕСКИЙ МЕТАЯЗЫК ДИСКУРСА ПАНДЕМИИ COVID-19 В АМЕРИКАНСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Кубанский государственный технологический университет»

350072, Краснодарский край, Краснодар, ул. Московская, 2

В статье рассматривается паремический механизм вербализации реалий общественно-политической жизни американского общества в ситуации пандемии COVID-19 в социальных медиа. Работа выполнена в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы; проведен дискурс-анализ коротких постов в социальных медиа (Twitter, Facebook, Reddit), креолизованных текстов (политических карикатур и мемов), получивших в них распространение, отдельных примеров из речевого Интернет-общения (около тысячи единиц). Выделяются две содержательные зоны в тематическом разнообразии, передаваемом с помощью паремий: универсальные (общие в глобальном масштабе) реалии и уникальные для американской социополитической реальности темы. Выявлена тенденция применения паремий в качестве слоганов социальных медийных кампаний, инициированных как ответ на сложившуюся эпидемиологическую обстановку. Отмечено рекуррентное обращение к отдельным политически «заряженным» американским паремиям. Установлено, что пословицы используются преимущественно в модифицированном виде, что обусловлено необходимостью обозначения нового опыта; активно применяются антипословичный и псевдопословичный механизмы обозначения реалий пандемии COVID-19. Делается вывод, что в силу своих характеристик как прецедентных единиц паремии выступают метаязыком дискурса пандемии, так как не только вербализуют действительность, но и исполняют роль социальных ориентиров, поведенческих инструкций.

Константинова Анна Александровна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков № 2 Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета (e-mail: constanna@mail.ru).

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–012–00239а «Паремии в пространстве современных американских массмедиа».

Ключевые слова: паремия; пандемия COVID-19; метаязык дискурса; социальные медиа; американские общественно-политические реалии.

Them: Are you practicing social distancing?

Me: Yes, I'm on Twitter [StranDad, 2020].

Пандемия COVID-19 неожиданно нарушила привычный уклад жизни миллиардов людей и оказала масштабное влияние на течение мировых экономических, политических и социокультурных процессов. Для многих людей в состоянии полного, а затем частичного «локдауна» социальные медиа как платформы для виртуальной коммуникации выполняли (и выполняют по сей день) уникальную роль, являясь основным способом социальной интеракции. Частью отклика американского общества на пандемию COVID-19 стало осмысление происходящего во множестве медиа-форматов: мемы, шутки, видео, карикатуры, посты в персональных блогах, короткие сообщения в Твиттере и т.п. переполняют пространство Интернета. Вполне закономерно, что подобная мощная медийная реакция сопровождалась активным языковым творчеством, причем, стоит заметить, с привлечением обширного массива прецедентных феноменов, в том числе паремий. Пословичные единицы, имеющие в своей семантике «квантор всеобщности» уникальны тем, что одновременно относятся к когнитивным универсалиям, так как содержат лаконично сформулированную, ценностно значимую идею, хранимую в культуре, и языковым универсалиям, т.е. языковым явлениям, наличествующим в абсолютном большинстве изученных языков. Как показывают предшествующие исследования, паремии выступают оптимальным когнитивно-прагматическим средством трансляции смыслов в различных дискурсивных практиках, при этом применение пословичного языка рассматривается как когнитивно-дискурсивная стратегия, для реализации которой автор избирает определенную языковую «упаковку» передаваемой информации в соответствии с дискурсивной ситуацией и своими прагматическими целями [Константинова, 2012]. Таким образом, цель настоящей статьи — рассмотреть паремический механизм вербализации реалий жизни американского общества в дискурсе пандемии в социальных медиа. Для этого видится необходимым решение следующих задач:

1) определить когнитивно-дискурсивные основания применения паремий в функции метаязыка дискурса пандемии COVID-19 в социальных медиа;

2) выявить тематическое разнообразие, обозначаемое с помощью паремий в дискурсивном пространстве пандемии;

3) рассмотреть формальный аспект использования паремических единиц в обозначенном дискурсе.

Работа выполнялась в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике; применялись дискурс-анализ, контекстуальный анализ, интерпретационный анализ, элементы семиотического анализа; метод лингвистического описания; метод сплошной выборки, статистический анализ. Основу эмпирического материала составили короткие посты в социальных медиа (Twitter, Facebook, Reddit и т.п.), креолизованные тексты (политические карикатуры и мемы), получившие в них распространение, а также отдельные примеры из речевого интернет-общения. Рассмотрено около одной тысячи текстов, собранных в период с марта по декабрь 2020 г. Выбор материала исследования обусловлен предположением, что в силу дискурсивных характеристик изучаемых медиатекстов/медиапродуктов, в которых реализуется принцип языковой экономии, ожидаемо применение таких готовых языковых средств, как паремии.

Еще влиятельным американским литературным критиком и философом К. Бёрком было подмечено, что пословицы являются «стратегиями для разрешения ситуаций» [Burke, 1957: 296]. Согласно Р. Хонеку, использование пословицы применительно к какой-либо теме есть средство категоризации темы, а также предоставления ракурса ее рассмотрения [Honeck, 1997: 208]. Будучи по своей природе прецедентными единицами, лингвокультурными «ярлыками», паремии, циркулируя в дискурсе, маркируют современные реалии и уже по-новому категоризируют социокультурное пространство, т.е. выступают своеобразным *метаязыком* дискурса.

В тематическом разнообразии, передаваемом с помощью паремий в проанализированном эмпирическом материале, можно выделить две содержательные зоны — *универсальную* и *уникальную* (*культуроспецифическую*). К универсальным темам мы отнесли вызванные пандемией перемены и связанные с ними новые реалии в жизненном укладе (в какой-то мере уже ставшие рутинными) не только для американского общества, но и, предположительно, для многих людей по всему миру. Назовем некоторые из них:

1) карантинные меры и самоизоляция. Антипословичная переделка² современной паремии “You can’t fix stupid. Turns out you can’t quarantine it, either” [Popik, 2020] (*Cf.* You can’t fix stupid) получила широкое распространение в социальных медиа, часто сопровождаясь хэштегами #stayhomestaysafe, #covidioits, и стала слоганом своеобразной медийной социальной кампании, нацеленной на привлечение внимания к необходимости соблюдать требования самоизоляции и карантина. Популярности данного выражения способствовало также его тиражирование в качестве надписи на сувенирных и тематических изделиях (предметах одежды, кружках и т.п.);

² В своей работе под «антипословицами» мы понимаем новые паремические единицы, созданные на основе традиционных пословиц [Константинова, 2012: 89].

2) социальное дистанцирование. На твит, призывающий к поиску слогана для медийной кампании, пропагандирующей социальную осведомленность о важности дистанцирования в ситуации пандемии: *"We need some new slogans to promote social awareness to fight Coronavirus. A couple ideas. *If there's sneezin', I'm breezin' *You got a cough? F*** off."*, поступил ответ со следующим вариантом: *"Better six feet apart than 6 feet under"* [DBarenholtz, 2020]. Псевдопословичное выражение³ построено на основе традиционной паремической структурно-семантической модели (Better X than Y; Cf. Better late than never, Better be safe than sorry, Better be envied than pitied) и содержит остроумное и красноречивое противопоставление идиомы "six feet under" (= "dead and buried") и устойчивого выражения "six feet apart" (Cf. "keep/stay six feet apart") — рекомендации Центра по контролю и профилактике заболеваний США по соблюдению физической дистанции в общественных местах;

3) соблюдение масочного режима. Стоит заметить, что владельцы частных заведений — ресторанов, кафе, магазинов, оригинально и творчески в лингвистическом плане подошли к проблеме взаимодействия с противниками ношения масок в общественных местах. В качестве примера приведем размещенный пользователями социальных сетей текст обращения менеджмента кафе "Mewow" к посетителям-«антимасочникам»: *"You can choose not to wear a mask. Then you must also remove all your clothes to enter. It's all or nothing. It's all about choices."* [Forman, 2020]. Составителям пришлось прибегнуть к категоричной поговорке "It's all or nothing" в ее стандартной форме, которая, несмотря на ироничные нотки, в контексте употребления приобретает ультимативное звучание, сигнализирует о твердости позиции по принципиальному вопросу, напоминая гражданам о социальной ответственности и последствиях решений, которые мы принимаем;

4) высокая смертность от COVID-19. В качестве яркого примера приведем появившееся в сети обращение к «антиковидникам» ("COVID-19 deniers"), резюмированное с помощью антипословицы: *"All the COVID-19 deniers out there: Just what exactly do you think all the refrigerated trucks are doing in those hospital parking lots — selling ice cream? Wake up and smell the death."* [BizwareMagic, 2020]. Современная паремия "Wake up and smell the coffee" используется в речи как вербальный сигнал о заблуждении или ошибочном мнении собеседника, призыв правильно понять истинный смысл чего-либо. В цитируемом контексте лексическая замена компонента "coffee"

³ В отличие от антипословиц, псевдопословицы не создаются за счет модификации традиционных паремий, а являются окказиональной имитацией узуальных единиц [Константинова, 2012: 124].

как «пробуждающего» фактора на несколько шокирующую, но, тем не менее, резонно напоминающую о высокой смертности пациентов с COVID-19 лексему “death”, призвана донести до скептиков предупреждение о серьезности заболевания;

5) панические покупки. Тема панической скупки товаров первой необходимости после объявления локдауна в США ожидаемо стала предметом шуток в социальных медиа. Пост со следующим содержанием: “*If you need 144 rolls of toilet paper for a 14 day quarantine you probably should’ve been seeing a doctor long before COVID-19*” резюмируется с помощью саркастической модификации распространенной поговорки “*One toilet paper roll per day keeps the doctor away.*” [R/Facepalm, 2020] (Cf. An apple a day keeps the doctor away). Наблюдаем замену лексемы “an apple” на элемент “one toilet paper roll” (товар, который вызвал небывалый спрос в США и по всему миру), высмеивающую нелепость действий паникеров.

Вполне закономерно, что потрясения масштаба текущей пандемии создают благодатный фон для активизации борьбы политических противников, обнажения «чувствительных» социальных тем, эксплуатации в массмедиа острых политических проблем (то, что С. Жижек метафорическим языком обозначил как «эпидемию идеологических вирусов») [Žižek, 2020: 39]. В этой связи особое внимание стоит уделить культуроспецифическим (уникальным) реалиям в жизни американского общества, т.е. событиям, разворачивающимся на фоне пандемического кризиса (смена политической власти и пропагандируемых общественно-политических ценностей, активная борьба идеологий Демократической и Республиканской партий и вызванные этим мощные «антитрамповские» выступления в массмедиа). Интересен тот факт, что для символической репрезентации этих реалий наблюдается рекуррентное применение знаковых для американской лингвокультуры паремических единиц. Заметим также, что значительная часть медиатекстов в нашем практическом материале представлена креолизированными единицами (мемами и карикатурами), в которых передача смыслов осуществляется с применением вербального и визуального кодов. В приводимых далее креолизированных текстах культурно-маркированный вербальный элемент (стандартная или модифицированная поговорка) актуализируется за счет визуального компонента, порождая новую «когнитивную единицу» — некоторый сюжет, отражающий авторскую интерпретацию ситуации, авторское видение мира. Рассмотрим показательные примеры.

Авторы ряда политических карикатур и постов с политическим содержанием в нашем практическом материале обращаются к

национально-прецедентной фразе “The only thing we have to fear is fear itself”, ставшей лейтмотивом первой инаугурационной речи Ф.Д. Рузвельта и послужившей укреплению духа американского народа в непростые для страны дни Великой депрессии⁴:

Рис. 1

Рис. 2

На рис. 1 в уста карикатурного 32-го президента США авторы вкладывают трансформированную цитату-поговорку (изображение появилось в подборке «антитрамповских» карикатур за март-апрель 2020 г., когда антикризисные меры администрации президента вызвали первую волну негодования). В ней осуществляется замена компонента “fear” на имя Д. Трампа, что, полагаем, позволяет представить его как национальную угрозу в период пандемии. Второй пример — твит активного оппозиционного блогера Дж. Хартцелла. Применяя обсуждаемую паремию, автор лаконично и эмоционально (с использованием скатологического выражения “scared shitless”) высказывается на тему самоизоляции и связывает нежелание выполнять комплекс ограничительных мер частью американского населения (как правило, электорат Д. Трампа и Республиканской партии) с низким интеллектом, что также, по его мнению, представляет угрозу здоровью и благополучию граждан.

Другой знаковой культуроспецифической паремией, циркулирующей в дискурсе пандемии в социальных медиа, является максима, связанная с именем 33-го президента США. Известно, что с 1945 г. Гарри Труман держал на своем рабочем столе в Овальном офисе табличку с надписью “The buck stops here”, транслирующую

⁴ Несомненно, в привычной ныне формулировке идея получила распространение после инаугурации Ф.Д. Рузвельта. Тем не менее составители нескольких сборников цитат и “Словаря американских пословиц” приводят множество фраз-прототипов обсуждаемой единицы, самая ранняя из которых датируется примерно 1575 г. (Ср. Whenever conscience commands anything, there is only one thing to fear, and that is fear) [Mieder 2005: 167]. Единица была зафиксирована в “Словаре американских пословиц” в 1992 г. [Mieder, Kingsbury, Harder, 1992: 203–204].

его понимание исключительной роли президента и означавшую личную ответственность за принимаемые решения в управлении страной.

Как было замечено нами ранее [Konstantinova, 2014], одной из эффективных и эффективных дискурсивных стратегий воздействия на адресата является множественное применение паремий. Рассмотрим одну из вариаций мемов-коллажей с рекуррентными «президентскими» паремиями на тему мер администрации Д. Трампа по борьбе с коронавирусной инфекцией, а также кризиса здравоохранения США, вызванного пандемией, что в массмедиа часто связывается с некомпетентностью и безответственностью президента и его команды:

Рис. 3

В основе коллажа — часто используемый в «антитрамповском» дискурсе прием противопоставления 45-го президента с его предшественниками. В данном случае две указанные выше паремии и цитата Б. Обамы находятся в резком контрасте с ответом Д. Трампа на вопрос журналистки об ответственности его администрации за нехватку тестов и специального снаряжения в марте 2020 г. — “I don’t take responsibility at all”. Это моментально ставшее «вирусным» заявление подавалось авторами множества мемов с очевидной негативной оценкой Д. Трампа как формулировка его президентской позиции в кризисных ситуациях, неприемлемой для нации, знавшей другие стили руководства.

Патриотический призыв Дж. Кеннеди из его инаугурационной речи “Ask not what your country can do for you — ask what you can do for your country”, имеющий пословичный статус⁵, в ряде текстов в социальных медиа так же был адаптирован к ситуации пандемии и весенним требованиям соблюдения карантина и режима самоизоляции и ношения масок:

⁵ Подобно пословице “The only thing we have to fear is fear itself”, обсуждаемая единица вошла в узус как цитата президента. В 2012 г. фраза была включена в «Словарь современных пословиц»; составители также приводят ряд возможных пратекстов со схожим звучанием [Doyle, Mider, Shapiro, 2012: 45].

Рис. 5

Рис. 6

В обоих случаях осуществляется замена компонентов узуально-го выражения, что позволяет сфокусировать внимание на острых общественных проблемах. В то же время легко узнаваемая паремия-основа, «заряженная» культурными коннотациями и наделенная ценностным смыслом, выполняет функцию социального ориентира, своего рода поведенческой инструкции. Полагаем, необходимость создания подобных антипословиц-лозунгов продиктована фактом несоблюдения частью населения США ограничительных рекомендаций медиков и ученых-эпидемиологов (в какой-то степени с подачи самого президента и его непосредственного окружения, преуменьшавших в своих высказываниях опасность заболевания).

Последними рассмотрим пару примеров, отмеченных применением популярной паремии “See no evil, hear no evil, speak no evil” (имеющей классическую иконическую репрезентацию в виде трех обезьянок), становившейся частым средством сатирического комментария в медийном дискурсе периода Холодной войны [Mieder, 1997: 105] и выполняющей аналогичную роль в политическом секторе дискурса пандемии COVID-19:

Рис. 7

Рис. 8

В приводимой на рис. 7 карикатуре высмеивается подмеченный прессой и оппозицией факт нежелания Д. Трампа и его окружения прислушиваться к научному сообществу в вопросах борьбы с пандемией — отсюда соответствующая замена лексемы “evil” на “COVID-19”. На рисунке 8 карикатурный президент создает препятствия ведущему американскому специалисту по инфекционным заболеваниям доктору Энтони Фаучи, олицетворяющему взвешенный научный подход к освещению ситуации с пандемией.

Итак, осуществленный анализ позволил сформулировать следующие выводы.

1. Паремия — вербальный символ бесконечного множества аналогичных ситуаций, имеющий для представителей лингвокультуры когнитивную ценность. Паремические единицы выступают своеобразным метаязыком дискурса пандемии COVID-19 в силу своей прецедентности, так как являются готовыми интеллектуально-эмоциональными блоками, принадлежащими к знакомой (отсюда — безопасной и понятной) лингвокультурной территории. Полагая, их применение (и дискурсивная игра с ними) может способствовать более взвешенному осмыслению нового негативного опыта, в некоторых случаях — снижению эмоционального накала циркулирующей в СМИ информации.

2. Тексты социальных медиа нацелены на краткость и информативную емкость сообщения. В дискурсе пандемии COVID-19 в американских социальных медиа пословичные единицы, пропущенные через авторский «прагматико-языковой фильтр», т.е. получив новую языковую упаковку, обусловленную интенциями создателей медиатекстов, не только экономно и емко обозначают тему пандемии, но и предлагают инструкцию по ее толкованию. В обеих выделенных содержательных зонах (универсальной и культуроспецифической) эксплуатируется лингвистическое и функционально-когнитивное сходство паремий и лозунгов/слоганов; в ряде контекстов паремии превращаются в своего рода слоганы социальных кампаний, вызванных новыми реалиями пандемии — карантинными и другими ограничительными мерами. При этом стоит заметить, что в связи с установившимся политическим климатом в США происходит многократное обращение к политически заряженным, имеющим культурно-прагматические ассоциации паремиям (“The only thing we have to fear is fear itself”, “Ask not what your country can do for you — ask what you can do for your country”, “The buck stops here”, “See no evil, hear no evil, speak no evil”).

3. Творческое применение паремий является преобладающей формой их использования в дискурсе пандемии в американских со-

циальных медиа, что, очевидно, вызвано необходимостью обозначения беспрецедентного опыта. Основными приемами модификации являются замена элементов традиционных единиц на компоненты, называющие новейшие реалии, и языковая игра (в некоторых случаях создающая шутку). Активно применяются антипословиный и псевдопословиный механизмы обозначения реалий пандемии COVID-19.

Список литературы

1. *Константинова А.А.* Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: Дисс. ... д-ра. филол. наук. М., 2012. 432 с.
2. *BizwareMagic.* BizwareMagic's Funny Quotes, 2020. URL: <https://www.bizwaremagic.com/funny-quotes.htm> (дата обращения: 14.12.2020).
3. *Burke K.* Literature as Equipment for Living // *The Philosophy of Literary Form*. N.Y., 1957. P. 293–304.
4. *DBarenholtz.* “Replying to @ChuckRossDC”. 6:05 AM Mar 11, 2020. Tweet. URL: <https://twitter.com/Dbarenholtz1/status/1237575298503172097> (дата обращения: 14.05.2020).
5. *Doyle Ch.C., Mieder W., Shapiro F.* The Dictionary of Modern Proverbs. Yale University Press, 2012.
6. *Forman M.* 10 Of the Funniest Signs Asking Customers To Wear a Face Mask, 2020. URL: <https://939litefm.iheart.com/featured/melissa-forman-in-the-morning/content/2020-07-10-10-of-the-funniest-signs-asking-customers-to-wear-a-face-mask/> (дата обращения: 14.05.2020).
7. *Honeck R.P.* A Proverb in Mind. The Cognitive Science of Proverbial Wit and Wisdom. Mahwah, New Jersey, 1997. 318 p.
8. *Konstantinova A.* Multiple Use of Proverbs in Discourse // “Bis dat, qui cito dat”. Gegengabe in Paremiology, Folklore, Language, and Literature. Honoring Wolfgang Mieder on His Seventieth Birthday. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. P. 199–205.
9. *Mieder W.* The Politics of Proverbs: From Traditional Wisdom to Proverbial Stereotypes. The University of Wisconsin Press, 1997. 272 p.
10. *Mieder W.* Proverbs are the Best Policy: Folk Wisdom and American Politics. Utah State University Press, 2005. 323 p.
11. *Mieder W., Kingsbury A.S., Harder K.B.* A Dictionary of American Proverbs. N.Y., 1992.
12. *Popik B.* “They say you can’t fix stupid. Turns out you can’t quarantine it, either”, 2020. URL: https://www.barrypopik.com/index.php/new_york_city/entry/they_say_you_cant_fix. (дата обращения: 20.05.2020).
13. *R/Facepalm.* One toilet roll per day keeps the doctor away, 2020. URL: https://www.reddit.com/r/facepalm/comments/fikh7x/one_toilet_roll_

per_day_keeps_the_doctor_away/?utm_source=share&utm_medium=web2x&context=3 (дата обращения: 14.12.2020).

14. *StranDad*. "Them: Are you practicing social distancing? Me: Yes, I'm on Twitter.", 2020. Tweet. (дата обращения: 14.12.2020)
15. *Žižek S.* Pandemic!: COVID-19 Shakes the World. N.Y.; L., 2020. 140 p.

Список источников рисунков

1. URL: <https://democraticunderground.com/100213219004>
2. URL: <https://ifunny.co/picture/the-only-thing-we-have-to-fear-is-fear-itself-VV9i0ESX7>
3. URL: <https://twitter.com/BrianMScott/status/1239330063574695936?s=20>
4. URL: <https://www.facebook.com/editorial.political.cartoons/photos/adam-zyglis-caglecartoonscom/2988788764534648/>
5. URL: <https://www.facebook.com/TheOther98/photos/a.115969958413991/5401916359819298/>
6. URL: <https://www.facebook.com/calltoactivism>
7. URL: <https://theweek.com/articles/901476/7-cartoons-about-trumps-coronavirus-response>
8. URL: politicalcartoons.com

Anna Konstantinova

“ASK NOT WHAT STAYING ON THE COUCH CAN DO FOR YOU, ASK WHAT STAYING ON THE COUCH CAN DO FOR YOUR COUNTRY”: PAREMIC METALANGUAGE OF THE COVID-19 PANDEMIC DISCOURSE IN AMERICAN SOCIAL MEDIA

*Kuban State University of Technology
2 Moskovskaya Street, Krasnodar, 350072*

The paper examines the paremic mechanism of verbalizing American sociopolitical realia of the COVID-19 pandemic in social media. The study has been conducted within the framework of cognitive-discursive paradigm in linguistics. A discursive analysis of social media posts (Twitter, Facebook, Reddit), political cartoons popularized by social media, and random contexts of web communication (a total of approximately one thousand texts) has been carried out. Two thematic realms labeled by paremias were distinguished: universal (themes common on the global scale) and unique American sociopolitical themes. Drawing upon a group of politically charged American paremias, the paper discusses the tendency to deploy proverbs as slogans of social media campaigns started as a response to the pandemic.

It is shown that proverbs are predominantly employed in a modified form, which is predetermined by the necessity to denote novel experience; anti-proverbs and pseudo-proverbs are actively coined to verbalize the realia of the COVID-19 pandemic. The study concludes that due to their characteristics as precedent phenomena, paremias serve as a metalanguage of the pandemic discourse; they label modern realia as well as provide socially sanctioned behavioral guidelines.

Key words: paremia; COVID-19 pandemic; metalanguage of discourse; social media; American sociopolitical realia.

About the author: Anna Konstantinova — Prof. Dr., Department of Foreign Languages № 2, Institute of Fundamental Sciences, Kuban State University of Technology, Krasnodar, Russia (e-mail: constanna@mail.ru).

References

1. Konstantinova A.A. *Kognitivno-diskursivny'e funkcii poslovicz i pogovorok v raznyx tipax diskursa na anglijskom yazy'ke* [Cognitive-discursive Functions of Proverbs and Proverbial Sayings in Different Types of Discourse in English] Diss., Moscow, 2012. 432 s.
2. BizwareMagic. *BizwareMagic's Funny Quotes*, 2020. URL: <https://www.bizwaremagic.com/funny-quotes.htm> (accessed 14.12.2020)
3. Burke K. *Literature as Equipment for Living*. In: *The Philosophy of Literary Form*. New York: Vintage Books, 1957, pp. 29–304.
5. Doyle Ch.C., Mieder W., Shapiro F. *The Dictionary of Modern Proverbs*. Yale University Press, 2012.
5. DBarenholtz. “Replying to @ChuckRossDC”. 6:05 AM Mar 11, 2020. Tweet. URL: <https://twitter.com/Dbarenholtz1/status/1237575298503172097> (accessed 14.05.2020)
6. Forman M. *10 of the Funniest Signs Asking Customers to Wear a Face Mask*, 2020. URL: <https://939litefm.iheart.com/featured/melissa-forman-in-the-morning/content/2020-07-10-10-of-the-funniest-signs-asking-customers-to-wear-a-face-mask/> (accessed 14.05.2020)
7. Honeck R.P. *A Proverb in Mind. The Cognitive Science of Proverbial Wit and Wisdom*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Earlbaum Associates, 1997, 318 p.
8. Konstantinova A. *Multiple Use of Proverbs in Discourse*. In: “Bis dat, qui cito dat”. Gegengabe in Paremiology, Folklore, Language, and Literature. Honoring Wolfgang Mieder on His Seventieth Birthday. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014, pp. 199–205.
9. Mieder W. *The Politics of Proverbs: From Traditional Wisdom to Proverbial Stereotypes*. The University of Wisconsin Press, 1997, 272 p.
10. Mieder W. *Proverbs are the Best Policy: Folk Wisdom and American Politics*. Utah State University Press, 2005, 323 p.
11. Mieder W., Kingsbury A.S., Harder K.B. *A Dictionary of American Proverbs*. New York: Oxford University Press, 1992.
12. Popik B. “They say you can't fix stupid. Turns out you can't quarantine it, either”, 2020. URL: https://www.barrypopik.com/index.php/new_york_city/entry/they_say_you_cant_fix. (accessed 20.05.2020)

13. R/Facepalm. *One toilet roll per day keeps the doctor away*, 2020. URL: https://www.reddit.com/r/facepalm/comments/fikh7x/one_toilet_roll_per_day_keeps_the_doctor_away/?utm_source=share&utm_medium=web2x&context=3 (accessed 14.12.2020)
14. StranDad. “*Them: Are you practicing social distancing? Me: Yes, I’m on Twitter*”, 2020. Tweet. (accessed 14.12.2020)
15. Žižek S. *Pandemic!: COVID-19 Shakes the World*. New York and London: OR Books, 2020, 140 p.

О.И. Черчук

ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛИЙ КОРОНАВИРУСНОГО МИРА В ЗЕРКАЛЕ НЕОЛОГИЗМОВ ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Настоящая статья рассматривает связанные с пандемией коронавируса чешские неологизмы, зафиксированные в поддерживаемой Отделением современной лексикологии и лексикографии Академии наук Чешской республики электронной базе Neomat (1284 лексем при обращении 01.05.2021). В общей массе подобных «ковид-неологизмов» 87% лексем оказались существительными, 10% — прилагательными, чуть больше 2% — глаголами. Наиболее продуктивным способом словообразовательной деривации оказался способ словосложения (58% от общего числа «ковид-существительных», 53,5% от общего количества «ковид-прилагательных»). Наиболее продуктивными для словосложения как существительных, так и прилагательных оказались основы *korona-/corona-* (40%), *rouš-* (12%), *covid-/kovid-* (12%), *vakcin-* (3%), *anti-* (2%), *super* (1%), *post* (1%). Проявляющаяся в случае контаминации (блендинга) языковая игра может рассматриваться, как и в других языках, в качестве своеобразного защитного механизма, подавляющего негативные эмоции в условиях пандемии.

Ключевые слова: чешский язык; неологизмы; коронавирус.

1. Охватившая земной шар пандемия коронавируса не могла не отразиться в том числе и на современном чешском дискурсе. В электронной базе данных Neomat [Neomat], поддерживаемой Отделением современной лексикологии и лексикографии Академии наук Чешской республики и постоянно пополняемой из всех доступных источников, в том числе и из Сети, мы обнаружили 1284 относящихся к данной сфере новообразования (обращение 01.05.2021). Именно [Neomat] мы использовали в качестве основного источника фактического материала для настоящего исследования. В качестве дополнительного источника нами привлекался также открытый для пользователей электронный словарь *Čeština 2.0* [Čeština 2.0], который, не выдерживая конкуренции с [Neomat] в плане академич-

Черчук Ольга Игоревна — аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: cherchuk-olga@yandex.ru).

ности, тем не менее позволяет отслеживать актуальные языковые явления, а потому активно используется чешскими коллегами, ср. [Bozděchová, 2020].

Рассматривая словообразовательные процессы, с помощью которых возникли эти новые чешские слова, мы основывались прежде всего на теоретических положениях [Dokulil, 1962; Васильева, 2014].

Как показывает материал, при образовании чешских существительных используется прежде всего суффиксация, а также словосложение, тогда как при образовании прилагательных — суффиксация, суффиксально-префиксальный способ и словосложение (композиция), а также сложение с суффиксацией.

При этом, как и в русском дискурсе, в случае сложения речь не только о композитах, т.е. дериватах, словообразовательная структура которых предполагает несколько мотивирующих основ [Улуханов, 1997: 514], но и о квазикомпозитах, включающих хотя бы один связанный элемент, см. [Клобуков, Гудилова, 2001: 14–15]. Как показывает наш материал, в настоящее время активно образуются чешские композиты и квазикомпозиты с первой частью *korona-* (*koro-*), *kovid-*, *super-*, *post-*.

Как и для современного русского дискурса, для современного дискурса чешского большое значение имеет языковая игра, использование так называемых «игровых дериватов», под которыми мы, вслед за [Дедова, Григорьева, 2018], понимаем обладающее яркой внутренней формой производное слово, являющееся результатом языковой игры и нацеленное на достижение комического эффекта. При этом часто речь идет об окказиональном словообразовании на основе двух мотивирующих основ, которое в отечественной лингвистике обозначается терминами «контаминация», «междусловное наложение / совмещение», «телескопия», «амальгамация», «гибрид», «слово-саквояж», «слово-кентавр» и, наконец, усилиями коллег-англистов — «блендинг» [Минеева, 2015: 58–59]. В настоящей работе мы принимаем точку зрения, в соответствии с которой контаминация (блендинг) является самостоятельным способом словообразования, пограничным с аббревиацией и словосложением [Хрущева, 2010: 5].

Как и в случае с русскими «ковид-неологизмами» (ср. [Геккина, 2020: 153]), в чешском их массиве абсолютно преобладают существительные (87%) и прилагательные (10%), тогда как доля глаголов и особенно наречий крайне мала и составляет небольшой процент в рассматриваемой выборке (2,5% и 0,5% соответственно).

2. При образовании «ковид-неологизмов» активно используется аффиксация, словосложение и контаминация (блендинг).

2.1. В массиве образованных аффиксацией чешских «ковид-существительных» мы обнаружили иллюстрации трех из двенад-

цати рассматриваемых в [Васильева, 2012] словообразовательных категорий:

2.1.1. Наименование лица по роду деятельности, наименование лица/предмета — носителя свойств и качеств:

-**ař/ář:** *protirouškař*, *bezrouškař* (от *rouška* ‘маска’), *chřipečkář*, *chripčičkář* (от *chřipka* ‘грипп’), *rýmičkář* (от *rýma* ‘насморк’); *antivakcinář* (от *vakcína* ‘вакцина’),

-**áč/ač:** *bezpříznakáč* ‘больной без симптомов’, *promořovač* ‘сторонник постепенной коллективной иммунизации общества’, *trasovač* ‘человек, отслеживающий контакты заболевшего’, *rouškáč*;

-**átor:** *antivakcinátor*;

-**ista:** *karanténista*, *prorouškista*;

-**ák:** *covidlák* (контаминация с *hlupák* ‘простак’), *pipeťák* (от *pipeta* ‘пипетка’);

-**ál:** *covidál* ‘человек из поколения, учащегося дистанционно’;

-**ián:** *rouškián*, *covidán* (*generace covidánů*), *rouškarián* (контаминация с *hrubián* ‘грубиян’, *šlendrián* ‘халтурщик’);

2.1.2. Наименование пространств и помещений:

-**árna:** *covidárna* ‘ковид-отделение в больнице’;

-**árium/arium:** *covidárium*;

2.1.3. Наименование абстрактных качеств и состояний:

-**ost:** *covidnost* ‘инфицирование коронавирусом’;

-**ština:** *prymulovština* ‘тотальная изоляция, на которой настаивает чешский эпидемиолог Р. Примула’

-**ismus:** *koronismus* ‘режим ограничений во время эпидемии’;

-**izace:** *kovidizace*, *prymulizace*;

2.2. В массиве образованных аффиксацией чешских «ковид-прилагательных» мы обнаруживаем результаты чистого сложения, при котором опорный компонент является самостоятельным прилагательным, а также способ сложения в комбинации с суффиксацией. Кроме того, следует отметить многочисленную группу прилагательных, образованных от мотивирующих лексических единиц *korona/corona*, *kovid/covid* при помощи суффиксального (*koronový/koronový*, *covidový/kovidový*, *covidní*, *koronáčový*, *covídkový*, *koronový*) и префиксально-суффиксального (*necovidový*, *pocovidový*, *pokoronavírový*, *pokoronavirusový*, *pokoronový*, *pokovidový*) способов словообразования.

2.3. Связанные с «ковид-проблематикой» глаголы образуются аффиксальным способом, при этом используется суффикс -ova-, ср. *přecovidovat*, *odkovidovat*, *odkoroňákovat*, *odkoronavírovat se* ‘переболеть ковидом’, *rouškovat* ‘надеть маску’, *derouškovat se* ‘снять маску’, *karanténovat*, *karantenizovat*, *lockdownovat* ‘закрыть на карантин’,

trasovat ‘отслеживать’, *sebetrasovat* ‘отмечать в специальной форме свои передвижения и контакты’ и т.д. (всего 28 лексем).

2.4. При образовании «ковид-лексики» наибольшей продуктивностью характеризуется способ словосложения (58% от общего количества существительных, 53,5% от общего количества прилагательных), при этом наиболее продуктивными являются основы *korona-/corona-* (40%), *roušk-* (12%), *kovid-/covid-* (12%), *vakcin-* (3%), *anti-* (2%), *super* (1%), *post* (1%), ср., например:

koronaslovník (*slovník* ‘словарь’), *koronapodvod* (*podvod* ‘обман’), *koronasong* (*song* ‘песня’), *koronastream* (*stream* ‘прямая трансляция в Интернете’);

rouškoherec (*rouška* ‘маска’, *herec* ‘актер’), *rouškonázor* (*názor* ‘мнение’), *rouškorok* (*rok* ‘год’), *rouškofanda* (*fanda* ‘фанат’), *rouškobox* (*box* ‘коробка’), *rouškohater* (*hater* ‘ненавистник’), *rouškostory* (*story* ‘история’), *rouškoland* (*land* ‘страна’) *rouškonosičství* (*nosičství* ‘процесс переноски’), *rouškošití* (*šití* ‘процесс шитья’);

vakcinomobil (‘передвижной пункт вакцинации’), *vakcinofil*, *vakcinoskeptismus*;

virónálada (*nálada* ‘настроение’), *viroodborník* (*odborník* ‘профессионал’), *virošířitel* (*šířitel* ‘распространитель’), *virofobie*, *virosféra*;

superrouška (*rouška* ‘маска’), *superšíření* (*šíření* ‘распространение’), *superpřenos* (*přenos* ‘передача’), *superkaranténa* (*karanténa* ‘карантин’); *postvirovú* (*virovú* ‘вирусный’), *postkorona* (*korona* ‘коронавирусный’).

Заметим, что у основы *korona-/corona-* основной является бегемизированная огласовка (*korona-* 38%, *corona-* 2%), тогда как у основы *kovid-/covid-* ситуация обратная (*kovid-* 2%, *covid-* 10%), что, безусловно, связано с наличием в чешской лексике лексемы *koruna* ‘корона; крона’.

Таким образом, в современном чешском дискурсе, как и в современном русском (см., [Петрухина, 2012]), наблюдается интенсивный рост количества неологизмов-композигов с заимствованными элементами.

2.5. В общей массе «ковид-неологизмов», экспрессивных самих по себе (ср. [Рацибурская, Тимофеева, 2011: 576]), особой экспрессией обладают новообразования, полученные с помощью словообразовательной контаминации (блендинга), ср.:

nosoroušek (*nosorožec* ‘носорог’ и *rouška* ‘маска’);

mateřrouška (*mateřídouška* ‘тимьян, чабрец’);

kreténténa (*kretén* ‘кретин’ и *karanténa* ‘карантин’);

kovidiot (*kovid* ‘ковид’ и *idiot* ‘идиот’);

koronavýr (звучит почти как *koronavír* ‘коронавирус’, *výr* ‘филин’);

plandemie (*plán* ‘план’ и *pandemie* ‘пандемия’);

pandavirus (*pandemie* ‘пандемия’, также *panda* ‘панда’ *vir* (*us*) ‘вирус’);

jasnocovidec (*jasnovidec* ‘ясновидец’ и *covid* ‘ковид’).

Мы склонны разделить мнение М.А. Смирновой, рассматривающей подобное словотворчество в качестве своеобразного защитного механизма, подавляющего негативные эмоции в условиях пандемии, «способы номинации при этом определяются теми лингвистическими ресурсами, которыми располагает язык» [Смирнова, 2020: 47].

3. Рассматриваемая в настоящей статье лексика относится к различным сферам жизни общества. В связи с этим выделим основные группы «ковид-неологизмов»:

3.1. Обозначение вируса: *koronavir*, *wuchanvir*, *virouš*, *skoronavirus* (‘сильный грипп, похожий на коронавирус, но не являющийся им’, *skoro* ‘почти’), *koronáč*, *koroňák*, *kovídek*.

3.2. Обозначение заболевшего: *kovoš*, *korouš*, *kovid’ák/covid’ák*, *covidár*, *kovidní/covidní*.

3.3. Обозначение эмоционального состояния: *koronanálada* (*nálada* ‘настроение’), *koronadeprese*, *koronadepka* (*deprese* ‘депрессия’), *koronamáníe* (*máníe* ‘мания’), *koronapsychóza* (*psychóza* ‘психоз’), *koronahysterie* (*hysterie* ‘истерия’), *koronastrach*, *virostrach* (*strach* ‘страх’), *koronašílenství* (*šílenství* ‘помешательство’), *kororadost* (*radost* ‘радость’), *rouškománíe* (*rouška* ‘маска’, *máníe* ‘мания’).

3.4. Время, отрезки времени, периоды: *koronačas* (*čas* ‘время’), *koronačasy*, *pandemie*, *panda*, *koronaprázdniny*, *koroprázdniny* (*prázdniny* ‘каникулы’), *korodovolená* (*dovolená* ‘отпуск’), *koronajaro* (*jaro* ‘весна’), *koronaéra* (*éra* ‘эра’), *koronadoba* (*doba* ‘время, эпоха’), *koronakaranténa* или *karoška*, *koronáčě* (*jařňáče* ‘весенние каникулы’), *koronanoce* (*Velikonoce* ‘Пасха’), *koronaživot* (*život* ‘жизнь’).

3.5. Мероприятия: *koronanávštěva* (*návštěva* ‘посещение, визит’), *koroncert* (*koncert* ‘концерт’), *koronavýlet* (*výlet* ‘экскурсия’), *lockdownovat* (*lockdown* ‘строгая изоляция’).

3.6. Наименования лиц по их отношению к вирусу и к антикоронавирусным мерам: *protirouškař*, *antivakcinář*, *bezrouškař*, *prorouškista*, *rouškopopírač*; *antivakcinátor*; *koronabojovník*, *soukaranténík*; *karanténista*; *koronablázinec* (*blázinec* ‘сумасшедший дом’), *koronaalarmista* (*alarmista* ‘паникер’), *koronožrout* (*čechožrout* ‘чехофоб’).

3.7. Родившиеся во время пандемии коронавируса: *koronadítě* (*dítě* ‘ребенок’), *koroňátko* (*nemluvnátko* ‘грудной ребенок’), *koroniál* (*mileniál* ‘миллениал’), *kovid’átko* (*děťátko* ‘деточка’).

3.8. Компенсаторные выплаты в связи с пандемией: *kovidné*, *rouškovné* (*cestovné* ‘командировочные’, *spopitné* ‘чаевые’).

3.9. Связанные с пандемией артефакты: *rouškomat* (*rouška* ‘маска’), *rouškobox*, *koronatest*.

4. Таким образом, связанные с пандемией коронавируса неологизмы заполняют различные сферы употребления: социальную, медицинскую, психологическую, при этом 87% всех «ковид-неологизмов» являются существительными, 10% — прилагательными, 2,5% — глаголами, тогда как наречий среди них менее одного процента, а наиболее продуктивным способом словообразовательной деривации оказался способ словосложения (58% от общего числа «ковид-существительных», 53,5% от общего количества «ковид-прилагательных»). Наиболее продуктивными основами для словосложения как существительных, так и прилагательных оказались следующие: *korona-/corona-* (40%), *roušk-* (12%), *covid-/kovid-* (12%), *vaksin-* (3%), *anti-* (2%), *super* (1%), *post* (1%). Наиболее употребительными суффиксами для обозначения лица оказались суффиксы *ař/ďř* — 2,5%, а также *ač/áč* (2%), прочие суффиксы представлены в меньшем объеме. Проявляющаяся в случае контаминации (блендинга) языковая игра может рассматриваться, как и в других языках, в качестве своеобразного защитного механизма, подавляющего негативные эмоции в условиях пандемии.

Список литературы

1. Васильева В.Ф. Чешский язык. М., 2014. С. 446–454.
2. Дедова О.В., Григорьева П.В. Игровое словообразование в современном русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2018. № 5. С. 49–64.
3. Геккина Е.Н. Ковид versus коронавирус: из наблюдений за регулярными случаями деривационных различий. Новые слова и словари новых слов: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2020. С. 148–156.
4. Клобуков Е.В., Гудилова С.В. Языковая специфика непроеизводных сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 20 / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 2001. С. 12–25.
5. Минеева З.И. Контаминация в образовании номинаций человека // Вестн. Удмурт. ун-та. Серия «История и филология». Т. 25. Вып. 2. 2015. С. 58–68.
6. Минеева З.И. Неодериваты в русском языке эпохи пандемии // Новые слова и словари новых слов: Сборник научных статей / Отв. ред. Н.В. Козловская / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2020. С. 167–177.
7. Петрухина Е.В. Сложные имена в русском языке: история и современность // Филология: вечная и молодая: Сборник статей к юбилею профессора М.Л. Ремневой. М., 2012. С. 113–125.
8. Рацибурская Л.В., Тимофеева А.А. Современные тенденции в словообразовании русского и чешского языков // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6 (2). С. 574–578.

9. *Смирнова М.А.* Словотворчество как основа создания новой мифологемы пандемии коронавируса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020. No. 6. С. 44–54.
10. *Улукханов И.С.* Сложное слово // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М., 1997. С. 514.
11. *Хрущева О.А.* Универсальные и лингвокультурные особенности блендинга: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011.
12. *Bozděchová I.* Univerbizace a (kvazi) kompozice v současné češtině // Univerbacija / univerbizacija u slavenskim jezicima. Slavisticki komitet, Sarajevo, 2018. S. 68–103.
13. *Bozděchová I.* Možnosti a meze slovotvorby češtiny (K neologickým a okazionálním názvům osob) // *Lingvistika — korpus — empirie* / Bílková, J., Kolářová, I., Vondráček, M. (eds.). Praha: ÚJČ AV ČR, 2020. S. 142–152.
14. *Databáze excerpčního materiálu Neomat. Verze 3.0.* Praha: Oddělení současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://neologismy.cz/> (дата обращения: 07.05.2021).
15. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov. Nakladatelství Československé akademie věd. 1962. 264 s.
16. *Čeština 2.0* [Электронный ресурс]. URL: <https://cestina20.cz> (дата обращения: 07.05.2021).

Olga Cherchuk

REALITIES OF THE CORONAVIRUS WORLD REFLECTED IN THE MIRROR OF NEOLOGISMS IN CZECH

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the Czech neologisms related to the coronavirus pandemic, recorded in the Neomat electronic database maintained by the Department of Modern Lexicology and Lexicography of the Academy of Sciences of the Czech Republic (1284 tokens when accessed on 01.05.2021). In the total mass of such “covid-neologisms”, 87% of the lexemes turned out to be nouns, 10% adjectives, and a little more than 2% verbs. Compounding has been the most productive word formation method with 58% of the total number being “covid-nouns” and 53.5% “covid-adjectives”. The stems *korona-/corona-* (40%), *roušk-* (12%), *covid-/kovid-* (12%), *vakcin-* (3%), *anti-* (2%), *super* (1%), *post* (1%) have been the most productive in the formation of both nouns and adjectives. The language game that manifests itself in the case of contamination (blending) can be considered, as in other languages, as a protective mechanism that suppresses negative emotions in a pandemic.

Key words: Czech; neologisms; coronavirus.

About the author: *Olga Cherchuk* — PhD Student, Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: cherchuk-olga@yandex.ru).

References

1. Vasil'yeva V.F. *Cheshskiy yazyk*. [Czech] M.: Diksi-press, 2014, pp. 446–454.
2. Dedova O., Grigoryeva P. *Igrovoye slovoobrazovaniye v sovremennom russkom yazyke*. [Wordplay Derivation in Modern Russian] Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. 2018. No 5. (In Russ.)
3. Gekkina E.N. Kovid versus koronavirus: iz nablyudenii za regul'yarnymi sluchayami derivatsionnykh razlichii. [COVID versus coronavirus: observations on regular cases of derivational differences] *Novye slova i slovari novykh slov: Sbornik nauchnykh statei*. Otv. red. N.V. Kozlovskaya. In-t lingv. issled. RAN. SPb., 2020, pp. 148–156. (In Russ.)
4. Klobukov E.V., Gudilova S.V. *Yazykovaya specifiika neproizvodnykh slozhnykh slov (kvazikompozitov)*. [Linguistic specificity of non-derivative compound words ((quasi) compound formations)] *Yazyk, soznanie, kommunikaciya: Sb. statei*. Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M.: MAKS Press, Vyp. 20. 2001, pp. 12–25. (In Russ.)
5. Mineeva Z.I. *Kontaminatsiya v obrazovanii nominatsii cheloveka*. [Contamination in the human nominations] *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Istoriya i filologiya"*. T. 25. Vyp. 2. 2015, pp. 58–68. (In Russ.)
6. Mineeva Z.I. *Neoderivaty v russkom yazyke epohi pandemii*. [New derivatives in the Russian language of the pandemic era] *Novye slova i slovari novykh slov: Sbornik nauchnykh statei*. Otv. red. N.V. Kozlovskaya. In-t lingv. issled. RAN. SPb., 2020, pp. 167–177. (In Russ.)
7. Petruhina E.V. *Slozhnye imena v russkom yazyke: istoriya i sovremennost'*. [Complex names in Russian: history and modernity] *Filologiya: vechnaya i molodaya: Sbornik statei k yubileyu professora M.L. Remnevoj*. M., Izdatel'stvo MGU, 2012, pp. 113–125. (In Russ.)
8. Raciburskaya L.V., Timofeeva A.A. *Sovremennyye tendentsii v slovoobrazovanii russkogo i cheshskogo yazykov*. [Modern trends in word formation of the Russian and Czech languages] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. № 6 (2), 2011, pp. 574–578. (In Russ.)
9. Smirnova M.A. *Slovotvorchestvo kak osnova sozdaniya novoy mifologemy pandemii koronavirusa* [Word creation as the basis for creating a new mythologeme of the coronavirus pandemic]. Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. 2020. No 6. (In Russ.)
10. Uluhanov I.S. *Slozhnoe slovo*. [Compound word] *Russkij yazyk. Enciklopediya*. 2-e izd. / Gl. red. Karaulov Yu.N. M., 1997. S. 514. (In Russ.)
11. Hrushcheva O.A. *Universal'nye i lingvokul'turnye osobennosti blendinga. Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Universal and linguo-cultural features of blending. PhD. phil. sci. abs.]. Chelyabinsk, 2011. (In Russ.)
12. Bozděchová I. Univerbizace a (kvazi) kompozice v současné češtině. In: *Univerbacijska / univerbizacijska u slavenskim jezicima*. Slavisticki komitet, Sarajevo. 2018, pp. 68–103.

13. Bozděchová I. Možnosti a meze slovtvorby češtiny (K neologickým a okazionálním názvům osob). In: *Lingvistika — korpus — empirie* / Bílková, J., Kolářová, I., Vondráček, M. (eds.) Praha: ÚJČ AV ČR. 2020, pp. 142–152.
14. Databáze excerpčního materiálu *Neomat*. Verze 3.0. Praha: Oddělení současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR. 2021. URL: <http://neologismy.cz/> (accessed: 07.05.2021).
15. Dokulil M. *Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov*. [Word formation in Czech. Word derivation theory] Nakladatelství Československé akademie věd. 1962. 264 p.
16. *Čeština 2.0*. URL: <https://cestina20.cz> (accessed: 07.05.21).

СТАТЬИ

Л.А. Колобаева

ОТ О. МАНДЕЛЬШТАМА К И. БРОДСКОМУ: СИМВОЛ «РАКОВИНЫ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

О. Мандельштам, со свойственной ему широтой взгляда на мир, на мировую культуру, вглядываясь в возможное будущее, мечтал найти там «провиденциального собеседника». Таким «собеседником» явился, можно сказать, И. Бродский. Цель статьи — обосновать поэтическое родство О. Мандельштама и И. Бродского, проявившееся в интерпретации важнейшего для них символического мотива «раковины», образа поэтического Я. Свой первый сборник стихов «Камень» (1913) Мандельштам сначала хотел назвать «Раковина». Стихотворение под этим названием — «Раковина» — следует считать центральным в сборнике. Полемически направленное по отношению к символистам, оно утверждает в качестве образа Поэта «раковину без жемчужин», то есть личность не с богоданным, заранее предопределенным гениальным даром, а с возможностью *личностью стать — зазвучать*, стать *звучащей раковиной*, улавливающей многозвучие Вселенной и «шумы времени». Тем самым утверждается принцип *самосозидания и индивидуального* творения мира поэтом, в этом видится суть лирического Я поэта и личности вообще. Подобный мандельштамовскому творческий подход к личности и развивается в лучших явлениях русской поэзии XX в. в дальнейшем и по-своему реализуется в творчестве Бродского. Символический образ «раковины» появляется у Бродского и в прозе (эссе «Меньше единицы», 1976), и в поэзии («Элегия», 1989). В эссе «Меньше единицы», развернутого в форме воспоминаний, поэт выделяет в образе автобиографического героя проявление «ограждающих свойств *раковины*». В его реакции на окружающую реальность поражает яростное отталкивание от всего *повторяющегося*, которое воспринимается им как навязчивый, подавляющий, «кафкианский» абсурд (портреты вождя, удручающе одинаковая окраска классных стен с синей полоской и т.д.). Символический образ *раковины*, даже *раковин*, присутствует и в лирике Бродского, в его

Колобаева Лидия Андреевна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: l.a.kolobaeva@gmail.com).

поздней «Элегии» 1989 г. Поэтика стихотворения строится на двух образных стихиях — интеллектуальной, научно-обобщающей, абстрактной (фигуры *квадрата и параллелепипеда*, притязающие на предельную широту обобщающей мысли), и стихию *предметной конкретики*, блистательно разработанной поэтами-акмеистами, включая Мандельштама. В стихотворении сходятся два осевых образа: «раковин», прячущих свои «жемчужины», и образа расширяющегося сознания современного человека. Это утверждаемое автором сознание, в которое входят два символа: «кремля» и «нью-йорка», сознания, включающего представление о мире, о человечестве в целом. Сопоставление Мандельштама и Бродского через конкретное сопоставление ключевого для них символического образа «раковины», образа человеческой личности свидетельствует о *расширении мироотношения*, которое происходило в развитии отечественной поэзии XX в., во многом под влиянием творческих импульсов Мандельштама, и которое было необычайно значимо.

Ключевые слова: Мандельштам; Бродский; раковина; поэтическое Я; человеческая личность; жемчужина; повторяемость; неповторимость; самозидание; расширение мироотношения.

В поэзии О. Мандельштама замечательна широта взгляда на мир, разнообразие лирически им освоенных *времен*, от прошлого к будущему. Поэт беседует с античным Римом, вступает в диалог с создателями Аий-Софии в Константинополе, христианского храма трагической судьбы, превращенного позднее в мечеть, вводит нас в соборы и дворцы Петербурга, угадывая в стиле архитектуры *строй души* создателей. Мандельштам не устает заглядывать в будущее, мечтает встретить там «провиденциального собеседника» (статья «О собеседнике», 1913). И находит его в кругу читателей и поэтов будущего. Среди последних выделяется И. Бродский. Показать органическую связь Мандельштама и Бродского через символический мотив *раковины* — это и есть цель статьи.

В первом поэтическом сборнике Мандельштама «Камень» (СПб: Акме, 1913, содержит стихи 1909–1913 гг.) одним из центральных надо признать стихотворение «Раковина» (1911):

Быть может, я тебе не нужен,
Ночь, из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой.

Ты равнодушно волны пенишь
И несговорчиво поешь;
Но ты полюбишь, ты оценишь
Безушной раковины ложь.

Ты на песок с ней рядом ляжешь,
Оденешь ризою своей,
Ты неразрывно с нею свяжешь
Огромный колокол зыбей.

И хрупкой раковины стены, —
Как нежилого сердца дом, —
Наполнишь шепотами пены,
Туманом, ветром и дождем...

(1911)

Раковина, выброшенная ночью из «пучины мировой», в стихах Мандельштама, — это образ человеческого Я, Я поэта («Я выброшен на берег твой...»), и он радикально отличается от образа поэтического Я предшественников, символистов. Это — «раковина без жемчужин». Символисты, *неоромантики*, как известно, выстраивая романтическую концепцию Поэта, изначально и предопределенно видели в Я поэта *избранника*, *гения*, обладателя *исключительного* божьего дара, — *жемчужины*, как звучит у Мандельштама. Автор этого стихотворения видит образ *иной раковины*, *без жемчужины*, которая, однако, сможет уловить «шумы» мира, — «пучины мировой», — «наполниться шепотами пены, туманом, ветром и дождем...», звуками вечности, как и «шумами времени» (в другой, более поздней, образной формулировке поэта). Иными словами, раковина может стать *звучащей*, *драгоценной*. Такой *звучащей раковине* и уподобляется поэт, так видится ему суть человеческой личности. Можно показать соответствующую этому замыслу поэтическую мощь *звучания* этого стихотворения, *звучности* его словесной ткани. Образ «пучины мировой» в первой строфе исполнен созвучиями «шумов», грохочущей игры звуков с повторами шипящих — Ш, Ж и Ч, с рокотом Р («Как **раковина** без жемчужин, / Я **выброшен** на **берег** твой»), потом он сменяется иной тональностью, с усилением протяжного гласного О и аллитерациями *мягкого* Л в третьей, предфинальной строфе, с мощным *музыкальным* звоном «колокола» звуков: «Ты неразрывно с нею свяжешь о-гро-мный *колокол* зыбей».

Обобщая, можно заключить, что в стихотворении «Раковина» утверждается важнейший для Мандельштама художественный принцип *самосозидания* и *индивидуального* начала в личности как сущность поэтического и, шире, человеческого Я — принцип, который будет развит в творчестве поэта в «*архитектурной*» образной стилистике. В этом и выразилась прежде всего суть и значимость движения русской поэзии XX в. от символистов к акмеистам, от Блока к Мандельштаму, с переходом от мистической туманности символистского образа к конкретной и живой реальности бытия в образе поэтов поколения Мандельштама, Гумилева и Ахматовой.

Неслучайно свой первый сборник стихов «Камень» Мандельштам изначально собирался назвать «Раковина».

Стоит обратить внимание также на факт из истории живописи, связанный с нашей темой и относящийся к Врубелю. Незадолго до

смерти, в 1904 году, Врубель написал картину с изображением сверкающей перламутровыми переливами красок — голубой, зеленой и розовой — *раковины* под названием «Жемчужина». Эту картину, которая была показана в 1905 году, можно трактовать как символ неуловимой, многоцветной Красоты, ее непостижимой Тайны, — образ, перекликающийся с поэзией современников автора, символистов.

Полемический по отношению к предшественникам образ «раковины *без жемчужин*» впервые в русской поэзии появился у Гумилева, в поэме «Открытие Америки» (1910, песнь третья), в раздумьях Колумба:

*Раковина я, но без жемчужин,
Я поток, который был запружен, —
Спущенный, теперь уже не нужен.*

Впервые в творчестве Мандельштама образ «раковины» мелькнул в его статье «Франсуа Виллон» (1910) о французском поэте XV в. Франсуа Вийоне, — фигуре, которая предстает здесь в амбивалентном освещении: это великий поэт и человек «темной биографии». «Раковиной» (по-французски) здесь названа группа лихих людей, к которой был причастен Вийон, как об этом рассказывает Мандельштам.

Символ «раковины» позже, в 1920-е годы, встретится нам в поэзии М. Цветаевой — в лирическом стихотворении «Раковина» (1923), где развивается мотив *раковины* как творящей силы *любви*, любви материнской. Лелея свое дитя, мать обещает ему возможность стать «жемчугом», человеком: «Жемчугом станешь в ладонях сих!»

«Провиденциальным собеседником» Мандельштама в русской поэзии XX в. явился, можно сказать, И. Бродский. Он очень высоко ставил Мандельштама в своей шкале ценностей, называл его в четверке самых любимых им и великих поэтов XX в. — Мандельштам, Ахматова, Цветаева, Пастернак. Петербургский друг Бродского Яков Гордин называл Мандельштама «одним из безусловных наставников Бродского» [Бродский, 2003: 10].

Связи Мандельштама и Бродского сложны и многообразны. Главным в их духовном «родстве» стало то, что Мандельштам утверждал *культуру, мировую культуру* как важнейший *ценностный* критерий в понимании человека, состоявшейся личности и самого времени. По словам Бродского, для людей послевоенного поколения, — «единственного поколения русских, которое нашло себя», — «*Джотто и Мандельштам были насущнее собственных судеб*» («Меньше единицы», 1986). Далеко не случайной была их внутренняя близость в художественном подходе к личности, что и сказалось, в частности,

в символическом мотиве «*раковины*» в их творчестве. Образ «*раковины*» появляется у Бродского не однажды, в поэзии и в прозе, а именно — в его эссе «Меньше единицы» и в «Элегии» («Постоянство суть эволюция принципа помещения...») 1989 г.

В эссе поэт пишет: «Видимо, всегда было какое-то “я” внутри той маленькой, а потом и несколько большей *раковины*, вокруг которой “все” происходило. Внутри этой *раковины* сущность, называемая “я”, никогда не менялась и никогда не переставала наблюдать за тем, что происходило вовне. Я не намекаю, что внутри была *жемчужина*. Я просто хочу сказать, что ход времени мало затрагивает эту сущность». Как мы видим, смысл символа раковины — близкий к мандельштамовскому, это образ личности, человеческого Я, правда, с большей акцентированностью генетического, врожденного начала в нем. И конкретное понимание подобного зерна, сохраняющегося в Я, «благодаря ограждающим свойствам раковины», разворачивается в эссе дальше.

В форме автобиографических воспоминаний здесь открываются некие свойственные герою существенные качества, присущие человеческой личности вообще, в понимании автора. В рассказе о реакциях мальчика на школьную жизнь, на явления окружающей реальности, поражает прежде всего необычайная острота его восприятия *повторяющихся* явлений и яростное *отталкивание* от них. Ярким примером этого было впечатление от портретов Ленина, «которого я невзлюбил, полагая с первого класса — не столько из-за его политической философии и деятельности, о которых в семилетнем возрасте я имел мало понятия, а из-за вездесущих его изображений, которые оккупировали чуть не все учебники, чуть ли не все стены в классах, марки, деньги и Бог знает что еще, запечатлев его в разных возрастах и на разных этапах жизни».

Врезается в нашу память реакция Бродского-школьника на «синюю горизонтальную полосу» в окраске классных стен, «протянувшуюся неуклонно через всю страну».

Стихия навязываемых *повторений* воспринимается автором эссе словно «кафкианский» абсурд, фальшь и покушение на *индивидуалистическое, неповторимое* начало в человеке, отстаиваемое поэтом как корень, существо личности. Так развиваются в творчестве Бродского мандельштамовские посылки в подходе к образу человека, к личности.

С символической «*раковиной*» Мандельштама Бродский переключался и в своей лирической поэзии. Выразительна в этом отношении «Элегия» («Постоянство суть эволюция принципа помещения...») 1989 г.:

Постоянство суть эволюция принципа помещения в сторону мысли. Продолжение квадрата или параллелепипеда, как сказал бы тот же Клаузевиц, голоса или извилин.

О, сжавшаяся до размеров клетки мозга, комната с абажуром, шкаф типа «гей славяне», четыре стула, козетка, кровать, туалетный столик с лекарствами, расставленными наподобье *кремля* или, лучше сказать, *ню-йорка*.

Умереть, бросить семью, уехать, сменить полушарие, дать вписать другие овалы в четырехугольник — тем громче пыльное помещение настаивает на факте своего существования, требуя ежедневных жертв от новой местности, мебели, от силуэта в желтом платье, в итоге — от самого себя.

Пауку — одно удовольствие заштриховывать пятый угол.

Эволюция — не приспособление вида к незнакомой среде, но победа воспоминаний над действительностью. Зависть ихтиозавра к амебе. Расхлябанный позвоночник поезда, громящий в темноте мимо плотно замкнутых на ночь створок *деревянных раковин* с их бесхребетным, влажным, *жемчужину* прячущим содержимым.

Раковина, даже *раковины*, здесь предстают не в естественной, природной обстановке, как у Мандельштама, а в форме автобиографического воспоминания о своем домашнем гнезде, тех же «полутора комнатах», поэтом оставленных, но незабываемых, — в образе воспоминаний о родном крае, вызывающих ассоциацию с движением поезда, громящего мимо «*деревянных раковин*» (домов), *прячущих* свою «жемчужину».

Стихотворение выдержано в подчеркнуто *интеллектуальном* стиле, с привлечением неких научных формул: «*Постоянство суть эволюция принципа* помещения в сторону мысли...», а также абстрактных, условных, «*геометрических*» образных знаков — «*квадрата или параллелепипеда*», которые рисуются памятью в соединении с бытовой конкретикой, обстановкой квартиры: «Шкаф <...> козетка, кровать, туалетный столик // *с лекарствами*, расставленными наподобье // *кремля* или, лучше сказать, *ню-йорка*». И в этом, я полагаю, заключена главная образная ось элегии: мысль о том, что в бытовой, житейский, повседневный строй домашнего очага органически, как «лекарство», вошли две ключевые вершины, два начала, два символа: «кремль» и «ню-йорк». Так выразилось необходимое и неизбежное *расширение мироотношения* современного человека, утверждаемое

автором элегии, включение в его сознание представления о *мире*, о человечестве *в целом*.

Заключая сопоставление поэзии Мандельштама и Бродского через конкретное сопоставление ключевого для них символического образа «раковины», образа человеческой личности, приведем одно характерное высказывание Бродского: «История искусств (читай: история литературы) — это история наращивания и уточнения, история *расширения перспективы человеческого мироощущения*, история обогащения или, чаще, конденсация средств выражения» [Бродский, 2003: 80]. Такого рода *расширение перспективы мироотношения*, вместе с обогащением средств выражения и происходило в развитии отечественной поэзии XX в., во многом под влиянием сильнейших творческих импульсов Мандельштама.

Список литературы

1. *Бродский И.* Поклониться тени. СПб., 2003.

Lydia Kolobayeva

FROM MANDELSTAM TO BRODSKY: THE SYMBOL OF THE SHELL

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Mandelstam, with his inherent breadth of vision of the world, of world culture, looking into a possible future, dreamed of finding there a “providential interlocutor”. One might say that Brodsky was this kind of an “interlocutor”. The aim of this article is to substantiate a poetic kinship between Mandelstam and Brodsky, as revealed in the interpretation of the most important for them symbolic motif of the “shell” and the image of the poetic self. Mandelstam originally wanted to name his first collection of poems (1913), known as “The Stone”, “The Shell”. The poem under this title, “The Shell”, should be considered central to the collection. In its polemical approach to the Symbolists, it asserts as the image of the Poet “a shell without pearls”, that is, a person not with a God-given, predetermined gift of genius, but with the possibility of becoming a person — of making sound, becoming a listening shell capable of capturing the polyphony of the universe and the “noises of time”. This asserts the principle of the poet’s self-creation and individual creation of the world, and herein we see the essence of the poet’s lyrical self and personality in general. A similar creative approach to personality develops in the best phenomena of twentieth-century Russian poetry later on, and is realized in Brodsky’s work. The symbolic image of the “shell” appears in Brodsky’s prose

(the essay “Less than One”, 1976) and poetry (“Elegy”, 1989). In the essay “Less than One”, which unfolds in the form of memoir, the poet singles out in the image of the autobiographical hero the manifestation of the enclosing properties of the shell. In his reaction to the surrounding reality one is struck by the fierce repulsion from everything repetitive, which he perceives as an intrusive, overwhelming, Kafkaesque absurdity (portraits of the leader, the depressingly uniform coloring of classroom walls with a blue stripe, etc.). The symbolic image of the shell, even seashells, is also present in Brodsky’s lyricism, in his late “Elegy” (1989). The poetics of the poem is built on two imagistic elements — the intellectual, scientific-generalizing, abstract (the figures of the square and the parallelepiped, claiming the utmost breadth of generalizing thought) and the element of object specificity, which was brilliantly developed by Acmeist poets, including Mandelstam. Two axial images converge in this poem: of “shells” hiding their “pearls”, and of the expanding consciousness of modern man. This is a consciousness asserted by the author that includes two symbols: the “Kremlin” and “New York”, a consciousness that includes a view of the world and of humanity as a whole. The juxtaposition of Mandelstam and Brodsky through a specific juxtaposition of the key symbolic image of the “shell”, the image of the human person, testifies to the expansion of the worldview that took place in the development of twentieth-century Russian poetry, largely under the influence of Mandelstam’s creative impulses, and which was extraordinarily significant.

Key words: Mandelstam; Brodsky; shell; poetic self; human personality; pearl; repetition; uniqueness; self-creation; expansion of worldview.

About the Author: *Lydia Kolobayeva* — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: l.a.kolobaeva@gmail.com).

References

1. Brodskii I. *Poklonit'sia teni* [To Bow to the Shadow]. SPb.: *Azбуka-klassika*, 2003.

В.В. Красных, Лу Цзыи

**АССОЦИАТИВНО-ОБРАЗНЫЙ КОМПОНЕНТ
НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ С АБСТРАКТНЫМ ИМЕНЕМ *МЫСЛЬ***

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена рассмотрению ряда фразеологических единиц (ФЕ), содержащих абстрактное имя *мысль*, с точки зрения ассоциативно-образного компонента. Фразеологизм понимается нами вслед за В.Н. Телия как единица, обладающая свойствами устойчивости, воспроизводимости, идиоматичности. Анализу подверглись ФЕ с глаголами *приходить / прийти* и *уходить / уйти*, в которых *мысль* выступает в функции субъекта-актора. ФЕ описываются нами с использованием методов лингвокультурологического анализа и в соответствии с алгоритмом, разработанным В.Н. Телия и авторами «Большого фразеологического словаря русского языка». Проведенный анализ показал, что рассмотренные ФЕ содержат образ, восходящий к анимизму, отражают древнейшую оппозицию «внутри — снаружи» и в целом соотносятся с антропным и пространственным кодами культуры. При этом глагольные компоненты, входящие в их состав, соотносятся с акциональным, а субстантивы *голова*, *ум*, являющиеся факультативным компонентом ФЕ, — с соматическим кодом культуры. В образном основании проанализированных ФЕ лежит метафора, уподобляющая *мысль* свободно перемещающемуся в пространстве, не зависящему от человека живому существу, которое может пересекать границы как между внешним миром и внутренним пространством человека, так и между миром «своих» и миром «чужих». Представленные в статье ФЕ отражают стереотипное представление о неподконтрольности *мысли* человеку, о ее свободном передвижении в пространстве, о ее, как правило, неожиданном проникновении в сознание или ее исчезновении. Рассмотрение русских ФЕ на фоне их китайских аналогов позволило высказать предположение, что уровень сложности их понимания носителями китайского языка будет различным.

Красных Виктория Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: victoryvk@gmail.com).

Лу Цзыи — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, старший преподаватель Хэйлунцзянского университета (e-mail: 24956006@qq.com).

Дальнейшее системное лингвокультурологическое изучение и описание аналогичных единиц представляется перспективным как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Ключевые слова: фразеологическая единица; *мысль*; лингвокультурологический анализ; форма осознания мира; код культуры; стереотипное представление.

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русском языкознании относится, по мнению Н.М. Шанского, к 1940-м годам и неразрывно связано с именем акад. В.В. Виноградова [Шанский, 2015: 8]. Как считает В.Н. Телия, именно в работах В.В. Виноградова [Виноградов, 1977а; 1977б; 1977в] обоснованы основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины [Телия, 1996: 7]. И именно им впервые была дана синхронная классификация фразеологических оборотов русского языка с точки зрения их семантической слитности и были намечены пути и аспекты дальнейшего их изучения [Шанский, 2015: 8]. Этот период, характеризовавшийся исследованиями фразеологии в первую очередь в рамках структурализма, принято считать классическим [Телия, 1996].

После классического периода одним из основных в области фразеологии стал подход к изучению ФЕ как языковой номинации. Так, например, В.М. Мокиенко определяет ФЕ как «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» [Мокиенко, 1980: 4]. А.И. Федоров рассматривает ФЕ с точки зрения их внутренней формы: «Фразеологизмы создаются для конкретизации и образно-эмоциональной оценки предметов, явлений, действий, качеств, уже названных в языке. <...> Фразеологизмы, в отличие от слов, имеют фразеологическое значение, состоящее из образного представления метафорического, метонимического или сравнительного типа, через которое называется денотат и дается его коннотативная характеристика в сигнификате» [Федоров, 1980: 13–15]. В.Н. Телия считает, что «все экспрессивно окрашенные слова и выражения пресуппозитивны в более или менее четкой форме. Ведь те сигналы, которые несет в себе внутренняя форма или на которые настраивает нас форма звуко-символическая — эти сигналы актуализируются только благодаря тому, что фоновое знание об обозначаемом входит в ассоциативно-образный фокус» [Телия, 1986: 97]. Таким образом, фразеологизмы понимаются как особая часть номинативного состава языка, и главное в них — не структурно-семантическое отличие от слов или сочетаний слов, а тот способ, каким они выполняют то или иное номинативное «предназначение» [Телия, 1996: 80]. При этом

фразеологизмы различаются не столько по дифференциальным признакам значения, сколько по коннотативным, непосредственно связанным с ассоциативно-образным содержанием внутренней формы фразеологизмов [там же: 43]. Отметим, что, по В.Н. Телия, «коннотация — это “скрытая”, невыражаемая формально информация о прагматической интенции говорящего, связанная с намерением произвести определенное воздействие, в том числе — эмоционально воздействовать на адресата. <...> это вся совокупность той информации, которая выражает отношение говорящего/слушающего к объекту из мира “Действительное”, следовательно, само это отношение основано на каких-то знаниях о мире “Действительное”, на чувственном восприятии объектов из этого мира» [там же: 109].

Мы понимаем термин «фразеологическая единица» достаточно широко и следуем в этом В.Н. Телия, которая считала, что «к базовым классам фразеологизмов <...> можно отнести **все сочетания слов**, для которых характерны три основных параметра: **принадлежность к номинативному инвентарю** языка, признак полной или частичной **идиоматичности**, а также свойство **устойчивости**, в той или иной степени ее варибельности, проявляющееся в абсолютной или относительной **воспроизводимости** сочетаний слов в “готовом виде”» [Телия, 1996: 56] (выделено нами. — В.К., Л.Ц.) (см. также [Телия, 2020б: 6]). При этом в содержание любой номинативной единицы (в том числе ФЕ) входит коннотативная структура, которая основана на значении номинативной единицы и включает в себя ассоциативно-образный компонент, оценку и стилистическую окраску [там же: 106–108]. В данной статье особое внимание уделяется рассмотрению ассоциативно-образного компонента ФЕ, т.е. образа имени, который в сознании человека ассоциируется с референтом имени.

Для нашего анализа мы выбрали ФЕ, субъект в которых выражен абстрактным именем *мысль* и сочетается с такими глаголами, как *приходить / прийти* и *уходить / уйти* (о семантической структуре абстрактных единиц *мысль* и *идея* с точки зрения теории концептуальной метафоры см. [Кобозева, 1993]). На основе Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и собственных картотек нами был составлен корпус, в который вошли контексты, содержащие указанные единицы и подвергшиеся детальному анализу (всего около 1 000 контекстов). Данные единицы русского языка рассматриваются нами на фоне китайской лингвокультуры, поскольку, как пишет В.Н. Телия, «фразеологизмы являются самым ярким культуроносным слоем языковых единиц» [Телия, 2020а: 782], что позволяет более четко определить характерные черты русских

фразеологизмов, наиболее ярко отражающих некоторые основные особенности мировосприятия и миропонимания носителей русского языка.

За основу анализа и описания данных единиц мы взяли определенные приемы и модель описания, разработанные В.Н. Телия и авторским коллективом под ее руководством и представленные в «Большом фразеологическом словаре русского языка» [Большой..., 2020].

Учитывая, что ряд анализируемых единиц «имеет аспектуально-временные видовые формы», мы использовали «принцип их “гнездования”», предполагающий, что «такое “гнездо”, или парадигма, объединено общим толкованием при различии его лексико-грамматических форм <...>» [Телия, 2020б: 10]. Соответственно, мы рассматриваем как «гнездо» (или парадигму) единицы *приходить / прийти — уходить / уйти*. Вместе с тем одна ФЕ может иметь варианты значения, не позволяющие дать единое толкование; в таком случае ФЕ описывается в соответствии с каждым из вариантов (в нашем случае — ФЕ *мысль уходит / ушла* 1, 2, 3¹), после чего приводится общий комментарий.

ФЕ приводятся в основном своем виде с указанием факультативных (даются в квадратных скобках) и альтернативных (даются в ломаных скобках) компонентов.

Зона семантизации анализируемых единиц включает в себя следующие позиции:

1) приводится толкование ФЕ; при этом сохраняется грамматическая форма ФЕ, что позволяет свободно заменять в высказываниях сформулированным толкованием анализируемый фразеологизм;

2) представляется описание «типовой для значения фразеологизма ситуации», которое «отображает “глубинный” смысл содержания фразеологизма и прогнозирует его употребления в речи» [там же: 8], данный фрагмент описания вводится словами «*Имеется в виду, что...*»; при необходимости указываются нюансы значения, имплицитно присутствующие в высказывании, что вводится словами «*При этом может подразумеваться...*»;

3) далее приводится строка пропозиции, т.е. «семантико-синтаксическая формула, <...> представляющая собой “свернутую” знаковую модель, <...> соответствующую нормативным условиям его употребления <...>» [Телия, 2020а: 779];

4) в конце указывается сфера функционирования ФЕ; в нашем случае — **Реч. стандарт**.

¹ Такое (цифровое) обозначение вариантов одной ФЕ принято в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телия [2020].

Поскольку в анализируемых ФЕ не выражается эмоционально-оценочное отношение говорящего, мы не приводим помет «говорится с одобрением / неодобрением», эксплицирующих «мнение говорящего о морально-нравственных установках культуры, или культурные коннотации» [Телия, 2020б: 9].

В представлении лингвокультурологического комментария мы в пп. а — г приводимого далее списка также следуем структуре указанного словаря (подробнее см. [Телия, 2020б: 12–14; Красных, 2020: 772]) и даем описание следующих аспектов:

(а) формы осознания мира человеком, восходящие к архетипическим представлениям (по В.Н. Телия: древнейшим, надличностным, коллективно-родовым, лежащим в основе окультуривания мира человеком, т.е. моделирования космоса из хаоса [Телия, 2020б: 13]);

(б) соотносительность ФЕ и ее компонентов с кодами культуры;

(в) метафорическое осмысление *мысли*, представленное в анализируемой единице;

(г) стереотипное представление о ситуации, отраженное в данной единице;

(д) образные аналоги / эквиваленты русской ФЕ в китайской лингвокультуре / китайском языке;

(е) уровень сложности в понимании ФЕ и/или ее образного основания для китайцев.

Прежде чем представить описание рассматриваемых единиц, отметим, что ФЕ **мысль приходит / пришла** имеет одно значение, а ФЕ **мысль уходит / ушла** — три значения. Поскольку в последнем случае речь идет, на наш взгляд, все-таки об одной ФЕ, лингвокультурологический комментарий представлен после всех трех вариантов указанной единицы.

мысль приходит / пришла [в голову <на ум>] кому, к кому.

Идея возникает [в сознании] (*у кого*). *Имеется в виду*, что у человека, группы лиц (*У*) появляется некоторое соображение, суждение (*Х*). *При этом может подразумеваться* неожиданность, внезапность догадки, озарения. *Х приходит / пришла [в голову <на ум>] [У-у]. Реч. стандарт.*

Невеселая **мысль приходила в голову**: неужели за недолгое время отшельничества народ Москвы уже отвык от моего присутствия. [В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)] Такие **мысли приходили в голову** вдруг, сами собой, и не мешали мне по-прежнему, а иногда и острее любить его, однако словно бы с медленно увеличивающейся дистанции. [А. Найман. Любовный интерес (1998–1999)] Итак, я начинаю — не в алфавитном порядке, а в той последовательности, в какой **мысли приходят мне в голову**. [В. Пелевин. Бэтман Аполло (2013)] Единственная **мысль приходила ей на**

ум: Андрей хочет сохранить свою независимость. [А. Берсенева. Полет над разлукой (2003—2005)] Все мои главные **мысли приходили** вдруг, нечаянно. [Г.С. Померанц. Записки гадкого утёнка (1998)] Размышлениями: это не я плохой человек, плохие **мысли приходят** ко мне, именно приходят, они чужды мне, они привнесены порывом случайного ветра. [А.Н. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014] Но вслед за этим в нем вспыхнуло раздражение на эти свои дурацкие **мысли — приходящие** помимо его воли и угнетающие его; он с силой отбросил их прочь и решительно подобрал поводья. [С. Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995—1996)] Да боже мой, разве можно угадать, какая **мысль придет в голову** этому злодею? [В.А. Каверин. Верлиока (1981)] Когда человеку такая **мысль придет на ум**, он ощущает трепет души. [Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди (1984—1989)]

Образ фразеологизма восходит к одной из древнейших форм осознания мира — анимизму: продукт мыслительной деятельности человека осмысляется как живое существо. Помимо этого в данной ФЕ находит отражение базовая оппозиция «внутри — снаружи», имеющая архетипический характер.

Компонент *мысль* соотносится с антропным кодом культуры, глагольный компонент *приходить / прийти* — с акциональным. Компоненты *голова, ум* как локус мыслей / идей соотносятся с соматическим кодом культуры², а в сочетании с предлогами *в / на* + вин. пад. и с дат. пад. (с предлогом *к* и без него) — с пространственным кодом культуры. Рассматривая данную ФЕ как таковую, представляется возможным говорить о соотносении фразеологизма в целом с антропным и пространственным кодами культуры.

В ФЕ отражается метафорическое осмысление *мысли* как живого существа, которое свободно перемещается в пространстве и не зависит от человека, его воли и/или желаний. *Мысль* существует сама по себе, изначально находится вне человека, в некотором пространстве и приходит к человеку, проникая в его сознание, пересекая границу между внешним миром и внутренним пространством человека.

ФЕ в целом отражает стереотипное представление о возникшей помимо воли человека идее, о сложившемся суждении, неожиданном осознании ситуации, догадке.

Образных аналогов в китайской лингвокультуре нами не обнаружено. Во-первых, в высказывании 头脑里或心里忽然产生一个想法 (*букв.* ‘в голове или в душе вдруг зарождается какая-л. мысль или идея’), отсутствует идея движения *мысли*. Во-вторых, находясь внутри человека, *мысль* активизируется (вспоминается) только в определенных ситуациях. В-третьих, идеи / *мысли*, которые нельзя

² Соотношение компонента *ум* с соматическим кодом культуры зафиксировано в «Большом фразеологическом словаре русского языка» под редакцией В.Н. Телия [2020].

ни увидеть, ни потрогать, живут, в соответствии с представлениями носителей китайского языка, как правило, внутри человека: не только в голове (как и у русскоговорящих), но и в душе (что в гораздо меньшей степени характерно для русской лингвокультуры). Таким образом, китайское выражение так же, как и русский фразеологизм, соотносится с антропным, соматическим и пространственным кодами культуры. Однако, поскольку в китайском языке глаголы со значением ‘зарождаться, появляться, исчезать’ относятся к глаголам со значением существования и процесса, а не со значением действия, в китайском материале не представлен акциональный код культуры. Думается, что, несмотря на различия, понимание данного русского фразеологизма не будет вызывать трудности у носителей китайского языка.

мысль уходит / ушла 1 откуда, куда, от кого.

Идея исчезает (у кого). *Имеется в виду, что пропадает способность размышлять, что в сознании лица, группы лиц (Y) перестает существовать некоторое соображение, суждение, убеждение (X), что замысел или план (X) покидает сознание лица, группы лиц (Y). Х уходит / ушла [откуда; куда; от Y-a]. Реч. стандарт.*

И тогда, прежде чем сказать пошлость, и ведущие программ, и ораторы-популисты, и юмористы-сатирики будут думать. Увы, в последнее время **мысль уходит** с экрана. [А. Веледницкий. Такой секс нам не нужен // Труд—7, 2003.06.28] Наконец **мысли уходят** прочь, и все существо заливает горячая, нервная волна чувства. [А.И. Батюто. Дневник (1942)] Как-то незаметно **ушла мысль**, что никто не виноват в смерти Сергея, в ней постепенно становились виноваты все окружающие. [А.Б. Сальников. Петровы в grippe и вокруг него // «Волга», 2016] Потом все **мысли ушли** от нас, кроме двух: надо во что бы то ни стало переставлять ноги и ни в коем случае нельзя садиться. [В.А. Солоухин. Капля росы (1959)] — Сейчас попьем чайку, — сказала мама, доставая чашки, — и все твои дурные **мысли уйдут**. [(Марго Генер, Волк для Шарлотты, 2019)]

мысль уходит / ушла 2 чья, куда.

Идея развивается. *Имеется в виду, что размышления (X) лица (Y) продолжаются, отдаляясь от исходной темы и проникая дальше и глубже. X [Y-a] уходит / ушла [куда]. Реч. стандарт.*

— А почему вас, русских, так интересуют молдавские сепаратисты?! — его **мысль уходила** все дальше. — Это проблема Молдавии, независимого государства. Позаботьтесь лучше о русских в Австрии, Бельгии! [В. Ворсобиин. Базу НАТО в Румынии строят у деревни Русская слава // Комсомольская правда, 2008.04.04] Много монологов, но есть и диалоги. Некоторые **мысли уходят** вдаль, к неизвестным адресатам. Витают, висят мысли ни о чем <...> Мысли у многих отсутствовали

вообще. [М. Гиголашвили. Экобаба и дикарь (1998–2007) // «Зарубежные записки», 2009] Глаза, по строгому самоконтролю, не закрылись, а лишь слегка прикрылись, однако **мысли ушли** куда-то очень глубоко, и по телу растеклось облегчение. (А.Г.А. Рассказ про белого бычка. <https://www.litmir.me/br/?b=687588&p=3>)³

мысль уходит 3 чья, куда, от чего.

Размышления отклоняются (от темы). *Имеется в виду, что идеи, рассуждения (X) лица (Y) меняют направление, переключаются на другую тему, на другой объект. X [Y-a] уходит [в сторону]. Реч. стандарт.*

Так они беседуют, а директор Данила L между тем бродит рядом за станками, и **мысль** его, под разговоры Q и V, **уходит** в другую сторону: на завод вскоре приезжает комиссия, которая будет проверять, что там с «Золотым шаром», можно ли доверять «Свободе» выпускать новую его модификацию. [К. Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013] А **мысли уходят** далеко-далеко от этих литературных старых разговоров на новые темы... [В.В. Вишневский. Дневники военных лет (1943–1945)] Ее призвание — не провозглашать готовые истины, а расщеплять законченную, ложную целостность, отстаивать свободную **мысль, уходящую** от централизации смысла: здесь имеет место «сопребывание личности со становящимся словом». [В.Е. Хализев. Теория литературы (1999)]

Основной комментарий — см. **мысль приходит / пришла**. Отличием данной ФЕ является отсутствие соматического компонента, выступающего как локус мысли, в связи с чем фразеологизм в целом соотносится с пространственным кодом культуры только благодаря базовой оппозиции «внутри — снаружи».

В ФЕ **мысль** уподобляется живому существу, способному свободно перемещаться в пространстве независимо от воли человека: **мысль**, изначально находящаяся внутри человека, сама по себе покидает его сознание. При этом отдаление, отклонение, исчезновение **мысли** может осмысляться как пересечение границы как между внутренним и внешним мирами, так и между миром «своих» и миром «чужих».

ФЕ в целом отражает стереотипное представление о неподконтрольном человеку движению **мысли**, внутренних рассуждений, размышлений, которые отдаляются от изначальной темы, переключаются на другой объект, меняют направление, исчезают.

Образных аналогов данной русской ФЕ в китайской лингвокультуре нами также не выявлено. Но есть три семантических эквивалента: 1) 想法消失 (букв. 'мысль исчезает') означает 'мысль отсутствует внутри человека'; 2) 想法延伸至 (букв. 'мысль простирается до чего-л.') имеет значение 'человек мысленно продолжает

³ Источники примеров, взятых из нашей картотеки, в отличие от контекстов из Национального корпуса даются в круглых скобках и без указания года создания.

думать о чем-л.'; 3) 想法偏离 (букв. 'мысль отклоняется от чего-л.') значит 'человек начинает думать про другую тему'. Отметим, что все китайские выражения соотносятся с антропным кодом культуры; при этом образным основанием (1) и (3) является метафора, уподобляющая (как и в случае с русской ФЕ) *мысль* живому существу, отличающемуся наличием «воли» и способному самостоятельно перемещаться в пространстве. Отмеченные нами различия между русским и китайским материалом позволяют предположить, что понимание русской единицы китайцами будет несколько затруднено (особенно во втором и третьем случаях: **мысль уходит / ушла 2** и **мысль уходит 3**) В заключение сформулируем основные выводы.

Во всех рассмотренных ФЕ мы обнаружили отражение, во-первых, анимизма — одной из древнейших форм осознания мира (продукт мыслительной деятельности человека осмысливается как живое существо), во-вторых, базовой оппозиции «внутри — снаружи», имеющей архетипический характер.

ФЕ, представленные в настоящей статье, в целом соотносятся с антропным и пространственным кодами культуры. Для глагольных компонентов, входящих в их состав, актуально соотнесение с акциональным кодом. Компоненты *голова* и *ум*, наличествующие в ФЕ с глагольным компонентом *приходить / прийти*, соотносятся также с соматическим кодом культуры.

В образном основании проанализированных ФЕ лежит метафорическое осмысление *мысли* как живого существа, которое свободно перемещается в пространстве, не зависит от человека, его воли и/или желаний, способно проникать в сознание человека и покидать его, пересекая границы как между внутренним пространством человека и внешним миром, так и между миром «своих» и миром «чужих».

Рассмотренные ФЕ отражают стереотипное представление о неподконтрольности *мысли* человеку, о ее свободном передвижении в пространстве, о ее, как правило, неожиданном возникновении в сознании или ее исчезновении.

Проведенный анализ указанных русских ФЕ позволил высказать предположение, что некоторые трудности для китайцев будет представлять фразеологизм **мысль уходит / ушла** (особенно во втором и третьем значениях); ФЕ **мысль приходит / пришла**, несмотря на различия в русской и китайской лингвокультурах, будет в целом понятна носителям китайского языка.

Представляются перспективными дальнейшие лингвокультурологические исследования ФЕ, в том числе содержащих компонент *мысль*, с целью их системного описания, которое, на наш взгляд, не только позволит глубже проникнуть в «культурно-языковую

память фразеологизмов» [Телия, 2020б: 6], но и будет полезным для теории и практики преподавания русского языка (как родного, так и в иноязычной аудитории), а также для изучения межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. 4-е изд. М., 2020. (Фундаментальные словари). 784 с.
2. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977а (1947). С. 140–161.
3. *Виноградов В.В.* Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977б (1946). С. 118–139.
4. *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Виноградов. Избранные труды В.В. Лексикология и лексикография. М., 1977в (1953). С. 162–189.
5. *Кобозева И.М.* Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка: Ментальные действия. Т. 12. М., 1993. С. 95–104.
6. *Красных В.В.* Особенности структуры словаря // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. 4-е изд. М., 2020. С. 767–775.
7. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология: Уч. пособие для филол. специальностей ун-тов. М., 1980. 207 с.
8. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 143 с.
9. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. 4-е изд. М., 2020а. (Фундаментальные словари). С. 776–782.
10. *Телия В.Н.* Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. 4-е изд. М., 2020б (Фундаментальные словари). С. 6–14.
11. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
12. *Федоров А.И.* Сибирская диалектная фразеология. Новосибирск, 1980. 192 с.
13. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка: Учебное пособие. 7-е изд. М., 2015. 274 с.

**ASSOCIATIVE-SHAPED COMPONENT
OF SOME VERBAL PHRASEOLOGICAL UNITS
WITH THE ABSTRACT NAME *THOUGHT***

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper considers a series of phraseological units containing the abstract name *thought*, from the standpoint of the associative-figurative component. The phraseological unit, or phraseologism, is referred to as a unit possessing the properties of stability, reproducibility, and idiomaticity. The paper has analyzed phraseological units with the verbs *come* and *leave*, in which *thought* acts as a subject-actor. The phraseological units in the paper are subjected to linguoculturological analysis and in accordance with the algorithm developed by the Russian researcher Valentina Teliya and the authors of the “Comprehensive Phraseological Dictionary of the Russian language”. The analysis has shown that the phraseological units under consideration contain an image that goes back to animism, reflect the ancient opposition “inside — outside”, and, by and large, correlate with the anthropic and spatial codes of culture. The verbal components embedded in their structure correlate with the actional one, and the substantives *head*, *mind*, which are an optional component of the phraseological units with the somatic code of culture. The figurative basis of the analyzed phraseological units is a metaphor that likens *thought* to a living being which freely moves in space, independently of a human, and can cross the boundaries both between the outer world and the inner space of a person, and between the world of “ours” and the world of “aliens”. The phraseological units presented in the article reflect the stereotypical idea about the uncontrollability of *thought* to a person, about its free movement in space, about its, as a rule, unexpected penetration into consciousness or its disappearance. Contrasting Russian phraseological units to their Chinese “counterparts” has made it possible to suggest that the level of difficulty of their understanding by native Chinese speakers will be different. Further systemic linguoculturological study and description of similar units appears promising from both theoretical and practical points of view.

Key words: phraseological unit; *thought*; linguoculturological analysis; form of awareness of the world; culture code; stereotyped representation.

About the authors: *Victoria Krasnykh* — Prof. Dr., the Department of Discourse and Communication Studies, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: victoryvk@gmail.com); *Lu Ziyi* — PhD Student, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Senior Lecturer, Heilongjiang International University (e-mail: 24956006@qq.com).

References

1. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij. [The Large Phraseological Dictionary

- of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural commentary] *Otv. red. V.N. Teliya*. 4-e izd. Moscow: AST-PRESS, 2020 (Fundamental dictionaries). 784 p. (In Russ.)
2. Vinogradov V.V. Ob osnovnyh tipah frazeologicheskikh edinic v russkom jazyke [On the basic types of phraseological units in the Russian language] *In: V.V. Vinogradov. Izbranny'e trudy'. Leksikologiya i leksikografiya*. Moscow: Nauka, 1977a (1947). S. 140–161. (In Russ.)
 3. Vinogradov V.V. (1946). Osnovnye ponjatija russkoj frazeologii kak lingvističeskoj discipliny [Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline] *In: V.V. Vinogradov. Izbranny'e trudy'. Leksikologiya i leksikografiya*. Moscow: Nauka, 1977b (1946), pp. 118–139. (In Russ.)
 4. Vinogradov V.V. Osnovnye tipy leksičeskikh znachenij slova [Basic type of lexical meanings of a word] *In: V.V. Vinogradov. Izbranny'e trudy'. Leksikologiya i leksikografiya*. Moscow: Nauka, 1977b (1953), pp. 162–189. (In Russ.)
 5. Kobozeva I.M. *Mysl' i ideya na fone kategorizacii mental'nyh imen* [Thought and idea against the background of categorization of mental names] *In: Logičeskij analiz jazyka: Mental'nye dejstviya*. T. 12. M.: Nauka, 1993, pp. 95–104. (In Russ.)
 6. Krasnykh V.V. Osobennosti struktury slovarja [Features of the structure of the dictionary] *In: Bol'shoj frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologičeskij kommentarij. Otv. red. V.N. Teliya*. 4-e izd. Moscow: AST-PRESS, 2020, pp. 767–775. (In Russ.)
 7. Mokienko V.M. Slavjanskaja frazeologija: Uč. posobie dlja filol. special'nostej un-tov. Moscow: Vysshaja škola, 1980. 207 p. (In Russ.)
 8. Telya V.N. *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic* [The connotative aspects of the semantics of nominative units]. Moscow: Nauka, 1986. 143 p. (In Russ.)
 9. Telya V.N. Posleslovie. Zamysel, celi i zadachi frazeologičeskogo slovarja novogo tipa [Afterword. Concept, goals and objectives of a phraseological dictionary of a new type]. *In: Bol'shoj frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologičeskij kommentarij. Otv. red. V.N. Teliya*. 4-e izd. Moscow: AST-PRESS, 2020a, pp. 776–782. (In Russ.)
 10. Telya V.N. Predislovie [Foreword]. *In: Bol'shoj frazeologičeskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologičeskij kommentarij. Otv. red. V.N. Teliya*. 4-e izd. Moscow: AST-PRESS, 2020b, pp. 6–14. (In Russ.)
 11. Teliya V.N. Russkaja frazeologija: Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turologičeskij aspekty. [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects] M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 288 p. (in Russ.)
 12. Fedorov A.I. *Sibirskaja dialektnaja frazeologija*. [Siberian dialect phraseology] Novosibirsk: Nauka; Sib. Ont-nie, 1980. 192 p. (In Russ.)
 13. Shanskij N.M. *Frazeologija sovremennogo russkogo jazyka* [Phraseology of the modern Russian language]: Uč. posobie. Izd. 7-e. M.: LENAND, 2015. 274 p. (In Russ.)

О.А. Ксензенко, Е.О. Менджерицкая

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСФЕРЫ

*Федеральное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена изучению функционирования современной медиасферы. Особое внимание в исследовании уделяется особенностям использования и функционирования языковых единиц в медиaprостранстве, а также методике анализа этих особенностей. В качестве объекта научного исследования коммуникативное взаимодействие в медиасфере трактуется как многоаспектное явление. В задачи исследования входит определение дискурсивных признаков современных медиатекстов, описание лингвистических способов подачи информации и их анализ с точки зрения когнитивно-дискурсивного подхода. Работа нацелена также на выявление коммуникативных особенностей современного медиадискурса. Исследование позволило выделить ряд онтологических характеристик медиасферы, продемонстрировало ее динамический характер и неразрывную взаимосвязь с социумом. В работе была доказана важность учета выявленных факторов в плане обеспечения теоретической достоверности и практической ценности изучения особенностей функционирования языка в данной сфере. Проведенное исследование позволило прийти к выводу о методологической важности применения лингвокогнитивного и лингвостилистического подходов к анализу коммуникативных процессов в сфере медиа, а также выделить некоторые наиболее актуальные векторы изучения лингвистических особенностей медиасферы. Анализ показал, что перераспределение ядерных и периферийных маркеров акцентуации информации в качественной и популярной прессе позволяет говорить о дискурсе разных типов печатных изданий. Практическим результатом исследования стала разработка учебного курса и публикация учебного пособия “Language and the Media”.

Ключевые слова: современная медиасфера; дискурс; языковые единицы; лингвокогнитивный подход; лингвостилистический анализ; практический курс “Language and the Media”.

Ксензенко Оксана Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: kseniaksen@mail.ru).

Менджерицкая Елена Олеговна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: discourse@mail.ru).

В контексте современных тенденций развития когнитивной лингвистики в фокусе исследовательского внимания все чаще оказываются лингвокогнитивные особенности медиасферы. Как мы знаем, медиасфера весьма динамична и неоднородна, поэтому оправдано наличие многочисленных и разнообразных определений этого понятия. Проведенные исследования [Менджерицкая, 2017; Ксензенко, 2011] позволили предложить следующее определение медиасферы: медиасфера — это среда, в которой не просто распространяется информация и осуществляется коммуникация, но благодаря новым техническим изобретениям и возможностям меняется сама парадигма подачи и восприятия новостей, а также способы взаимодействия участников этого процесса¹. Сейчас уже стоит скорее вести речь об обмене информацией, а не о ее распространении, так как интерактивность становится ключевым понятием этого процесса. Катализатором указанных изменений послужили обстоятельства экстремального характера (пандемия), которые внесли существенную корректировку в формат профессионального, делового и публичного взаимодействия, увеличили степень востребованности электронных медиа и стимулировали возникновение новых тенденций в медиасфере.

Методологической основой исследования являются труды по теории медиалингвистики, социальной и массовой коммуникации, по лингвистике текста и лингвистической стилистике [Вартанова, 2018; Добросклонская, 2020; От теории журналистики к теории медиа, 2019]. Существенный сегмент теоретической платформы сформирован научными произведениями по лексикологии, теории синтаксиса. Кроме того, обеспечение теоретической достоверности исследования потребовало рассмотрения положений дискурсологии и когнитивной лингвистики.

Тактически оправданным является представление в рамках данной публикации результата проведенного анализа, показывающего основные выводы, касающиеся соотносимого с текущим положением дел толкования некоторых теоретически значимых понятий. Проанализируем отрывок из статьи “Mass Media” англо-русского толкового словаря концепций и терминов «Коммуникативистика и средства информации» Л.М. Земляновой («К современным масс медиа коммуникативисты относят — прессу (газеты, журналы, книги), радио, телевидение, кинематограф, звукозаписи и видео-записи различных текстов, а также различные формы новейших

¹ Определение разработано в рамках семинара Е.О. Менджерицкой “Mass Media Discourse”.

телекомпьютерных систем и мультимедийных устройств, ибо всем им присущи объединяющие их качества (обращенность к массовой аудитории, относительная доступность множеству людей, корпоративный характер производства и распространения предназначенной им информации). Опора на эту атрибутику позволяет определять СМИ как форму социального взаимодействия посредством информационных сообщений» [Землянова, 2004: 197]). Утверждение о корпоративном характере производства и распространения информации сразу вызовет сомнение, так как современные социальные медиа как раз часто демонстрируют индивидуальный подход к порождению информационного контента. Автор просто не могла это предвидеть, так как Facebook появился в 2005 г., Twitter в 2006, Instagram в 2010, а ведь именно эти социальные сети и мессенджеры сейчас являются лидерами в области общения и распространения информации.

Изучая современные печатные СМИ, исследователи задаются вопросом: а не являются ли они «уходящей натурой»? Ведь стремительность и сама логика развития электронной коммуникации заставляют задуматься о судьбе бумажных носителей. Как печатной продукции удастся выживать в этих условиях? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассматривать печатные средства массовой информации в контексте самых актуальных подходов в науке, а именно когнитивного направления, что предполагает не только осознанный взгляд на производство и подачу информации, а также передачу эмоций, но и анализ языковых средств, применяемых для этих целей. И здесь на помощь приходит когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике с ее представлением о дискурсе как процессе передачи некоего посыла от его «производителя» получателю с помощью различных средств воздействия в рамках определенного экстралингвистического контекста.

Проведенный анализ состава современных СМИ и их функционально-стилистических, лингвокогнитивных и коммуникативных характеристик позволил утверждать, что, во-первых, печатные СМИ на бумажных носителях все еще играют существенную роль в распространении информации; во-вторых, печатные СМИ приобретают новые лингвокогнитивные характеристики, которые требуют изучения и систематизации; в-третьих, появление новых каналов массового коммуникативного взаимодействия (в ряду которых можно упомянуть, например, Telegram, Instagram, TikTok) влияет на нормы языкового и социального взаимодействия, что нуждается в пристальном внимании специалистов.

Существенным результатом наблюдения за тенденциями развития медиасферы является также вывод об изменении соотношения однонаправленного и двунаправленного видов коммуникативного взаимодействия в медиапространстве: все более доминирующей оказывается двунаправленная коммуникация (даже в таких сегментах медиапространства, как реклама и продвижение, которые традиционно активно использовали однонаправленность коммуникативного взаимодействия с целевой аудиторией). Это, в свою очередь, определяет необходимость уточнения особенностей применения лингвокогнитивных и психолингвистических методов исследования при изучении медиадискурса (см., например: [Ксензенко, 2018]).

Для обеспечения достоверности исследования анализ СМИ опирается на их типологию. В работе были рассмотрены вариативные характеристики печатных и электронных СМИ.

Самыми контрастными типами печатных СМИ следует считать так называемую качественную прессу и популярную прессу. В популярной прессе есть смысл выделять таблоиды и гляцевые журналы [Менджерицкая, 2006]. Именно эти типы прессы чаще всего рассматриваются как наиболее интересные с точки зрения стратегий выживания в условиях борьбы за читателя.

Так, анализ качественной прессы позволяет говорить о дискурсе этого типа изданий с точки зрения передачи когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через посредство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации [Менджерицкая, 2006: 55].

Если считать, что качественная пресса призвана только информировать читателя о тех или иных фактах и событиях, то невозможно объяснить то распределение маркеров дискурса, которое мы наблюдаем. Здесь можно говорить, что ядерными маркерами акцентуации информации являются следующие: отбор информационно значимых материалов для первой страницы; в основном информирующий характер заголовков; логичность организации текста; аналитизм текста; использование когнитивных метафор; языковая игра как способ обыгрывания стереотипов общественного сознания и создания интеллектуально значимых аллюзий; использование средств когнитивного синтаксиса для создания сложного дискурса. В ряд же периферийных маркеров акцентуации информации в качественной прессе часто попадают визуальные средства привлечения внимания читателя.

Если же считать, что из трех системообразующих факторов массово-информационного дискурса — информирование, воздей-

ствие, развлечение — в качественной прессе присутствуют все три, то это может стать причиной перехода маркеров из одной категории в другую. Но языковая игра и наличие иронии в качестве модальности текстов качественных изданий, выступающие как ядерные маркеры акцентуации информации, показывают, что не только воздействие, но и развлечение уже прочно обосновались в этом типе печатных СМИ.

В качестве примера приведем начало редакционной статьи одного из самых авторитетных британских изданий *The Economist*:

STREET OF SHAME

A full judicial inquiry is needed immediately to clean up British journalism

Not for nothing is it known as the gutter press. The allegations that the *News of the World*, Britain's biggest Sunday newspaper, broke into the voice-mail of a murdered teenage girl, is a stain on the newspaper and on News International, its owner. But the stench is much more widespread. As new allegations of lawbreaking surface, journalism itself is reeking. So are Britain's politicians and especially its police.

Britain has long had a scrappy press. A brutally competitive newspaper market encourages screaming headlines and intrusive tittle-tattle. In France a politician's peccadillos may be kept quiet for years. In Britain they are splashed across the front pages. Britons know their papers are rude, excessive and unreliable. But they want them to draw blood from politicians and misbehaving celebrities. (*The Economist*)

Если же рассматривать таблоиды, то в первую очередь стоит обратить внимание на то, что они, в отличие от качественной прессы, призваны прежде всего развлекать читателя. Поскольку в таблоидах превалируют воздействие и развлечение, а информирование присутствует в лучшем случае в виде «инфотейнмента», то это может объяснить переход маркеров из одной категории в другую и их часто диаметрально противоположное расположение по сравнению с системой, наблюдаемой в качественной прессе. Здесь во главу угла ставятся отбор эмоционально воздействующей информации для конкретного издания, использование различных форм и размеров шрифтов, специальных знаков, для обращения внимания читателя на ту или иную часть текста и другие визуальные средства привлечения внимания, часто минимизирующие собственно размер текста, а используемые языковые средства (например, членение текста на экстремально маленькие абзацы или примитивные аллюзии) часто свидетельствует о неспособности массовой аудитории, к которой обращены эти издания, воспринимать более сложные построения

и способы языковой игры. Даже если предмет кажется серьезным и заслуживающим внимания, его обсуждение оставляет впечатление «упрощенности» как в смысловом, так и в лингвистическом аспекте, как в данном случае в заключительной части статьи из британского таблоида *Daily Mail*.

'VOLUNTARY UNIFORM' MAY BE AN OXYMORON

Once again, law prevents schools from making needed changes

Once again, a teacher or administrator wants to be innovative to motivate children to want to attend school and succeed.

Once again, state law ties that teacher or administrator in knots.

A good idea has become a ridiculous voluntary-mandatory-uniform program that is doomed to failure. Anything that might improve a school is hampered by a bureaucracy that wants no change, just more money.

The Japanese have a saying that means the nail that sticks out is hammered down.

So it is with education in West Virginia. (*Daily Mail*)

Что касается разных типов глянцевого изданий, можно отметить специфику и их дискурса. Обращаясь к достаточно широкой аудитории, эти издания располагаются прежде всего по осям качественные / популярные и мужские/женские, определяя тем самым круг своих читателей. Даже при использовании стандартных типов статей, таких как, например, письмо редактора, журналы четко показывают профиль своей целевой аудитории.

Среди маркеров представления дискурса на первый план выходят средства визуального воздействия, а также авторская журналистика (наличие всевозможных колонок, постоянных рубрик). Использование стереотипов общественного сознания является также существенным элементом построения дискурса глянцевых журналов. Но в случае популярных изданий эти стереотипы лишь эксплуатируются, а в качественных журналах они обыгрываются, высмеиваются и иногда разрушаются.

Что касается маркеров акцентуации информации в глянце, то центральное место здесь занимают отбор эстетически воздействующих материалов для обложки, в основном игровой характер заголовков, многообразие языковых приемов (аллитерация, намеренное столкновение лексических единиц различной стилистической окрашенности, синтаксический параллелизм и т.д.) как способ реализации соответствующей модальности текстов. Эти издания славятся навязыванием некоего образа жизни и достаточно примитивных стереотипов поведения с ним связанных. Часто информация

подается в форме директивных рекомендаций, как в примере начала статьи из журнала *Cosmopolitan*.

HOW TO GET ANY MAN UNDER THE MISTLETOE

Whether you're looking to flirt, fondle or even fall in love this Christmas, here's *Cosmo's* essential meet-and-greet guide to making that man melt...

There he stands, drinking mulled wine, smelling of cinnamon, twinkling like tinsel by the light of the tree. You catch his eye. Now, there's only one thing that hangs between you — a single sprig of mistletoe. Hallelujah! There is no better time of year to find a mate: so many invites, so many parties, so much goodwill to so many men... And no better excuse for a kiss.

You know now is the time to make a move — but what move do you make? Not all men go for the same bait. Time to tinker with your technique. Size him up. Suss him out. The perfect man calls for the perfect approach. Some advice: we know it's tempting, but don't sing *I'm Every-Woman*. Instead, follow *Cosmo's* let's-get-merry guide to making *any* man melt under the mistletoe... (*Cosmopolitan*)

В качестве доминирующих тенденций развития медиасферы следует отметить динамичность смены каналов массового информационного взаимодействия, возрастающую роль социальных сетей и электронных СМИ, доступность использования СМИ в качестве информационного канала для все большего количества пользователей, не являющихся профессиональными журналистами. Последнее обстоятельство обуславливает высокое разнообразие субъектов коммуникативного взаимодействия (которое неизбежно влечет высокую степень вариативности реализации коммуникативных схем). В качестве яркого примера подобной вариативности можно привести сеть Instagram, в которой наблюдается высокая степень диффузности межличностного, публичного и массового типов коммуникативного взаимодействия. Так, например, при общении с массовой анонимной аудиторией авторы блогов используют стратегии личностного общения (общения «по душам»), письменный текст приобретает звучание затранскрибированной устной речи.

Анализ литературы вопроса и изучение актуальных тенденций функционирования текстов в медиапространстве позволили выделить ряд особенностей современных медиа. Данные особенности касаются как основополагающих аспектов функционирования медиа (формата подачи материала, темпа информационного обмена, характера взаимодействия различных СМИ и статуса некоторых из них), так и стилистических нюансов (в частности, структурных, лексических, синтаксических аспектов построения медиатекстов).

Более того, наблюдающееся в настоящий момент динамичное развитие социальных сетей изменило и характер журналистики как сферы профессиональной деятельности (в которой все более просторную нишу занимают блогеры), и как результата этой деятельности (все больше появляется новых жанров, все более раскованным становится обращение со стилистическими нормами).

Логичным следствием данного вывода является утверждение о неизменной востребованности и возрастающей дискуссионности работ, посвященных изучению современного медиатекста. При этом следует подчеркнуть как важность развития теоретической медиалингвистики, так и необходимость учета практической применимости исследований в данной сфере. Перспектива развития данного вектора медиалингвистики видится, в частности, в разработке учебных курсов, учебно-методических и учебных пособий для будущих специалистов в сфере медиалингвистики и журналистики. В ряду существенных факторов, необходимых для обеспечения научно-методической надежности и практической ценности подобных дидактических разработок, — опора на методологические принципы преподавания языка для специальных целей, учет особенностей применения данных принципов в контексте инновационных коммуникативных условий и имплементация новых методических приемов [Александрова, 2020; Липгарт, 2018; Nazarenko, Brinkvirt, Boikova, 2017; Nazarova, 2020].

С учетом важности практической реализации исследовательских результатов и с опорой на изложенные методологические принципы было разработано учебное пособие “Language and the Media” [Менд-жерицкая, Ксензенко, Скаунова, 2020], которое является результатом коллаборации ученых трех факультетов (филологического факультета, факультета иностранных языков и регионоведения и Высшей школы телевидения) и результатом развития единой школы исследований Московского университета.

Список литературы

1. Александрова О.В. Становление терминологического аппарата в новом подходе к изучению языка // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3. С. 25–30.
2. Вартанова Е.Л. Меняющаяся российская медиаиндустрия: теоретические подходы // Вестн. Санкт-Петербургск. ун-та. Язык и литература. 2018. № 15 (2). С. 186–196.
3. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: актуальные направления изучения медиаречи // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 4. С. 22–33.

4. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации. Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М., 2004.
5. Ксензенко О.А. Лингвистические основы рекламной коммуникации. М., 2011.
6. Ксензенко О.А. Тенденции развития и вопросы методологии современного лингвистического рекламоведения // Медиалингвистика. СПб., 2018. Т. 5. № 4. URL: <https://medialing.ru/tendencii-razvitiya-i-voprosy-metodologii-sovremennogo-lingvisticheskogo-reklamovedeniya/>
7. Лунгарт А.А. Книга "What is the English We Use?" О.С. Ахмановой и Р.Ф. Идзелеса и концептуальная система функциональной стилистики // Сборник «Ахмановские чтения—2017». М., 2018. С. 81—83.
8. Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник / Под ред. Л.Р. Дускаевой. М., 2018.
9. Менджеричкая Е.О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 50—55.
10. Менджеричкая Е.О. Дискурсофера печатных СМИ: игра на выживание. М., 2017.
11. Менджеричкая Е.О., Ксензенко О.А., Скакунова В.А. Language and the Media: Учебное пособие по языку современных англоязычных СМИ. М., 2020.
12. От теории журналистики к теории медиа. Динамика медиаисследований в современной России: Колл. монография / Под ред. Е.Л. Варпановой. М., 2019.
13. Nazarenko A.L., Brinkvirt A.T., Boikova N.V. Connecting cultures, languages and students through teletandem: building bridges to enhance learning and understanding // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 9—18.
14. Nazarova T.B. Teaching Business English (TBE) and Business Fiction: Methodology and Material // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS). Серия TILTM. 2020. Т. 97. С. 17—25.

Oksana Ksenzenko, Elena Mendzheritskaya

CONTEMPORARY MEDIA SPHERE FROM A LINGUOCOGNITIVE VIEWPOINT

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article highlights the state of the art in the contemporary media sphere. Special attention is paid to the use and functioning of language units in the media, as well as to the methodology of their analysis. Communicative interaction in the media is viewed as a multidimensional phenomenon. The objectives of the research include defining discursive features of modern media texts, outlining

communicative features of modern media discourse, and describing linguistic ways of presenting information and their analysis in terms of cognitive-discursive approach. The research has revealed some ontological characteristics of the media sphere, its dynamic character, and its indissoluble connection with social life. The contribution has demonstrated the importance of understanding these factors to provide theoretical reliability and practical value of media language studies. The analysis has proven methodological capability of linguocognitive and linguostylistic studies of the media and has outlined some most promising avenues for media language research. It has shown that the drift of nuclear markers of information accentuation to periphery and vice versa gives an opportunity to distinguish discourses of different types of print media. The research has resulted in the development of the practical course and publication of the textbook “Language and the Media”.

Key words: contemporary media sphere; discourse; language units; linguocognitive approach; linguostylistic analysis; practical course “Language and the Media”.

About the authors: *Oksana Ksenzenko* — PhD, Associate Professor, Foreign Languages Teaching Theory Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: kseniaksen@mail.ru); *Elena Mendzheritskaya* — PhD, Associate Professor, English Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: discourse@mail.ru).

References

1. *Aleksandrova O.V.* Stanovleniye terminologicheskogo apparata v novom podkhode k izucheniyu yazyka. [Terminological Apparatus Development in the New Approach to the Study of Language] *Cognitive Studies of Language*. 2020. № 3, pp. 25–30.
2. *Vartanova E.L.* Menyayushayasya rossiyskaya mediaindustriya: teoreticheskiye podkhody [Changing Russian Mediaindustry: Theoretical Approaches] *Vestn. St. Petersburg. un-ta. Language and literature*. 2018. № 15 (2), pp. 186–196.
3. *Dobrosklonskaya T.G.* Medialingvistika: aktualnye napravleniya izucheniya mediarechi. [Medialinguistics: Modern Tendencies in Mediaspeech Studies] *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Cross-cultural Communication*. 2020. № 4, pp. 22–33.
4. *Zemlyanova L.M.* Kommunikativistika i sredstva informatsii. Anglo-russkiy slovar kontseptsii i terminov. [Communication Studies and Information Media. English-Russian Dictionary of Concepts and Terms] M., 2004.
5. *Ksenzenko O.A.* Lingvisticheskie osnovy reklamnoy kommunikatsii [Linguistic Essentials of Advertising Communication] M.: Publishing House MBA, 2011.
6. *Ksenzenko O.A.* Tendentsii razvitiya i voprosy metodologii sovremennogo lingvisticheskogo reklamovedeniya. [Linguistic Advertology Today: Trends of Development and Methodological Issues] *Medialinguistics. Higher School of Journalistics and Mass Communications, Saint-Petersburg*, 2018. T. 5. № 4.

URL: <https://medialing.ru/tendencii-razvitiya-i-voprosy-metodologii-sovremennogo-lingvisticheskogo-reklamovedeniya/>

7. *Lipgart A.A.* Kniga “What is the English We Use?” O.S. Akhmanovoy i R.F. Idzelisa i kontseptualnaya sistema funktsionalnoy stilistiki. [The Book “What is the English We Use?” by Akhmanova O.S. and Idzelis R.F. and Conceptual System of Functional Stylistics] *Akhmanovskiye chteniya-2017*. M., 2018, pp. 81–83.
8. Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: slovar-spravochnik ed. Duskayeva L.R. [Medialinguistics in Terms and Concepts: Reference Book] M., 2018.
9. *Mendzheritskaya E.O.* Termin “diskours” i tipologiya mediadiskoursa. [The Term “Discourse” and Mediadiscourse Typology] *Moscow University Bulletin. Series 10: Journalism*. 2006. № 2, pp. 50–55.
10. *Mendzheritskaya E.O.* Diskursosfera pechatnykh SMI: igra na vyzhivaniye. [Discourse-Sphere of Print Media: Survival Game] M., 2017.
11. *Mendzheritskaya E.O., Ksenzenko O.A., Skakunova V.A.* Language and the Media: Uchebnoye posobiye po yazyku sovremennykh angloyazychnykh SMI. [Language and the Media: Textbook] M., 2020.
12. Ot teorii zhurnalistiki k teorii media. Dinamika mediaissledovaniy v sovremennoy Rossii: koll. monogr. [From Journalism Theory to Media Theory. Media Studies Dynamics in Modern Russia: Collective Monograph] Ed. E.L. Vartanova. M., 2019.
13. *Nazarenko A.L., Brinkvirt A.T., Boikova N.V.* Connecting cultures, languages and students through teletandem: building bridges to enhance learning and understanding. *Moscow University Bulletin. Series 19: Linguistics and Cross-cultural Communication*. 2017. № 2, pp. 9–18.
14. *Nazarova T.B.* Teaching Business English (TBE) and Business Fiction: Methodology and Material. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences (EpSBS)*. Series TILTM. 2020. Vol. 97, pp. 17–25.

О.А. Новичкова

**«ПОКА ТОЛСТЫЙ СОХНЕТ...»:
О ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛА ἰσχυαίνειν
В ТРАКТАТЕ ГАЛЕНА «ГИГИЕНА»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В трактате «Гигиена» Гален описывает воздействие различных способов укрепления здоровья на организм. Это воздействие передается на первый взгляд синонимичными глаголами. Например, при описании свойств массажа в одном семантическом поле с глаголом ἰσχυαίνειν находятся глаголы μινύθειν, τήθειν, λεπτύνειν, κενόειν, διαφορεῖν. При анализе других медицинских контекстов очевидно, что глаголы отличаются, но, к сожалению, классические словари не передают всей широты значений медицинской лексики. Понимание этих различий поможет подобрать более точный русский эквивалент глаголу при переводе. Данная статья представляет собой опыт рассмотрения глагола ἰσχυαίνειν, которым Гален описывает особое свойство массажа, с целью нахождения более точной интерпретации этого глагола, отделив его значение от значения других синонимичных глаголов. В статье рассмотрена предшествующая и последующая традиции использования глагола ἰσχυαίνειν другими медицинскими авторами с III в. до н.э. по VII в. н.э. На основе проведенной работы выявлено, что в контексте трактата «Гигиена» глаголом ἰσχυαίνειν обозначается лимфодренажное свойство массажа и что наиболее подходящий перевод для ἰσχυαίνειν — «избавить от лишней влаги».

Ключевые слова: ἰσχυαίνειν; лексика Галена; древнегреческая медицинская терминология.

В медицинской традиции до Галена глагол ἰσχυαίνειν преимущественно встречается в корпусе Гиппократов. Гиппократ использует этот глагол в следующих значениях: «подсушивать» (в смысле «сгонять вес»), «снимать отек», «лишать питания», в медиальном залоге «подсыхать» (о ранах).

«Подсушивать» тело по Гиппократу может даже сон. Например, сон на голодный желудок или сон на твердой постели: Ὑπνοὶ δὲ

Новичкова Ольга Алексеевна — аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: 79636837457@yandex.ru).

νηστικὴν μὲν ἰσχυαίνουσι καὶ ψύχουσιν (Hr. Diet. II 60. 1) — «Сон на голодный желудок подсушивает (тело) и охлаждает»; καὶ σκληροκοιτίησι καὶ νυκτοβατίησι καὶ νυκτοδρομίησι χρέεσθαι ξυμφέρει πάντα γὰρ ταῦτα ἰσχυαίνει καὶ θερμαίνει (Ibid. III 68. 28) — «полезно использовать сон на жесткой постели, ходьбу и бег в ночное время, так как все это подсушивает и разогревает».

Относительно режима питания Гиппократ пишет, что «подсушивать» может теплая питьевая вода, питание один раз в день и некоторые виды пищи: Ὑδωρ πόμα θερμὸν ἰσχυαίνει, ὡσαύτως δὲ καὶ ψυχρόν (Diet. 60. 14) — «Вода в виде теплого питья подсушивает, равным образом и в холодном виде»; Μονοσιτίη ἰσχυαίνει καὶ ξηραίνει¹ καὶ τὴν κοιλίην ἴσθησι, διότι τῷ τῆς ψυχῆς θερμῷ τὸ ὑγρὸν ἐκ τῆς κοιλίης καὶ τῆς σαρκὸς καταναλίσχεται (Ibid. II 60. 10) — «Питание один раз в день подсушивает, иссушает, и останавливает работу кишечника, поскольку влага из кишечника и тканей используется теплом души»; Οἱ τάριχοι ξηραίνουσι καὶ ἰσχυαίνουσι — «вяленая рыба иссушает и подсушивает» (Ibid. II 48. 23).

Кроме того, «подсушиванию» способствуют горячие ванны: Τὰ δὲ θερμὰ λουτρά νηστικὴν μὲν ἰσχυαίνει καὶ ψύχει (Ibid. II 57. 4) «Горячие ванны на голодный желудок подсушивают и охлаждают»².

«Сушке» могут также способствовать некоторые упражнения. Например, ходьба по утрам или после упражнений, двойной бег, верховая езда и борьба в стойке³. οἱ ὀρθριοὶ περίπατοι

¹ Наряду с ἰσχυαίνειν Гиппократ часто использует глагол ξηραίνειν. Этимологически эти глаголы имеют некоторые различия. Глагол ἰσχυαίνειν связан с глаголом ἴσχω «сдерживать», а также с корнями, которые обозначают сухость: hisku- (санскрит), sese (древнеирландский), si-sk-u- (о-) (индоевропейский) (Beekes, 2010: 603). Глагол ξηραίνειν происходит от прилагательного ξηρός — «сухой», которое связывают с латинским serenus — «светлый, ясный» и с санскритским корнем ksara — «горящий, острый» и глаголом ksayati — «гореть». Итак, глагол ἰσχυαίνειν обозначает сухость в результате недостатка питания (как лишение влаги), а ξηραίνειν сухость в результате воздействия высоких температур (как сжигание калорий). Например, Диоскорид использует ἰσχυαίνειν, чтобы описать воздействие лекарственного средства на организм (см. далее в статье Dioscor. Mat. med. III, 8, 2), а ξηραίνειν, чтобы обозначить процесс приготовления лекарственного растения: δεῖ δὲ καὶ ξηραίνειν αὐτὰ μίσγοντα ἀλεύρω καὶ ποιοῦντα τροχίσκους ἀποτιθέναι, ἐπὶ δὲ τῆς χρείας ὅξει ἀναλύνειν — «нужно сушить его, смешав с мукой, и, сделав шарики, отложить, перед применением разбавить уксусом» (Dioscor. Eur. I. 233. 2. 5).

² Здесь речь идет о преобладании холода в теле человека после горячей ванны. Согласно гуморальной теории, тело человека обладало четырьмя качествами — сухостью, влажностью, теплом и холодом в определенной пропорции, которую врач должен был сохранить (Osborn D. Greek medicine, 2007–2015. URL: <http://www.greekmedicine.net/pathology/Dystempers.html>).

³ Борьба в стойке имела особые приемы и захваты, которыми не обладала борьба в партере (Янзина Э.В., Корнеев О.В. 2016: 831–849).

ίσχναίνουσι, καὶ τὰ περὶ τὴν κεφαλὴν κοῦφά τε καὶ εὐαγέα καὶ εὐήκοα παρασκευάζουσι, καὶ τὴν κοιλίην λύουσιν (Ibid. II 62. 13) — «Прогулки рано утром подсушивают и способствуют хорошему слуху, легкости и ясности в голове, а также освобождают кишечник»; Οἱ δὲ ἀπὸ τῶν γυμνασίων περίπατοι καθαρὰ τὰ σώματα παρασκευάζουσι, καὶ ίσχναίνουσιν (Ibid. II 62. 25) — «Ходьба после упражнений способствует чистоте тела и подсушивает»; Οἱ δὲ δίαιλοι καὶ ὑπὲρριοι ἵπποι τὴν μὲν σάρκα ἥσσον διαχέουσιν, ίσχναίνουσι δὲ μᾶλλον, (Ibid. II 63. 12) — «Двойной бег и верховая езда хуже смягчают ткани, но больше подсушивают»; Ἀκροχειρὴ ίσχναίνει (Ibid. II 64. 13) — «Борьба в стойке подсушивает».

«Сушить» может вызывать рвоты: Ἔμετοι ίσχναίνουσι (Ibid. II 59. 1) — «Вызывание рвоты подсушивает».

«Ссыхаться» тело может в результате болезни. Например, описывая болезни женщин, Гиппократ использует приставочный вариант этого глагола ξυνίσχναίνειν в том же значении, но с оттенком уменьшения в объеме: οἱ μαζοὶ ξυνίσχναίνονται καὶ τὸ γάλα οὐ φαίνεται (Hr. De mulier. affect. I 27. 3) — «Грудь ссыхается и не появляется молоко».

Гиппократ также использует ίσχναίνειν в значении «снятие отека» в контексте лечения болезней суставов и переломов: Τὸν δὲ ίσχνασμὸν τοῦ σώματος οὕτω ποιέεσθαι, ὁκοίην τινὰ δύναμιν ἔχει καὶ τὸ ὀλισθημαῖ· τὰ μὲν γὰρ σμικρὸν, τὰ δὲ μέγα ὀλισθάνει. Τὸ ἐπίπαν δὲ ίσχναίνειν μᾶλλον καὶ ἐπὶ πλείω χρόνον χρὴ ἐν τοῖσι κατὰ τὰ σκέλεα τρώμασιν, ἢ ἐν τοῖσι κατὰ τὰς χεῖρας· καὶ γὰρ μέζω καὶ παχύτερα ταῦτα ἐκείνων (Hr. Fract. 14. 18) — «Противоотечное лечение нужно выполнять соразмерно силе вывиха, ведь одни суставы выпадают из сочленения чуть-чуть, а другие сильно. А всю [конечность] нужно избавлять от отека при травмах ног больше и дольше, чем при травмах рук. Ведь ноги крупнее и толще, чем руки»⁴. (Ibid. 21. 5) (Hr. Art. 79. 10) (Ibid. 81. 1) (Hr. Aphor. V 25. 3)

Иногда Гиппократ использует глагол ίσχναίνειν в значении «лишать питания»: Ἰσχναίνειν δὲ χρὴ τὸ σῶμα ἄχρι ἡμερέων δέκα, ἔπειτα ἀνατρέφειν μὴ βραδέως· ἦν γὰρ ἐν τῇσι πρώτῃσιν ἡμέρῃσι μὴ φλεγμῇν, ἐν εἵκοσιν ἡμέρῃσιν ἢ γνάθος κρατύνεται· ταχέως γὰρ ἐπιπυρροῦται, ὥσπερ καὶ τὰ ἄλλα τὰ ἀραιὰ ὁστέα, ἦν μὴ ἐπισφακελίσῃ (Hr. Art. 33. 28) — «Нужно, чтобы тело было лишено пищи до десяти дней, а затем [его нужно] немедленно обеспечить питанием. Если в первые дни нижняя челюсть не будет подвергаться воспалению, на двадцатый день она окрепнет. Она быстро становится жестче, как и остальные пористые кости, если не появится гангрена»⁵.

⁴ См. также Hr. Fract. 21. 5; Art. 79. 10; Ibid. 81. 1; Aphor. V 25. 3.

⁵ См. еще Hr. Art. 40. 12; Ibid. 50. 29.

Глагол ἰσχναίνειν при описании ран используется Гиппократом в медиальном залоге в значении «подсыхать», например: Καὶ ἀπὸ τῶν πεπαλαιωμένων ἐλκῶν ξυμφέρει αἷμα ποιεῖν ἀπορρέειν πυκνὰ, ὥπως ἂν δοκῇ καιρὸς εἶναι, καὶ ἀπ' αὐτῶν τῶν ἐλκῶν καὶ τῶν περιεχόντων τὸ ἔλκος, ἄλλως τε καὶ ἥν ἐν κνήμῃ ἔη τὸ ἔλκος ἢ ἐν δακτύλῳ ποδὸς ἢ χειρὸς, μᾶλλον ἢ κου ἄλλοθι τοῦ σώματος· γίνεται γὰρ, ἀπορρέοντος τοῦ αἵματος, ξηρότερα καὶ μείονα ἰσχναινόμενα· (Hr. Ulcer. 2, 8) — «При продолжительных язвах помогает частое кровопускание и из самих язв, и из окружающих (тканей), как только покажется, что наступил подходящий момент, и в особенности, если язва либо на голени, либо на пальце ноги или руки, кровопускание помогает больше, чем в других местах тела. Дело в том, что при кровотечении рана становится суше и лучше подсыхает».

Диоскорид, фармацевт I в. н.э., при помощи глагола ἰσχναίνειν описывает свойства некоторых лекарственных веществ, например, минералов, лекарственных растений: ἰσχναίνει καὶ τὰ πολύσαρκα καὶ παχέα σώματα καταλασσόμενον <τὸ ἄνθος> ἀντὶ νίτρου ἐν βαλανείῳ (Dioscor. Mat. med. V, 124, 3) — «Полные и плотные тела <цветок>, добавленный вместо соды в ванну, подсушивает»; καὶ ὕδρωπικοῖς δὲ ἐπιτηδεῖως δίδεται ὀλκὴ σὺν οἴνῳ ποθεῖσα — ἰσχναίνει γὰρ αὐτούς — καὶ πρὸς δυσουρίαν τὸ ἀφέψημα αὐτῆς πίνεται. (Ibid. III, 8, 2) — «страдающим водянкой обычно дается вытяжка (белой омелы), которая выпивается с вином, поскольку она «сушит», и еще ее отвар пьют при расстройстве мочеиспускания».

Согласно Руфу (80—150 гг. н.э.), выдающемуся врачу-электику из Эфеса, человек «ссыхается» (ἰσχναίνεται) посредством вызывания рвоты (R.V. morb. 15, 11).

У Галена в трактате «Гигиена» под свойством массажа, обозначенным глаголом ἰσχναίνειν, тоже подразумевается иссушение, во время которого тело сжимается и освобождается от влаги (De san. tuend. II. 3. 93, 102, 103; II. 4. 109, 117; II. 7. 128). Этот процесс в организме человека, возникший в результате массажа, Гален объясняет так: ὥσπερ γὰρ ἐν τῷ καταχεῖν ὕδωρ θερμὸν εἰς ὄγκον μὲν τὸ πρῶτον ἐξαίρεται τὰ σώματα, πλεονάζοντων δὲ καθίσταται, καὶ διὰ τοῦθ' <Ἱπποκράτης> ἐπ' αὐτῶν εἶπε «τὸ μὲν γὰρ πρῶτον αἱρεται, ἔπειτα δ' ἰσχναίνεται», οὕτω καὶ ἡ τρίψις ἐξαίρει μὲν τὸ πρῶτον, αὐθις δὲ συστέλλει τε καὶ καθαιρεῖ τὸ σῶμα. (MM 10. 480. 5) — «Как при обливании горячая вода сначала приводит тела к увеличению в объеме, а если это продолжается слишком долго, вода перестает так действовать. Поэтому Гиппократ насчет этого сказал: “Сначала увеличивается, а затем иссушается”⁶, так и массаж сначала увеличивает [объем], а затем заставляет тело

⁶ Гален приводит отрывок из трактата Гиппократа о хирургии: Hipp. Off. Med. 13, line 6.

сжиматься и уменьшаться». Отсюда видно, что глагол ἰσχναίνειν значит «сжиматься» (συστέλλειν) и «уменьшаться» (καθαίρειν).

Полемизируя с Теоном⁷, Гален говорит, что ἰσχναίνειν синонимичен глаголам διαφορεῖν «рассеивать» и τήκειν «плавить», которые в данном случае уточняют содержание этого глагола: εἰπόντος γὰρ ἐκείνου, τὴν μὲν μαλακὴν λύειν, τὴν δὲ πολλὴν ἰσχναίνειν, εὐδὴλον ἂν εἶη παντὶ γε τῷ νοῦν ἔχοντι συλλογίσασθαι, τὴν ἐκ τῆς μαλακῆς τε ἅμα καὶ πολλῆς σύνθετον ἰσχναίνειν τε ἅμα καὶ μαλάττειν. ἀλλ' οὐχ ὁ <Θέων> ἔοικεν οὕτω γιγνώσκειν, ἀλλ' ὅπερ ἐν τῷ πρώτῳ τῶν Γυμναστικῶν ἰσχναίνειν εἶπε δι' ἐνὸς ῥήματος, τοῦτ' ἐν τῷ τρίτῳ διὰ δυοῖν, τοῦ τε διαφορεῖν καὶ τήκειν. (De san. tuend. II. 3. 104) — «Ведь когда Гиппократ сказал, что мягкий массаж «освобождает», а продолжительный «иссушает», всякому, имеющему ум, может быть ясно, что сочетание мягкого и продолжительного массажа одновременно «иссушает» и «смягчает». Но, кажется, Теон этого не знает, и то, что он в первой книге «Гимнастриона» называет одним словом «иссушать», это же в третьей книге «Гимнастриона» он называет двумя: «рассеивать» и «плавить»».

Гален считает, что «подсушить» тело может продолжительный массаж средней интенсивности и упражнения, требующие быстрых движений, например, бой в вооружении. Τηνικαῦτα τὴν πολλὴν τε ἅμα καὶ σύμμετρον κατὰ ποιότητα προσάξομεν ἰσχναίνειν βουλόμενοι (De san. tuend. II. 4. 117) — «поскольку, желая подсушить тело, мы выполняем продолжительный массаж средний по качеству»; ὁ μὲν γὰρ ὀπλομαχικὸς εὐρύθμως μὲν ἐνεργήσει κινήσεις ταχείας ἤ, εἰ οὕτως ἔτυχεν, εὐτόνους τε ἅμα καὶ βαρείας, οὐ μὴν ὅτι γε πυκνοῦσιν καὶ ἰσχναίνουσιν αἱ τοιαῦται κινήσεις οἶδεν, ὥσπερ οὐδ' ὅτι σαρκιοῦσι τε καὶ ἀραιοῦσιν αἱ βραδύτεραι. (Ibid. II 11. 154) — «Ведь занимающийся боем в вооружении ритмично будет выполнять быстрые движения, или, если так случилось, энергичные и при этом тяжелые, и даже не знает, что быстрые движения сушат и делают ткани плотными, тогда как медленные наращивают массу и делают ткани пропускающими влагу»⁸.

⁷ Теон из Александрии (130–160 гг. н.э.) — бывший атлет и тренер самоучка, написавший трактат об упражнениях и большую работу «Гимнастрион» (Gymnastriōn). К сожалению, сочинения Теона сохранились лишь в пересказе Галена [Keyser, 2008: 795].

⁸ Некоторым медицинским понятиям, касающимся массажа, Гален посвящает специальную главу (De san. tuend. II, 5). По его словам, прилагательные μαλακός («мягкий») и σκληρός («твердый») можно использовать только относительно гомеомерных частей тела, а прилагательные ἀραιός («обладающий крупными порами») и πυκνός («обладающий узкими порами») могут характеризовать только органические, имеющие сложную структуру, части тела. Он отмечает, что ἀραιός также значит «пропускающий влагу» (χευμένος) (таким свойством обладают воздух и огонь), а πυκνός — «плотный» (πεπλημένος) (таким свойством обладают земля и вода).

В других сочинениях Гален много комментирует и цитирует Гиппократ и в связи с этим часто использует глагол ἰσχυαίνειν в тех же, что и Гиппократ, значениях — «подсушивать» (в смысле «сгонять вес»), «снимать отек», «подсушивать рану» (Gal. Hipp. Fract. 18b. 523. 13; Hipp. Off. Med. 18b. 840. 6; Explic. Hipp. 19. 84. 5 и др.). А в трактате, посвященном пояснению устаревших слов у Гиппократ, Гален объясняет прилагательное ἰσχαλέος «высохший», используя однокоренное глаголу ἰσχυαίνειν прилагательное ἰσχνός «сухой, худой, узкий, тонкий»: ἰσχαλέαι: ἰσχυαί· καὶ ἰσχαλέον τὸ ἰσχνόν — «Высохшие: сухие. Сухое — это высохшее» (Explic. Hipp. 105). В связи с чем можно заключить, что оттенок сухости в значении глагола, действительно, присутствует.

Таким образом, Гиппократ использует глагол ἰσχυαίνειν в следующих значениях: «подсушивать», «снимать отек», «лишать питания», в медиальном залоге «подсыхать» (о ранах). Гален употребляет глагол в тех же значениях, что и Гиппократ. В дальнейшей медицинской традиции глагол ἰσχυαίνειν используется чаще в значениях «подсушивать»⁹ (со значением «сгонять вес»¹⁰), «лишаться влаги в результате болезни»¹¹, «снимать отек»¹², «формировать эмбрион»¹³. В современной медицинской литературе действию, обозначенному глаголом ἰσχυαίνειν, в массаже лучше всего соответствует техника лимфодренажа. Поскольку усиление лимфотока способствует и снятию отека, и удалению лишней жидкости, и похудению [Горчаков, Тысячнова, Комуру, 2003: 44–47]. В медицине лимфодренаж — это стимуляция лимфатической системы и выведение излишней жидкости и других продуктов обмена из межклеточного пространства путем специальных физиотерапевтических процедур.

Интересно отметить, что в современном сленге бодибилдеров существует понятие «сушка» — процесс целенаправленного снижения процента жира в организме при сохранении объема мышц с помощью тренировочных, диетологических и фармакологических мер.

Иными словами, под «иссушением» подразумевается избавление от жира¹⁴. Современные исследования отмечают [Сорокина,

⁹ Melet. De nat. hom. III 111. 6.

¹⁰ Pallad. Hipp. morb. pop. V. 2. 76, 77, 87 (τηχεῖν); Orib. Col. Med. VI. 10. 6, Ibid. VI. 27. 1, Ibid. VI. 2. 56, Ibid. IX. 51. 56.

¹¹ Pseud. Gal. Def. Med. 19. 429.12; Sor. Gyn. I. 46. 8; Teoph. Hipp. Aph. V. 2. 364, Ibid. V. 2. 453; Steph. Hipp. Progn. 1. 5. 6; Ibid. 3. 3. 37; Pallad. Hipp. morb. pop. V. 2. 123; Orib. Col. Med. VIII. 24. 6.

¹² Teoph. Hipp. Aph. V. 2. 453; Phil. De ven. 10.1.1. 35. 2; Pallad. Hipp. morb. pop. V. 2. 201.

¹³ Pallad. Hipp. morb. pop. V. 2. 74.

¹⁴ Врачей античности не интересовал избыток жира, тело человека они рассматривали как комбинацию четырех элементов — земли (сухость), воды (влажность),

2019: 41], что массаж может способствовать микроциркуляции в жировой ткани, и выводить лишнюю жидкость. Такое воздействие в специализированной литературе называют дренажной функцией физиотерапевтических процедур или лимфодренажем [Плотников, 2012: 9].

Любопытное совпадение значений глагола ἰσχυαίνειν и современного глагола «подсушиться» иллюстрирует, что все новое — это хорошо забытое старое или, как принято в классике, “Nullum est jam dictum, quod non sit dictum prius” (Terent. Eunch. 41).

Сокращения

Galen — Gal.

Explic. Hipp. — Linguarum seu dictionum exoletarum Hippocratis explication

Hipp. Fract. — In Hippocratis librum de fracturis commentarii

Hipp. Off. Med. — In Hippocratis librum de officina medici commentarii

MM — De methodo medendi

Hippocrates — Hipp.

Diaet. — De diaeta

Art. — De articulis

De mulier. affect. — De mulierum affectibus

Fract. — De fracturis

Aphor. — Aphorismi

Ulcer. — De ulceribus

Dioscorides — Dioscor.

Eup. — Euporista vel De simplicibus medicinis

Mat. med. — De materia medica

Pseudo-Galenus — P. Gal.

Def. Med. — Definitiones medicae

De remed. parab. — De remediis parabilibus libri iii

P. Gal. De remed. parab. — Pseudo-Galenus. De remediis parabilibus libri iii

Soranus — Sor.

Gyn. — Gynaeciorum.

огня (тепло) и воздуха (холод), которые составляли тело в определенной пропорции (Gal. De san. tuend. I, 2). Когда какой-то из элементов по внешним или внутренним причинам преобладал, человек болел. Античные представления о преобладании воды напоминают современные представления о преобладании жира. Вызывают его похожие паттерны поведения (малоподвижный образ жизни и избыток пищи), и признаки избытка влаги (отечность, неповоротливость) тоже схожи с признаками ожирения. Но физиологической причиной избытка влаги считали забитые поры (речь шла не только о порах кожи, но и о кишечнике и других внутренних каналах). Вследствие этого полного человека называли *παχύς* букв. «плотный» (Gal. De san. tuend. VI, 8).

Stephanus — Steph.

Hipp. Progn. — Scholia in Hippocratis prognosticon.

Theophilus — Theoph.

Hipp. Aph. — Commentarii in Hippocratis aphorismos.

Philumenus — Phil.

De ven. — De venenatis animalibus eorumque remediis.

Palladius — Pallad.

Hipp. Morb. Pop. — Commentarii in Hippocratis librum sextum de morbis popularibus.

Rufus — Ruf.

R.V. morb. — De renum et vesicae morbis.

Oribasius. — Orib.

Collect. med. — Collectiones medicae.

Список литературы

1. Горчаков В.Н., Тысячнова Ю.В., Комуро Н.Г. Способ мануального лимфатического дренажа (лимфомассажа) в сочетании с дыхательными упражнениями на фоне приема лимфотропных средств. Патент РФ № 2 203 016 С2 27. 04. 2003.
2. Плотников В.П. Вводный курс классического и сегментарного массажа. М., 2008.
3. Янзина Э.В., Корнеев О.В. О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2016. № XX. С. 831–849.
4. Сорокина Н.В. Современные методы массажа в коррекции фигуры // Евразийский Союз ученых. 2019. № 64. С. 39–42.
5. Beekes R.S.P. Etymological dictionary of Greek. Leiden. Boston, 2010.
6. Dioscorides Pedanius. Euporista vel De simplicibus medicinis. Pedanii Dioscuridis Anazarbei de materia medica libri quinque, vol. 3, ed. Wellmann, M.; Berlin, 1914, Repr. 1958.
7. Galenus. Claudii Galeni opera omnia, ed. Kühn, C.G. vol. 10, 14, 19: Knobloch, 1827, Repr. 1965.
8. Hippocrates. De diaeta i–iv, Oeuvres complètes d'Hippocrate, vol. 6, 8, 4, 3, ed. Littré, É. Paris: Baillière, 1849, Repr. 1962.
9. Keyser P.T. Irby-Massie, 2008: The Encyclopedia of Ancient Natural Scientists. L., 2008.
10. Oribasius. Collectiones medicae. Oribasii collectionum medicarum reliquiae, vols. 1–4, ed. J. Raeder; Corpus medicorum Graecorum, vol. 6.1.1–6.2.2. Leipzig, 6.1.1:1928; 6.1.2:1929; 6.2.1:1931; 6.2.2:1933.
11. Osborn D. Greek medicine // United states, 2007–2015. URL: <http://www.greekmedicine.net/> (дата обращения: 27.01.21).

12. Palladius. Commentarii in Hippocratis librum sextum de morbis popularibus. Scholia in Hippocratem et Galenum, vol. 2, ed. Dietz, F.R. Königsberg, 1834, Repr. 1966.
13. Philumenus. De venenatis animalibus eorumque remediis Philumeni de venenatis animalibus eorumque remediis, Corpus medicorum Graecorum, vol. 10.1.1 / Ed. M. Wellmann. Leipzig, 1908.
14. Pseudo-Galenus. De remediis parabilibus libri III. Claudii Galeni opera omnia. Vol. 14, 19 / Ed. C.G. Kühn. Leipzig, 1827, Repr. 1965.
15. Rufus. De renum et vesicae morbis. Oeuvres de Rufus d'Éphèse / Ed. C. Daremberg, C.É. Ruelle. Paris, 1879, Repr. 1963.
16. Soran. Gynaeciorum libri iv, de signis fracturarum, de fasciis, vita Hippocratis secundum Soranum, Corpus medicorum Graecorum vol. 4 / Ed. J. Ilberg. Leipzig, 1927.
17. Stephanus. Scholia in Hippocratis prognosticon. Commentary on Hippocrates' Prognosticon / Ed. J. Duffy. M., 1975.
18. Theophilus Protospatharius, Damascius et Stephanus Atheniensis. Commentarii in Hippocratis aphorismos, Scholia in Hippocratem et Galenum, vol. 2 / Ed. F.R. Dietz Königsberg, 1834, Repr. 1966.

Olga Novichkova

**“WHILE A FAT ONE WOULD BE FADING...”:
SEMANTICS OF THE VERB ἰσχνάινειν
IN GALEN’S TREATISE ‘HYGIENE’**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In his treatise “Hygiene”, Galen describes how some methods of health promotion and disease prevention affect human body. The effects described are expressed by the verbs that, at first glance, look synonymous. Further analysis however shows that the meanings of these verbs are different, but classical dictionaries do not convey the meanings of medical vocabulary appropriately. Knowing semantic nuances is essential to accurate translation. This article focuses on the semantics of the verb ἰσχνάινειν, used by Galen in “Hygiene”, in the contexts of medical writers from the fifth century BC to the seventh century AD. Research has shown that the properties of some health care methods, expressed by the verb ἰσχνάινει coincide with the modern properties of the lymph drainage. The best translation for this verb in the context of Galen’s “Hygiene”, therefore, is “to get rid of excess fluid”.

Key words: ἰσχνάινειν; Galen’s vocabulary; ancient Greek medical terminology; Galen; hygiene.

About the author: *Olga Novichkova* — PhD Student, Department of Classical Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: 79636837457@yandex.ru).

References

1. Gorchakov V.N., Tsyachnova Yu.V., Komuro N.G. *Sposob manual'nogo limfaticeskogo drenazha (limfomassazha) v sochetanii s dyxatel'nyimi uprazhneniyami na fone priema limfotropnykh sredstv* [Способ мануального лимфатического дренажа (лимфомассажа) в сочетании с дыхательными упражнениями на фоне приема лимфотропных средств]. Patent RF № 2 203 016 C2 27. 04. 2003.
2. Plotnikov V.P. *Vvodnyj kurs klassicheskogo i segmentarnogo massazha*. [Вводный курс классического и сегментарного массажа]. Moscow: Absolut Publ, 2012, 161 p.
3. Yanzina E'.V., Korneev O.V. *Onekotoryx aspektax podgotovki antichnyx atletov-edinoborcev k sostyazaniyam: praktika i terminologiya trenirovochnogo processa*. [О некоторых аспектах подготовки античных атлетов-единоборцев к состязаниям: практика и терминология тренировочного процесса] *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*, 2016. № XX, pp. 831–849.
4. Sorokina N.V. *Sovremennye metody massazha v korrekcii figury* [Современные методы массажа в коррекции фигуры] *Evrazijskij Soyuz uchenykh*, 2019. № 64, pp. 39–42.
5. Beekes R.S.P. *Etymological dictionary of Greek*. Leiden. Boston: Brill, 2010.
6. Dioscorides Pedanius. *Euporista vel De simplicibus medicinis*. Pedanii Dioscuridis Anazarbei de materia medica libri quinque, vol. 3, ed. *Wellmann, M.* Berlin: Weidmann, 1914, Repr. 1958.
7. Galenus. *Claudii Galeni opera omnia*, ed. *Kühn, C.G.* vol. 10, 14, 19: Knobloch, 1827, Repr. 1965.
8. Hippocrates. *De diaeta i–iv, Oeuvres complètes d'Hippocrate*, vol. 6, 8, 4, 3, ed. *Littre, É.* Paris: Baillière, 1849, Repr. 1962.
9. Keyser P.T. Irby-Massie, 2008: *The Encyclopedia of Ancient Natural Scientists*. London: Routledge, 2008.
10. Oribasius. *Collectiones medicae*. Oribasii collectionum medicarum reliquiae, vols. 1–4, ed. Raeder, J.; *Corpus medicorum Graecorum*, vol. 6.1.1–6.2.2. Leipzig: Teubner, 6.1.1:1928; 6.1.2:1929; 6.2.1:1931; 6.2.2:1933.
11. Osborn D. *Greek medicine. United states*, 2007–2015. URL: <http://www.greekmedicine.net/> (дата обращения: 27.01.21).
12. Palladius. *Commentarii in Hippocratis librum sextum de morbis popularibus*. *Scholia in Hippocratem et Galenum*, vol. 2, ed. *Dietz, F.R.* Königsberg: Borntraeger, 1834, Repr. 1966.
13. Philumenus. *De venenatis animalibus eorumque remediis* Philumeni de venenatis animalibus eorumque remediis, *Corpus medicorum Graecorum*, vol. 10.1.1. ed. *Wellmann, M.* Leipzig: Teubner, 1908.

14. Pseudo-Galenus. De remediis parabilibus libri III. Claudii Galeni opera omnia, vol. 14, 19. *Ed. Kühn, C.G.* Leipzig: Knobloch, 1827, Repr. 1965.
15. Rufus. De renum et vesicae morbis. Oeuvres de Rufus d'Éphèse, ed. Daremberg, C., Ruel, C.É. Paris: Imprimerie Nationale, 1879, Repr. 1963.
16. Soran. Gynaeciorum libri iv, de signis fracturarum, de fasciis, vita Hippocratis secundum Soranum, Corpus medicorum Graecorum vol. 4., *ed. Ilberg, J.* Leipzig: Teubner, 1927.
17. Stephanus. Scholia in Hippocratis prognosticon. Commentary on Hippocrates' Prognosticon, *ed. Duffy, J.M.*, 1975.
18. Theophilus Protospatharius, Damascius et Stephanus Atheniensis. Commentarii in Hippocratis aphorismos, Scholia in Hippocratem et Galenum, vol. 2, *ed. Dietz, F.R.* Königsberg: Borntraeger, 1834, Repr. 1966.

П.В. Ярошенко

СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ СИНЕСТЕЗИИ НА МАТЕРИАЛЕ МУЛЬТИЯЗЫЧНОГО ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье¹ рассматриваются некоторые специфические особенности исследования языковой синестезии на материале мультязычного корпуса. Корпус текстов, используемый в работе, включает оригинальный текст романа «Лолита» на английском (1955), автоперевод на русский (1967) и два французских перевода (1959, 2001). Выравнивание текстов осуществлялось с помощью программы “HunAlign”. Первая особенность, обусловленная спецификой исследования, — подбор материала. В случае, когда корпус для исследования создается самостоятельно, необходимо подбирать тексты таким образом, чтобы там нашлось достаточное количество синестетических словосочетаний для последующего анализа, однако заранее предсказать это невозможно. В исследуемом корпусе было выявлено 1189 синестетических словосочетаний. Вторая особенность связана с проблемой извлечения данных из корпуса. Хотя эта проблема характерна для любого корпусного исследования, при работе с синестетическими словосочетаниями она особенно актуальна, так как для эффективности автоматической обработки текста необходимо создание списка слов, включающих сенсорные семантические компоненты. Понимание границ той или иной перцептивной модальности разнится от исследования к исследованию, сенсорная лексика сложна для описания. Даже в том случае, если список слов был составлен успешно, необходимо прибегнуть к постредактированию вручную, чтобы отсеять лишние, не синестетические контексты. Третья особенность связана с проблемой интерпретации синестетических фигур, которые зачастую имеют сложную структуру. Это могут быть словосочетания, содержащие три и более сенсорных компонента, либо сложные фигуры, где синестетическое сочетание выступает как часть более объемного целого (например, является одним из членов антитезы). Сложные фигуры составили 46% от общего числа выявленных в корпусе контекстов. В случае, если интерпретация синестетических стилистических фигур является одной из задач

Ярошенко Полина Владимировна — аспирант кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: polina.iaroshenko@yandex.ru).

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19–012–00620.

исследования, то такие контексты требуют отдельного рассмотрения, что затрудняет процесс обработки данных.

Ключевые слова: синестезия; множественные переводы; параллельный корпус; синестетическая метафора; семантика; корпусная традуктология.

Синестезия — особый способ восприятия, когда при воздействии на один орган чувств, возникают дополнительные ощущения, относящиеся к другому перцептивному каналу (е.g., вкусовые ощущения при прослушивании музыки). Языковые проявления синестезии в настоящее время активно изучаются в лингвистике. Наибольшее количество исследований посвящено сенсорным ассоциациям с языковыми единицами различного порядка (R. Rouw, M. Asano, C. Cuskley и др.), а также синестетической метафоре (S. Ullmann, L. Marks, S. Day и др.).

В статье языковая синестезия будет рассматриваться как словосочетание, где как минимум одно из слов содержит сенсорный семантический компонент² (например, *сладкая мелодия* = вкус + слух).

Корпусные исследования синестезии являются достаточно актуальным направлением, поскольку такой метод позволяет увеличить объем данных для последующего анализа. Например, в работе [Paradis, Eeg-Olofsson, 2013] синестетические словосочетания исследуются на материале корпуса обзоров вин, в исследовании [Zawisławska et al., 2018] представлен корпус синестетических метафор *Synamet*, созданный на базе текстов онлайн-блогов, посвященных парфюмерии, кулинарии, массажу и арт-критике.

Примечательно, что менее востребованными в данный момент оказались корпуса художественных текстов. Некоторые исследователи утверждают, что изучение синестезии на материале художественного текста непродуктивно из-за большого количества авторских фигур, не имеющих отношения к общезыковым закономерностям, и предпочитают крупные корпуса общего назначения, *general-purpose corpora* (в частности такого мнения придерживается [Strik Lievers, 2015], работая на материале *The Wacky corpora*). Отметим, что эта позиция не вполне обоснована. Например, рекламные тексты также насыщены авторскими фигурами³, но они активно используются в современных исследованиях языковой синестезии. Кроме того, достаточно популярным направлением, где используются именно художественные тексты, является корпусная стилистика (M. Mahlberg, G. Leech, D. Biber и др.).

² Отметим, что в рамках исследования наряду с классическим типом синестетических сочетаний, включающих два сенсорных компонента, относящихся к разным модальностям, рассматриваются также сочетания, где только одно из слов содержит перцептивный компонент. Подробнее об этом см. [Ярошенко, 2020b].

³ См. [Bonhomme, 1998], где наряду с примерами авторских фигур из художественной литературы рассматриваются цитаты из рекламы.

Цель данной статьи — выявить специфические особенности работы с мультязычным параллельным корпусом при исследовании языковой синестезии.

Материал исследования — корпус параллельных текстов оригинала и переводов романа В. Набокова «Лолита», куда вошли: оригинал романа на англ. языке (1955), русский автоперевод (1967) и два французских перевода — Éric N. Kahane (1959) и Maurice Couturier (2001).

Несмотря на актуальность корпусного метода, работ с использованием мультязычного параллельного корпуса для исследования языковой синестезии в доступных нам источниках обнаружить не удалось. Синестезия в языке изучается в основном на материале моноязычных ([Zawisławska et al., 2018]: польск.; [Zhao, 2020]: кит.); реже сопоставительных двуязычных непараллельных корпусов ([Strik Lievers, 2015]: англ., ит.). Возможно, тенденция связана с обозначенным выше стремлением отойти от изучения синестезии в художественных текстах. Мультязычные параллельные корпуса, как правило, подразумевают использование произведений художественной литературы — оригинала и его переводов.

Отметим, что при работе с мультязычным корпусом проблема выравнивания стоит наиболее остро. Для выравнивания текстов нашего корпуса были использованы программа *HunAlign* [Varga et al., 2007], пользовательский интерфейс *LF Aligment Editor*.

На рисунке можно увидеть пример выровненного участка текстов. Полностью автоматизировать выравнивание четырех текстов на трех языках не представляется возможным, сохраняется необходимость редактирования вручную. Объемы работы зависят от глубины различий в структуре выбранных языков. В случае с английским, французским и русским основной проблемой стали синтаксические и пунктуационные различия, мешавшие программе находить адекватные соответствия между содержанием ячеек.

74 LF Aligment Editor 1.7 - aligned_Lolita En-en-ru-fr-fr.txt

File	Edit	Help			
8	Clark 's decision may have been influenced by the fact that the editor of his choice had just been awarded the Poling Prize for a modest work ("Do the Senses make Sense?") wherein certain morbid states and perversions had been discussed.	На решение г-на Кларка, быть может, повлиял тот факт, что избранный им редактор как раз только что удостоился премии имени Полинга за скромный труд («Можно ли сопоставлять чувствам?»), в котором подвергались обсуждению некоторые патологические состояния и извращения.	Il n'est pas impossible que la décision de maître Clark ait été influencée par le fait que le correcteur de son choix venait de recevoir le Prix Poling pour un modeste essai (Le Sens des Sens) consacré à l'étude de quelques perversions et états morbides.	Il n'est pas impossible que la décision de Me Clark ait été dictée par le fait que le correcteur de son choix venait de recevoir le prix Poling pour un modeste essai (Do the Senses Make Sense ?) où étaient passés en revue quelques perversions et états morbides.	Lolita En

Рисунок

Несмотря на трудоемкость процесса выравнивания, исследование синестетических словосочетаний на материале мультязычного

корпуса может представлять интерес. Такой корпус позволяет решать дополнительные задачи, прежде всего традуктологического характера (выявление моделей перевода, переводческих трансформаций и др.)⁴. Кроме того, важным преимуществом является возможность исследования переводных соответствий (*translation correspondences*) в рамках сопоставительной семантики. Частным случаем параллельного мультязычного корпуса является корпус множественных переводов⁵. Наш корпус можно также отнести к этой категории, поскольку в нем присутствуют два перевода на французский язык.

Первая специфическая особенность исследования синестезии на материале мультязычного параллельного корпуса связана с **проблемой подбора материала**. Зачастую приходится выбирать тот или иной текст, основываясь лишь на предположении, которое может и не оправдаться, что в нем присутствует значительное количество синестетических словосочетаний. Эту сложность отмечают и [Zawisławska et al., 2018]: при создании корпуса *Synamet* тематика отбираемых онлайн-блогов определялась исходя из гипотезы о том, что блоги про вино, парфюмерию, массаж и пр. потенциально могут включать большое количество синестетических метафор. Синестезии в произведениях В. Набокова посвящено достаточное количество как зарубежных (L. Wu, I. Malpas, R. Trousdale и др.), так и отечественных исследований (В.Я. Задорнова, А.И. Бардовская, С.И. Глазунова и др.), этот факт послужил мотивацией для выбора материала. Общее число синестетических словосочетаний, найденных в корпусе: 1189.

Вторая специфическая особенность связана с **проблемой извлечения данных**. Хотя проблема является актуальной для корпусных исследований в целом, в случае с синестезией задача особенно сложна. Описание лексики, относящейся к сенсорному восприятию, является проблемной областью. Как отмечает Е.В. Падучева [Падучева, 2004: 217], восприятие лежит в основе деятельности человека, следовательно, задать четкие рамки сенсорной лексики сложно.

Необходимо определить, какие лексические единицы будут входить в класс той или иной сенсорной модальности, поскольку именно слова, содержащие сенсорный семантический компонент являются основой для возникновения синестетического словосочетания⁶. Единого мнения относительно определения границ классов перцептивной лексики не сложилось. Примером возникающих в процессе работы сложностей могут служить *небазовые способы цве-*

⁴ Однако отметим, что в рамках корпусной традуктологии зачастую используются сопоставительные мультязычные непараллельные корпуса [Loock, 2016].

⁵ Подробнее о практическом использовании корпусов множественных переводов см. [Разлогова, 2017].

⁶ Подробнее о том, каким образом определяются слова с сенсорным семантическим компонентом в рамках нашего исследования см. [Ярошенко, 2020a].

тообозначения (термин [Масевич, Захаров, 2019]). Так, словосочетания из корпуса *emerald resurrection*, *изумрудное воскресение*, *résurrection smaragdine* невозможно было бы обнаружить через автоматический поиск, если заранее не включить в список слова *emerald*, *изумрудный*, *smaragdine*.

Возникают и спорные моменты. В список прилагательных визуального восприятия [Zhao et al., 2020] вошли слова, в переводе с китайского означающие «красивый» и «элегантный». Вопрос о том, стоит ли относить лексику такого типа к сенсорной, остается открытым (ведь тогда и сочетание *красивая песня* стоит считать синестетическим). В [Strik Lievers, 2015] к визуальной модальности относится слово *photo*, а к аудиальной — названия музыкальных инструментов (*trumpet*, *contrabass*), что представляется не вполне обоснованным, так как эти слова отсылают к конкретным предметам действительности.

При составлении списков для экстракции синестетических словосочетаний из корпуса следует ориентироваться не на отдельные лексические единицы, а на целые словообразовательные гнезда (учесть онтологические синонимы [Loukachevitch, Dobrov, 2015: 242]), чтобы автоматическая обработка корпуса была эффективна. Так, в работе [Strik Lievers, 2015] в список вошло прил. *dark*, а сущ. *darkness* отсутствует, при этом в список с компонентом осязания включены как *hot*, так и *hotness*. Отметим, что в списках [Strik Lievers, 2015] отсутствуют наречия. В нашем корпусе были обнаружены контексты, где синестетическое сочетание строилось с участием наречий: например, *come darkly near* (ориг.), *сумрачно льнула* (рус. пер.), поэтому, вероятно, нужно учитывать не только прил., сущ. и глаголы, но и остальные части речи.

Составление тезауруса для автоматической обработки корпуса — сложная задача, особенно когда речь идет о словах с сенсорными семантическим компонентами, но и при успешном ее решении необходимость постредактирования сохраняется: не всегда включенные в список слова будут образовывать синестетические сочетания. Отделять «малиновый звон» от «малинового варенья» придется вручную.

Следующая особенность связана с **проблемой интерпретации многокомпонентных синестетических фигур**. Синестетические фигуры⁷ часто могут выходить за рамки одного словосочетания и распространяться на целые абзацы. В нашем корпусе сложные синестетические фигуры составили 46% (552 единицы) от общего числа контекстов. При рассмотрении сложных фигур возникает необходимость дробить их на несколько простых словосочетаний. Важность проблемы отмечали и [Zawisławska et al., 2018]. Сумма простых сочетаний зачастую не вполне соответствует целой фигуре. Пример из рус. пер. *вкусные*,

⁷ Понятие фигуры рассматривается прежде всего с опорой на франкоязычную традицию, см., например, [Дюбуа и др., 1986].

громоздкие грехи содержит семантические компоненты вкуса (вкус греха) и осязания (вес греха⁸). При делении трехчленной структуры на две двучленные, синестетическая схема отдельного сочетания как бы упрощается в сравнении с первоначальной целостной конструкцией.

Вынужденные упрощения происходят также, когда два простых синестетических сочетания являются составными частями покрывающей фигуры. Рассмотрим фразу из рус. пер. «Лолиты»: *Сочетая в себе прямодушие и лукавость, грацию и вульгарность, серую хмурь и розовую прыть, Лолита, когда хотела, могла быть необыкновенно изводящей девчонкой*. Выделенные словосочетания придется рассматривать отдельно, хотя они формируют оппозицию по аналогии с *прямодушием и лукавостью, грацией и вульгарностью*, являясь частью ряда антитез. Схожий по структуре пример можно найти и во фр. пер. (2001): *Le plus terne de mes rêves libidineux était mille fois plus éblouissant que tous les adultères*.

Заключение. В ходе исследования языковой синестезии на материале мультязычного корпуса параллельных текстов были выявлены следующие специфические особенности: 1) особый подход к подбору материала для формирования корпуса; 2) сложности при извлечении искомых контекстов из корпуса в связи с тем, что в формировании синестетических словосочетаний задействован проблемный семантический класс — сенсорная лексика; 3) сложности интерпретации сложных синестетических фигур, которые составили значительную долю в выделенных контекстах (46%). Необходимость работы с каждым отдельным контекстом для интерпретации сложной фигуры затрудняет автоматизацию процесса и сбор статистических данных.

Несмотря на некоторые трудности, исследование синестезии на материале корпусов параллельных текстов представляется перспективным направлением, так как, частности, возможно формирование моделей перевода синестетических сочетаний, определение их частотности, а также при помощи количественного анализа слов с семантическим сенсорным компонентом выявление доминантных модальностей оригинала и переводов. Схожее исследование уже было проведено нами ранее на материале корпуса поэтических текстов [Ярошенко, 2020b].

Список литературы

1. Дюбуа Ж., Эделин Ф. и др. Общая риторика. М., 1986.
2. Масевич А.Ц., Захаров В.П. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. 17 (1). С. 21–48.

⁸ В нашем исследовании весовая характеристика предмета включена в модальность осязания.

3. *Набоков В.В.* Лолита. М., 1991.
4. *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
5. *Разлогова Е.Э.* Стандартные и нестандартные варианты перевода // Вопросы языкознания. 2017. № 4. С. 52–73.
6. *Ярошенко П.В.* Сенсорный семантический компонент как основа для формирования синестезии в тексте (на материале стихотворения А. Рембо Пьяный корабль и его русских переводов) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020а. № 18 (1). С. 144–156.
7. *Ярошенко П.В.* Синестезия в художественном тексте и модели ее перевода (на примере стихотворения А. Рембо) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2020б. 9 (3). С. 135–143.
8. *Bonhomme M.* Les figures clés du discours. Paris, 1998.
9. *Johansson S.* Seeing through Multilingual Corpora. On the use of corpora in contrastive studies. Amsterdam, 2007.
10. *Loock R.* La traductologie de corpus. Lille, 2016.
11. *Loukachevitch N., Dobrov B.* The Sociopolitical Thesaurus as a resource for automatic document processing // Terminology. 2015. 21 (2). С. 237–262.
12. *Nabokov V.* Lolita. L., 2000.
13. *Nabokov V.* (trad. Éric Kahane) Lolita. Paris, 1976.
14. *Nabokov V.* (trad. Maurice Couturier) Lolita. Paris, 2001.
15. *Paradis C., Eeg-Olofsson M.* Describing sensory experience: The genre of wine reviews // Metaphor and Symbol. 2013. N 28. С. 22–40.
16. *Strik Lievers F.* Synaesthesia: A corpus-based study of cross-modal directionality // Functions of language. 2015. N 22. С. 69–94.
17. *Varga D., Németh L., Halácsy P., Kornai A., Trón A. et al.* Parallel Corpora for Medium Density Languages // Recent Advances in Natural Language Processing. 2007. N 4. С. 247–258.
18. *Zawisławska M., Falkowska M., Ogródniczuk M.* Verbal synaesthesia in the Polish corpus of synaesthetic metaphors // LaMiCuS. 2018. N 2. С. 226–253.
19. *Zhao Q.* Embodied Conceptualization or Neural Realization. A Corpus-Driven Study of Mandarin Synaesthetic Adjectives. Singapore, 2020.
20. *Zhao Q., Huang Ch.-R., Ahrens K.* Directionality of linguistic synesthesia in Mandarin: A corpus-based study // Lingua. 2019. URL: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2019.102744> (дата обращения: 23.12.2020).

Polina Iaroshenko

STUDYING LINGUISTIC SYNESTHESIA ON THE MATERIAL OF A MULTILINGUAL PARALLEL CORPUS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with a multilingual parallel corpus in order to consider several difficult issues that may be faced by corpora researchers studying linguistic

synesthesia. The corpus to be exploited includes the original novel 'Lolita' by V. Nabokov, in English (1955), its auto-translation into Russian (1967) and two translations into French (1959, 2001). In the corpus under discussion the program 'HunAlign' serves the alignment. Currently the alignment cannot be fully automated, so manual post-editing is required. The first issue to be addressed, due to the specifics of the study, is the selection of material. In the case when the research corpus is created independently, it is necessary to select the texts in the way that there will be a sufficient number of synesthetic phrases for the following analysis, however it is unpredictable in advance. The second task is to extract data from the corpus, which tends to be especially crucial for the studies on synesthetic word combinations, since a list of words including sensory semantic components should be compiled to achieve the efficiency in automatic text processing. At present the notions of each perceptual modality differ significantly in various researches, which makes it problematic to describe the sensory vocabulary. Moreover, even if the word list had been successfully compiled, the resultant variant would require manual post-editing to filter out non-synesthetic contexts. The third issue is somewhat narrower: we focus on the peculiarities of interpreting complex synesthetic figures (46% of the extracted contexts), which are either collocations consisted of at least three sensory components, or complex figures including a synesthetic combination as a constituent part of a larger indissoluble unit (e.g., such a figure may be part of an antithesis). When it comes to interpreting synesthetic stylistic figures, such tricky contexts require special attention, which, naturally, may complicate the data processing.

Key words слова: synaesthesia; multiple translations; parallel corpora; synaesthetic metaphor; semantics; corpus-based translation studies.

About the author: *Polina Iaroshenko* — PhD Student, French Department, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: polina.iaroshenko@yandex.ru).

References

1. Dubois J., Edeline F. et al. Rhétorique générale. Moscow: *Progress Publ.* 1986. 385 p.
2. Masevich A. Ts., Zakharov V.P. Chastotnoe povedenie prilagatel'ny'x cvzeta v russkix poe'ticheskix tekstax [Frequency Behavior of Color Adjectives in Russian Poetic Texts]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 1, pp. 21–48. (in Russ.)
3. Nabokov V.V. Lolita. Moscow, *Prometej Publ.*, 1991. 283 p.
4. Paducheva E.V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki [Dynamic Models In Lexical Semantics]. Moscow, *Jazyki Slavyanskoi kultury Publ.*, 2004. 608 p.
5. Razlogova E.E. Standartnye i nestandartnye varianty perevoda [Standard and Non-standard Versions of Translation]. *Voprosy Jazykoznanija*, 2017, no 4, pp. 52–73. (In Russ.)
6. Iaroshenko P.V. Sensorny'j semanticheskij komponent kak osnova dlya formirovaniya sinestezii v tekste (na materiale stixotvoreniya A. Rimbaud

- “P’yany’j korabl’” i ego russkix perevodov) [Sensory Semantic Component as the Basis for Synaesthesia Formation in Language: A Case Study of Arthur Rimbaud’s Poem “The Drunken Boat” and Its Russian Translations]. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2020a, vol. 18, no. 1, pp. 144–156.
7. Iaroshenko P.V. Sinesteziya v xudozhestvennom tekste i modeli eyo perevoda (na primere stixotvoreniya A. Rimbaud) [The Synaesthesia in Literary Text and Its Translation Patterns: The Case of a Poem by A. Rimbaud] *Vestnik MSU. Series 9: Filologiya*. 2020b. 9 (3), pp. 135–143.
 8. Bonhomme M. Les figures clés du discours. Paris, *Seuil Publ.*, 1998. 92 p.
 9. Johansson S. Seeing through Multilingual Corpora. On the use of corpora in contrastive studies. Amsterdam, *John Benjamins Publ.*, 2007. 356 p.
 10. Looock R. La traductologie de corpus. Lille, *Presses Universitaires du Septentrion*, 2016. 259 p.
 11. Loukachevitch N., Dobrov B. *The Sociopolitical Thesaurus as a resource for automatic document processing*. Terminology. 2015. 21 (2), pp. 237–262.
 12. Nabokov V. Lolita. London, *Penguin Modern Classics*, 2000. 216 p.
 13. Nabokov V. (trad. Éric Kahane) Lolita. Paris, *Gallimard*, 1976. 501 p.
 14. Nabokov V. (trad. Maurice Couturier) Lolita. Paris, *Gallimard*, 2001. 470 p.
 15. Paradis C., Eeg-Olofsson M. *Describing sensory experience: The genre of wine reviews*. Metaphor and Symbol. 2013. 28, pp. 22–40.
 16. Strik Lievers F. *Synaesthesia: A corpus-based study of cross-modal directionality*. Functions of language. 2015. 22, pp. 69–94.
 17. Varga D., Németh L., Halácsy P., Kornai A., Trón A. et al. *Parallel Corpora for Medium Density Languages*. Recent Advances in Natural Language Processing. 2007. 4. pp.247–258.
 18. Zawisławska M., Falkowska M., Ogrodniczuk M. *Verbal synaesthesia in the Polish corpus of synaesthetic metaphors*. LaMiCuS. 2018. 2, pp. 226–253.
 19. Zhao Q. Embodied Conceptualization or Neural Realization. A Corpus-Driven Study of Mandarin Synaesthetic Adjectives. Singapore, *Springer Publ.*, 2020. 151 p.
 20. Zhao Q., Huang Ch.-R., Ahrens K. *Directionality of linguistic synesthesia in Mandarin: A corpus-based study*. Lingua. 2019. 232. URL: <https://doi.org/10.1016/j.lingua.2019.102744> (accessed: 23.12.2020).

М.А. Кузнецова

ИСТОЧНИКИ ПЕРЕВОДОВ «ПЕСНИ О РОЛАНДЕ»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Проблема множественности оригиналов характерна для большинства эпических произведений европейской средневековой литературы. Это связано с тем, что устная традиция преобладала над письменной: многие эпические произведения зарождались сначала в виде песен, а фиксировались уже намного позднее сразу в нескольких вариантах. «Песнь о Роланде» сохранилась в девяти рукописях. Основной является Оксфордская рукопись, которая относится к второй половине XII в. Существуют также рукописи XIII, XIV и XV вв. В данной статье рассматривается ряд переводов поэмы на современный французский (Л. Готье, 1880; Л. Кледа, 1899; Ж. Бедье, 1922; Ф. Буайе, 2013), русский (А.Н. Чудинов, 1896; Ф. де Ла-Барт, 1897; Б.И. Ярхо, 1934; Ю.Б. Корнеев, 1964) и английский языки (Д. О'Хаган, 1880; Л. Бэкон, 1914; Д. Сэйерс, 1957; Л. Райт, 1960). Цель работы — проследить, какой текст поэмы послужил оригиналом для каждого перевода и рассмотреть те расхождения в переводах, которые обусловлены выбором «оригиналов» на примере трех фрагментов поэмы. В результате исследования было установлено, что в качестве оригинала рассматриваемых переводов «Песни о Роланде» могли выступать: Оксфордская рукопись “Digby 23”, сразу несколько рукописей «Песни о Роланде», собственная реконструкция поэмы, собственная редакция Оксфордской рукописи, чужая реконструкция поэмы, чужая редакция Оксфордской рукописи. Также было установлено, что декларируемый переводчиком в паратексте оригинал не всегда является таковым на практике. В некоторых случаях переводчики используют в качестве оригинала и другие рукописи поэмы. Кроме того, в рамках рассмотренного материала было установлено, что французские филологи и переводчики не только выполняли переводы «Песни о Роланде», но и разрабатывали свои редакции и реконструкции поэмы (Л. Готье, Л. Кледа, Ж. Бедье), английские авторы создавали только редакции Оксфордской рукописи (Т.А. Дженкинс, Ф. Уайтхед), русские переводчики не создавали ни редакций, ни реконструкций, а лишь выполняли переводы с французских, немецких и английских редакций или реконструкций.

Кузнецова Маргарита Андреевна — аспирант филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: margochat1996@gmail.com).

Ключевые слова: «Песнь о Роланде»; Оксфордская рукопись; история перевода; традуктология; множественные переводы; оригинал; редакция; реконструкция.

В настоящей статье¹ рассматриваются множественные оригиналы переводов «Песни о Роланде» — средневековой поэмы, древнейшая рукопись которой датируется 1170 г. [Ярхо, 1934: 12]. Проблема множественных оригиналов уходит корнями еще в Античность. Уже Иероним Стридонский выполнял свой перевод Библии сразу с двух первоисточников: древнееврейского и древнегреческого [Ballard, 2013: 26]. Для средневековых эпических текстов характерно большое количество рукописей одного и того же произведения. Это связано с тем, что изначально средневековые поэмы слагались и исполнялись жонглерами — бродячими певцами, которые многократно перепевали их каждый на свой лад, а в письменной форме поэмы фиксировались намного позднее в нескольких вариантах. Зачастую рукописи доходят до нас в поврежденном, неполном виде. Иногда подлинник и вовсе отсутствует, как в случае со «Словом о полку Игореве». Тогда переводы выполняются с различных реконструкций оригинала. Как и «Слово о полку Игореве», «Песнь о Роланде» относится к произведениям, которые занимают особое место в европейской литературе. Такие тексты сопровождаются переводной множественностью: возникает большое количество их переводов, которые выполняются в разное время и на различные языки [Разлогова, 2017; Поварницына, 2020]. В нашем случае множественность оригиналов сопряжена с переводной множественностью, которая, в свою очередь, является актуальным объектом исследования в современной традуктологии [Карапец, 2017]. Поэма «Песнь о Роланде» относится к “chansons de geste”, что в переводе означает «песни о деяниях» [Семёнов, 2018]. Этот жанр начал формироваться с X в., а наибольшее распространение получил в XI и XII вв. Существует девять рукописей «Песни о Роланде». Четыре «полных» рукописи: Оксфордская (вторая половина XII в.), Венецианская IV (XIV в.), Венецианская VII (XIII в.), Шатору (XIII–XIV вв., предположительно 1300 г.). Три неполных рукописи: Парижская (XIII в.), Лионская (XIV в.), Кембриджская (конец XV в.). Два фрагмента Лотарингской рукописи (начало XIII в.) и один фрагмент, опубликованный господином Лавернь в 1906 г. (датировка фрагмента неизвестна) [Norrent, 1951: 26].

Как видим, поэма представлена в нескольких вариантах, что уже усложняет задачу переводчика. Наиболее авторитетной традиционно считается Оксфордская рукопись, которая хранится в Бодлианской библиотеке Оксфорда. Эту рукопись называют также “Digby 23” по

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 19-012-00620.

имени ее владельца сэра Кенелма Дигби, который в 1634 г. завещал всю коллекцию рукописей библиотеке Оксфордского университета [O’Nagan, 1880: 24]. Оксфордская рукопись переиздавалась множество раз. Первое издание принадлежит Ф. Мишелю (1837). Второй раз рукопись была опубликована в 1850 г. Ф. Жененом [Vauquier, 1877: 8]. Позднее появились издания Т. Мюллера (1851), Л. Готье (1872), Е. Стенгеля (1878), Л. Кледа (1886), Ж. Бедье (1922) и многие другие. Каждый издатель Оксфордской рукописи вносил в нее некоторые поправки и изменения. Впоследствии эти издания рукописи, и не только они, были использованы в качестве оригиналов многими переводчиками.

Цель работы — проследить, какой текст поэмы послужил оригиналом для каждого перевода и рассмотреть те расхождения в переводах, которые обусловлены выбором «оригиналов» на примере трех фрагментов поэмы.

Чтобы разграничить саму Оксфордскую рукопись “Digby 23” от ее последующих изданий, мы будем употреблять термин *редакция* применительно к последним. Таким образом, под *редакцией* мы будем понимать издание исключительно Оксфордской рукописи без добавления в него фрагментов из более поздних рукописей. Следовательно, кроме самих рукописей «Песни о Роланде», в качестве оригинала перевода могут выступать различные их *редакции*, а также *реконструкции*, под которыми мы будем понимать сочетание нескольких рукописей поэмы.

Рассмотрим, что каждый переводчик выбирал в качестве «оригинала».

Переводы на французский язык

Существует более 50 переводов «Песни о Роланде» на французский язык [Lucken, 2018: 169]. Мы рассмотрим четыре из них: Л. Готье, Л. Кледа, Ж. Бедье, Ф. Буайе.

В 1872 г. появляется перевод поэмы, выполненный Л. Готье². Автор полагает, что Оксфордская рукопись является лишь копией более древней рукописи, которая до нас не дошла. Древнейшая рукопись, согласно переводчику, была написана на нормандском диалекте [Gautier, 1880: xiv]. Л. Готье ставит перед собой задачу восстановить древнейший оригинал поэмы. Для этого он использует тексты сразу нескольких рукописей: Оксфордской рукописи в редакции Е. Стенгеля, Венецианской IV в редакции О. Кёльбинга,

² В настоящей статье мы анализируем издание Л. Готье 1880 г. Выбрали седьмое издание, так как оно наиболее полное и доработанное автором: в каждое последующее издание автор вносил правки и добавления.

редакции Ф. Мишеля, Т. Мюллера и М.В. Ферстера более поздних рукописей поэмы: Парижской, Лионской, Лотарингской, Версальской, Венецианской VII и Кембриджской [Gautier, 1880: 405–408]. Л. Готье разрабатывает свою классификацию рукописей. Он выделяет три основные «семьи»: в первую «семью» входит Оксфордская рукопись, во вторую — Венецианская IV, третью «семью» составляют все более поздние рукописи [Gautier, 1880: 406]. В Оксфордской и Венецианской IV рукописях, по мнению Л. Готье, изначальный вариант текста искажен, допущены ошибки и отступления. Например, Венецианская рукопись IV чрезвычайно италянизирована, содержит пропуски и грубые ошибки [Gautier, 1880: 406]. Более поздние рукописи, по мнению переводчика, сохранили только несколько первоначальных лесс³, в которых ассонансы заменены рифмой и допущены многочисленные искажения оригинального текста. Таким образом, согласно Л. Готье, ни одна из рукописей не является исчерпывающей. Каждая нуждается в исправлениях и добавлениях. Совмещая тексты нескольких рукописей, Л. Готье создает собственный оригинал поэмы, с которого потом выполняет свой перевод. Такой текст, созданный с опорой сразу на несколько рукописей, мы называем *реконструкцией* поэмы⁴.

В 1886 г. Л. Кледа публикует редакцию Оксфордской рукописи. В отличие от Л. Готье он полагает, что оригинал поэмы был написан на французском языке XI в., поэтому свою редакцию Л. Кледа составляет в соответствии с правилами французского языка XI в.⁵ Отметим, что данная работа Л. Кледа традиционно считается ре-

³ «В эпической поэме лесса, которая также называется куплетом или тирадой, представляет собой то же самое, что строфа в оде и песенный куплет в современном значении этого слова, но от куплета и строфы она отличается тем, что содержит неопределенное количество строк: примерно пятнадцать в «Песни о Роланде» [Clédât, 1886: xi]. — *Пер. М.К.*

⁴ Под термином «реконструкция» обычно понимают внесение в текст системных изменений, однако мы под реконструкцией понимаем именно сочетание нескольких рукописей с целью восстановить первоначальный, утраченный облик поэмы. Приведем цитату из работы Л. Готье 1880 г.: «Кроме ошибок, общих для Оксфордской и Венецианской IV рукописей, копист Оксфордской рукописи допустил огромное количество других, которые могут и должны быть исправлены с помощью текста Венецианской IV рукописи. Но и сам текст Оксфордской рукописи содержит множество серьезных лакун, которые также могут и должны быть заполнены при помощи текста Венецианской IV рукописи» [Gautier, 1880: 406]. — *Пер. М.К.* Как видим, Л. Готье не просто исправлял Оксфордский текст, но и вносил отсутствующие в нем строки и лессы из другой рукописи. В нашем понимании это является реконструкцией.

⁵ Приведем цитату из предисловия к редакции Л. Кледа 1886 г.: «Мы ограничимся тем, что скажем, что наша наиболее очевидная реформа заключалась в том, чтобы приблизить текст Оксфордской рукописи именно к французскому языку. В наибольшей степени это касалось замены буквой “о” букв “u” производных от долгих “о” или кратких “u” латинского языка» [Clédât, 1886: I]. — *Пер. М.К.* В этой же работе Л. Кледа посвящает целый раздел описанию французского языка XI в.

конструкцией, но мы будем считать ее редакцией, так как автор не заимствовал эпизоды из других рукописей (см. сноску 4). С этой редакции Л. Кледа выполняет свой перевод, сверяясь также с переводом Л. Готье, откуда переводчик заимствует эпизоды, которые в Оксфордской рукописи отсутствуют [Clédat, 1899: 1].

Ж. Бедье создает свою редакцию Оксфордской рукописи⁶, т.е. переводчик копирует текст, внося в него незначительные правки. Оригиналом для перевода в данном случае служит собственная редакция Оксфордской рукописи.

Один из наиболее поздних переводов был выполнен Фредериком Буайе. Автор в качестве оригинала использует Оксфордскую рукопись “Digby 23”.

Переводы на русский язык

Существует 12 переводов «Песни о Роланде» на русский язык. Мы рассмотрим четыре из них: А.Н. Чудинова, Ф. де Ла-Барта, Б.И. Ярхо, Ю.Б. Корнеева.

Первый полный перевод «Песни о Роланде» на русский язык принадлежит А.Н. Чудинову. Оригиналом для перевода послужила реконструкция Л. Готье [Чудинов, 1896: IV]. Как видим, переводчик выполняет свой перевод с чужой реконструкции оригинала.

Ф. де Ла-Барт выполняет свой перевод с редакции Оксфордской рукописи Т. Мюллера “*La chanson de Roland nach der Oxforder Handschrift, Göttingen 1863*”. Переводчик также сверяется с реконструкциями Л. Готье “*La Chanson de Roland texte critique. Tours 1892*” и Гастона Париса “*Extraits de la Ch. de R. Paris 1893*” [Де Ла-Барт, 1897: XXI].

В 1934 г. выходит перевод на русский язык Б.И. Ярхо. При переводе «Песни о Роланде» Б.И. Ярхо опирался на редакцию Т.А. Дженкинса (год не уточняется), реконструкцию Л. Готье (1900) и редакцию Ж. Бедье (1925), а также на комментарий Ж. Бедье (1927) [Ярхо, 1934: 12].

Перевод Ю.Б. Корнеева делается с опорой на редакцию Оксфордской рукописи немецкого филолога А. Хилька (1948).

Как видим, русские переводы выполняются с чужих редакций или реконструкций поэмы, а не непосредственно с сохранившихся рукописей.

⁶ Несмотря на то что Ж. Бедье предпочитает не вносить исправления в текст Оксфордской рукописи, в его работе все-таки есть раздел «примечания», где автор приводит все исправления, которые позволил себе сделать [Bédier, 1922: 305]. Именно поэтому мы назвали редакцией его издание Оксфордской рукописи.

Переводы на английский язык

Существует более 30 переводов «Песни о Роланде» на английский язык. В данном разделе мы рассмотрим четыре из них: Д. О’Хагана, Л. Бэкона, Д. Сэйерс, Л. Райт.

Первый полный перевод на английский язык выполняет Джон О’Хаган в 1880 г. [O’Hagan, 1880: 49]. При работе над переводом поэмы Д. О’Хаган опирался на реконструкцию Л. Готье 1870 г. [Там же].

Л. Бэкон в предисловии к своему переводу пишет, что переводил с Оксфордской рукописи, однако не уточняет, с оригинала или с ее редакции. Переводчик также заимствует некоторые лессы из более поздних рукописей, не уточняя, из каких именно [Bacon, 1914: v]. Таким образом, оригиналом для перевода служат сразу несколько рукописей поэмы.

Дороти Ли Сэйерс при переводе «Песни о Роланде» опиралась на редакции Ж. Бедье (1922), Ф. Уайтхеда (1942) и на тексты других рукописей (автор не уточняет, каких именно) [Sayers, 1957: 44].

Лаура Мур Райт свой перевод выполняла непосредственно с Оксфордской рукописи “Digby 23”. Однако отметим, что переводчик высказывает благодарность Л. Готье, Ж. Бедье и Ф. Уайтхеду за их издания (годы не уточняются), что позволяет нам предположить, что Л. Райт сверялась с их реконструкциями и редакциями поэмы [Wright, 1960: 11].

Вариативность в переводах как следствие различий оригиналов

Проследим данное явление на примере трех фрагментов: пятой строки лессы LXV, второй строки лессы LVII и третьей строки лессы LVI. В качестве эталонного текста нами была избрана редакция Ф. Мишеля 1837 г. В нумерации лесс мы следуем порядку, принятому в редакции Ф. Мишеля.

Оксфордская рукопись “Digby 23”	- - -
Реконструкция Л. Готье (1880)	Pluret ses oilz e trait sa barbe blanche
Перевод Л. Готье (1880)	Il pleure de ses yeux et tire sa barbe blanche
Редакция Л. Кледа (1886)	- - -
Перевод Л. Кледа (1899)	Pleure des yeus, tire sa barbe blanche
Редакция Ж. Бедье (1922)	- - -
Перевод Ж. Бедье (1922)	- - -
Перевод Ф. Буайе (2013)	- - -
Перевод А.Н. Чудинова (1896)	[Слезы текут из глаз его, он дергает свою белую бороду]

Редакция Т. Мюллера (1851)	- - -
Перевод Ф. де Ла-Барта (1897)	Наполнены слезами его глаза и бороду сѣдую онъ рветъ въ печали
Редакция Т.А. Дженкинса (1924)	[Ploret des uelz, turet sa barbe blanche]
Перевод Б.И. Ярхо (1934)	- - -
Редакция А. Хилька (1974)	Plore des oilz, tire sa barbe blanche
Перевод Ю.Б. Корнеева (1964)	[Рвет бороду и неутешно плачет]
Д. О'Хаган (1880)	- - -
Л. Бэкон (1914)	- - -
Д. Сэйерс (1957)	- - -
Л. Райт (1960)	- - -

Мы видим, что в тексте Оксфордской рукописи “Digby 23” пятая строка отсутствует. Однако Л. Готье заимствует ее из более поздних рукописей, вводит в свою реконструкцию, а затем переводит на французский язык. Мы видим, что Л. Кледа, несмотря на то, что в своей редакции он опускает данную строку, все же вводит ее в своем переводе. Ж. Бедье и Ф. Буайе остаются верны Оксфордской рукописи. А.Н. Чудинов заимствует строку из реконструкции Л. Готье. Так же поступает и Ф. де Ла-Барт. А вот Б.И. Ярхо, напротив, опирается на редакцию Ж. Бедье и не вводит данную строку в своем переводе. Ю.Б. Корнеев следует редакции А. Хилька. Д. О'Хаган, хотя и опирается на реконструкцию Л. Готье, в своем переводе данную строку опускает. Л. Бэкон и Л. Райт остаются верны Оксфордской рукописи. Д. Сэйерс опирается на редакцию Ж. Бедье, поэтому в ее переводе данная строка отсутствует.

Теперь обратимся ко второй строке лессы LVII.

Оксфордская рукопись “Digby 23”	Par mi cel host luuer emenu reguarded
Реконструкция Л. Готье	Parmi cele ost funt il suner mil grisles
Перевод Л. Готье	Et mille clairons retentissent alors dans toute l'armée
Редакция Л. Кледа	Parmi cele ost sonent molt halt li grisle
Перевод Л. Кледа	Parmi l'armée sonnent haut les trompettes
Редакция Ж. Бедье	Par mi cel host - - -
Перевод Ж. Бедье	- - -
Перевод Ф. Буайе	Et dans l'armée on entend l'hallali
Перевод А.Н. Чудинова	И тысячи роговъ раздаются по всей армии
Редакция Т. Мюллера	Par mi cel host suvent e menu reguarded
Перевод Ф. де Ла-Барта	Вокруг гремит до тысячи роговъ
Редакция Т.А. Дженкинса	Parmi cele ost sonent menu cil grisle
Перевод Б.И. Ярхо	Трубы трубят над ополчением ратным
Редакция А. Хилька	Parmi cel host sunent menu cil grisle

Перевод Ю.Б. Корнеева	Рога и трубы оглашают лагерь
Д. О’Хаган	Keenly and oft his host he scanned
Л. Бэкон	the war-horns through the army sounded high
Д. Сэйерс	[A thousand trumpets] are sounded for the hosting
Л. Райт	Among this host, the bugles sound

Данная строка является «темным» местом в рукописи. Слово “*luier*” в Оксфордской рукописи не поддается расшифровке. Однако общий смысл строки примерно следующий: Карл осматривает свои войска. Такое же значение находим в редакции Т. Мюллера. В данном случае множественность оригиналов приводит к смысловым расхождениям в переводах. Так, в реконструкции и в переводе Л. Готье значение совершенно иное: войско Карла трубит в трубы. Вероятно, Л. Готье заимствовал это значение из других рукописей поэмы. Остальные переводы данной строки будут зависеть от того, с какой версией рукописи сверялись переводчики или какую из них они посчитали более авторитетной. В переводах Л. Кледа, А.Н. Чудинова, Ф. де Ла-Барта, Б.И. Ярхо, Ю.Б. Корнеева, Л. Бэкон, Д. Сэйерс и Л. Райт присутствует идея «звука труб», как и в реконструкции и переводе Л. Готье. В переводе Ж. Бедье строка присутствует не полностью. Это говорит о том, что переводчик опирался на Оксфордскую рукопись, где часть строки неясна. В переводе Д. О’Хагана передан тот же смысл, что в редакции Т. Мюллера, хотя переводчик в предисловии к своему переводу говорит, что опирался на реконструкцию Л. Готье. Отдельно стоит сказать о переводе Ф. Буайе, у которого появляется компонент *l’hallali* (улюлюканье), которого нет ни в одном варианте текста.

В заключение рассмотрим третью строку лессы LVI, где происходит подмена понятий: одно животное заменяется другим.

Оксфордская рукопись “Digby 23”	El destre braz li morst uns vers si mals
Реконструкция Л. Готье	El’ destre braz li morst uns urs si mals
Перевод Л. Готье	Un ours le mord si cruellement au bras droit
Редакция Л. Кледа	El destre braz le morst uns ors si mals
Перевод Л. Кледа	Un ours si fort au bras droit l’a mordu
Редакция Ж. Бедье	El destre braz li morst uns uers si mals
Перевод Ж. Бедье	Un ours très cruel le mordait au bras droit
Перевод Ф. Буайе	Mordu au bras droit par un porc cruel
Перевод А.Н. Чудинова	Медвѣдь такъ яростно впился въ его правую руку
Редакция Т. Мюллера	El destre braz li morst uns urs si mals

Перевод Ф. де Ла-Барта	И вдруг — медвѣдь бросается на Карла
Редакция Т.А. Дженкинса	El destre braz li morst uns vers si mals
Перевод Б.И. Ярхо	Но лютый вепрь ему в десницу вьелся
Редакция А. Хилька	El destre braz li morst uns vers si mals
Перевод Ю.Б. Корнеева	Рвет правое плечо ему медведь
Д. О'Хаган	A bear seized grimly his right arm on
Л. Бэкон	And a bear bit his right shoulder, that was furious and fell
Д. Сэйерс	In his right arm a fierce bear set its teeth
Л. Райт	His right arm a bear did cruelly bite

Согласно Оксфордской рукописи и редакциям Т.А. Дженкинса и А. Хилька, на Карла нападает кабан: “*uns vers*”. Однако практически во всех переводах *vers* передается как *ours*, *медведь*, *bear*. Такая замена происходит даже в переводе Ж. Бедье, который признает авторитет только Оксфордской рукописи. Вероятно, переводчик по-своему истолковывает текст рукописи, так как уже в его редакции данному слову соответствует «*uers*» через *и*. Такое толкование оригинального текста позволяет переводчику предположить, что уже там речь идет о *медведе*, а не о *кабане*. Однако Б.И. Ярхо опирается на редакцию Т.А. Дженкинса, и у него в переводе на Карла нападает *вепрь*. Любопытно, что в переводе Ю.Б. Корнеева говорится о *медведе*, хотя в редакции А. Хилька мы видим слово *vers*. Ф. Буайе опирается на Оксфордскую рукопись, поэтому и в его переводе сохранено значение «кабан».

Таким образом, было установлено, что в рассмотренных нами переводах в качестве оригинала «Песни о Роланде» могли выступать: Оксфордская рукопись “Digby 23”, сразу несколько рукописей «Песни о Роланде», собственная реконструкция поэмы, собственная редакция Оксфордской рукописи, чужая реконструкция поэмы, чужая редакция Оксфордской рукописи. Переводческие решения были во многом обусловлены тем, какой текст поэмы был выбран в качестве оригинала. В рамках нашего корпуса многие переводчики опираются сразу на несколько текстов, но подчас очень сложно определить, на какие именно и с чем связано появление того или иного варианта перевода. К тому же, зачастую в паратекстах переводчики умалчивают о некоторых «оригиналах» текста, с которыми они сверялись. Если некоторые французские филологи и переводчики, в частности те, работы которых были нами рассмотрены, разрабатывали собственные реконструкции (Л. Готье) и редакции поэмы (Ж. Бедье, Л. Кледа), английские авторы рассмотренных нами переводов создавали только редакции Оксфордской рукописи (Т.А. Дженкинс, Ф. Уайтхед), рус-

ские же переводчики рассмотренных нами переводов (А.Н. Чудинов, Ф. де Ла-Барт, Б.И. Ярхо, Ю.Б. Корнеев) не создавали редакций или реконструкций, а выполняли свои переводы с французских, немецких и английских редакций или реконструкций.

Список литературы

1. *Де Ла-Барт Ф.* Песнь о Роланде. Перевод размером подлинника Графа Ф. де Ла-Барта. С предисловием академика А.Н. Веселовского, введением и примечанием переводчика. СПб., 1897.
2. *Каранец В.В.* Переводная множественность: заимствования или случайные совпадения переводческих решений (на примере переводов “Madame Bovary” на русский язык) // Вестн. Моск. ун-та. 2017. № 5. С. 143–153.
3. *Поварницына Е.Д.* О лексической вариативности в переводах с мертвого языка (флора и фауна в «Слове о полку Игореве» и его переводах на французский язык) // Известия Саратовского университета. 2020. № 1. С. 15–20.
4. *Разлогова Е.Э.* Стандартные и нестандартные варианты перевода. М., 2017.
5. *Семёнов В.Б.* Лесса в памятниках романского и валлийского Средневековья // Сибирский филологический журнал. 2018. № 1. С. 77–78.
6. *Смирнов А.А.* Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос / Пер. со старофр. Ю.Б. Корнеева; комментарий А.А. Смирнова; под ред. И.А. Голенищева-Кутузова. М., 1964.
7. *Чудинов А.Н.* Песнь о Роланде. Французский народный эпос / Пер. А.Н. Чудинова. Текст памятника с примечаниями — объяснительные статьи. Изд. И. Глазунова. СПб., 1896.
8. *Ярхо Б.И.* Песнь о Роланде. По Оксфордскому тексту / Пер. со старофр.; вст. статья и прим. Ю.И. Ярхо. М., 1934.
9. *Bacon L.* The Song of Roland translated into English verse by Leonard Bacon. New Haven, 1914.
10. *Ballard M.* Histoire de la traduction. Bruxelles, 2013.
11. *Bauquier J.* Bibliographie de la Chanson de Roland. Heilbronn, 1877.
12. *Bédier J.* La Chanson de Roland publiée d’après le manuscrit d’Oxford et traduite par Joseph Bédier de l’Académie Française. L’Edition d’art. Paris, 1922.
13. *Boyer F.* Rappeler Roland. Chanson de Roland (nouvelle traduction) Cahier Roland. Paris, 2013.
14. *Clédat L.* Chansons de geste. Roland. — Aimeri de Narbonne. Le couronnement de Louis. Traduction de Léon Clédat, professeur à l’université de Lyon. Paris, 1899.
15. *Gautier L.* La Chanson de Roland. Texte critique, traduction et commentaire, grammaire et glossaire par Léon Gautier, professeur à l’Ecole des Chartes. Ouvrage couronné par l’Académie Française et par l’Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Septième édition, revue et augmentée. Edition

- classique, adoptée pour l'agrégation des Classes Supérieures et l'agrégation des Classes de Grammaire. Tours, 1880.
16. *Horrent J.* La chanson de Roland dans les littératures française et espagnole au Moyen Âge. Paris, 1951.
 17. *Lucken C.* Traduire la *chanson* de Roland / C. Lucken // Médiévales. Vincennes, 2018.
 18. *O'Hagan J.* The Song of Roland translated into English verse by John O'Hagan, M.A. London, 1880.
 19. *Sayers D.L.* The Song of Roland. A new translation by Dorothy L. Sayers. London and Tonbridge, 1957.
 20. *Wright L.W.* The Song of Roland. The legend that Turolodus relates. The Oxford version translated into modern English verse by Laura Moore Wright, author of victory verses. N.Y., 1960.

Margarita Kuznetsova

MULTIPLE ORIGINALS OF THE TRANSLATIONS OF 'THE SONG OF ROLAND'

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The problem of plurality of originals is characteristic of many monuments of European medieval literature. This is due to the fact that at that time the oral tradition prevailed over the written one: many works were born at first in the form of songs and were recorded much later in several versions at once. "The Song of Roland" has survived in 9 manuscripts. The main one is the Oxford manuscript, which dates back to the second half of the 12th century. There are also manuscripts of the 13th, 14th and 15th centuries. This work examines the translations of the poem into modern French by L. Gautier in 1880, L. Clédat in 1899, J. Bédier in 1922, F. Boyer in 2013, into Russian by A.N. Chudinov in 1896, F. de La Barthe in 1897, B.I. Yarkho in 1934, Yu.B. Korneev in 1964, and into English by D. O'Hagan in 1880, L. Bacon in 1914, D. Sayers in 1957, and L. Wright in 1960. The purpose of this work is to find out which text of the poem served as the original for each translation and to consider those discrepancies in the translations that are caused by the choice of the "original" on the example of three fragments of the poem. Research has shown that the original of the translations of "The Song of Roland" can be the Oxford manuscript "Digby 23", several manuscripts of "The Song of Roland" at once, own reconstruction of the poem, own edition of the Oxford manuscript, someone else's reconstruction of the poem, someone else's edition of the Oxford manuscript. The original declared by the translator in the paratext is not always the same in practice. In some cases, translators use other manuscripts of the poem as the original. In addition, it has been found that only French translators (L. Gautier, L. Clédat, G. Paris) developed their own

reconstructions of the poem, English authors created only editions of the Oxford manuscript (T.A. Jenkins, F. Whitehead), Russian translators created neither editions nor reconstructions, but carried out their own translations from French, German and English editions or reconstructions.

Key words: “The Song of Roland”; the Oxford Manuscript; translation history; translation studies; multiple translations; original; edition; reconstruction.

About the author: *Margarita Kuznetsova* — PhD Student, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: margochat1996@gmail.com).

References

1. De La-Bart F. *Pesn' o Rolande. Perevod razmerom podlinnika Grafa F. de La-Barta*. S predislaviem akademika A.N. Veselovskogo, vvedeniem i primechaniem perevodchika. SPb., 1897.
2. Karapec V.V. Perevodnaja mnozhestvennost': zaimstvovaniya ili sluchajnye sovpadeniya perevodcheskih reshenij (na primere perevodov “Madame Bovary” na russkij jazyk). In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 2017. № 5, pp. 143–153.
3. Povarnicyna E.D. O leksicheskoj variativnosti v perevodah s mertvogo jazyka (flora i fauna v “Slove o polku Igoreve” i ego perevodah na francuzskij jazyk). In: *Izvestija Saratovskogo universiteta*. 2020. № 1, pp. 15–20.
4. Razlogova E. Je. Standartnye i nestandartnye varianty perevoda. M., 2017.
5. Semjonov V.B. Lessa v pamjatnikah romanskogo i vallijskogo Srednevekov'ja. In: *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2018. № 1, pp. 77–78.
6. Smirnov A.A. *Pesn' o Rolande. Starofrancuzskij geroicheskij jepos*. Perevod so starofrancuzskogo Ju.B. Korneeva. Kommentarij A.A. Smirnova. Pod red. I.A. Golenishheva-Kutuzova. M., 1964.
7. Chudinov A.N. *Pesn' o Rolande. Francuzskij narodnyj jepos*. Perevod A.N. Chudinova. Tekst pamjatnika s primechanijami — ob#jasnitel'nye stat'i. Izdanie I. Glazunova. SPb., 1896.
8. Jarho B.I. *Pesn' o Rolande. Po Oksfordskomu tekstu*. Perevod so starofrancuzskogo. Vstupitel'naja stat'ja i primechanija Ju.I. Jarho. M., 1934.
9. Bacon L. *The Song of Roland translated into English verse by Leonard Bacon*. New Haven, 1914.
10. Ballard M. *Histoire de la traduction*. Bruxelles, 2013.
11. *Bauquier J.* Bibliographie de la Chanson de Roland. Heilbronn, 1877.
12. Bédier J. *La Chanson de Roland publiée d'après le manuscrit d'Oxford et traduite par Joseph Bédier de l'Académie Française*. L'Édition d'art. Paris, 1922.
13. Boyer F. *Rappeler Roland. Chanson de Roland (nouvelle traduction)* Cahier Roland. Paris, 2013.
14. Clédat L. *Chansons de geste. Roland. Aimeri de Narbonne. Le couronnement de Louis*. Traduction de Léon Clédat, professeur à l'université de Lyon. Paris, 1899.
15. Gautier L. *La Chanson de Roland. Texte critique, traduction et commentaire, grammaire et glossaire* par Léon Gautier, professeur à l'École des

Chartes. Ouvrage couronné par l'Académie Française et par l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. Septième édition, revue et augmentée. *Edition classique, adoptée pour l'agrégation des Classes Supérieures et l'agrégation des Classes de Grammaire*. Tours, 1880.

16. Horrent J. *La chanson de Roland dans les littératures française et espagnole au Moyen Âge*. Paris, 1951.
17. Lucken C. Traduire la *chanson* de Roland. In: *Médiévales*. Vincennes, 2018.
18. O'Hagan J. *The Song of Roland translated into English verse by John O'Hagan*, M.A. London, 1880.
19. Sayers D.L. *The Song of Roland. A new translation by Dorothy L. Sayers*. London and Tonbridge, 1957.
20. Wright L.W. The Song of Roland. The legend that Tuoldus relates. *The Oxford version translated into modern English verse by Laura Moore Wright, author of victory verses*.

А.Ю. Кошевская

**НОВЫЙ ПОДХОД К ВЫДЕЛЕНИЮ КЛАУЗУЛ
В ПРОЗЕ ЦИЦЕРОНА:
ОПЫТ РИТМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА «КАТИЛИНАРИЙ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Ритм древнегреческой и латинской прозы, незаслуженно преданный многовековому забвению, до сих пор остается малоизученным лингвистическим явлением. Хотя традиция его изучения насчитывает уже почти полтора столетия, наиболее авторитетными до сих пор остаются работы начала XX в., а в отечественной науке эта тема разрабатывалась только Ф.Ф. Зелинским (1859–1944). В сложившейся ситуации кажется необходимым создание нового метода изучения ритма прозы и, в частности, клаузул (конечных частей периода). Предлагаемый метод опирается на древнейшие теории ритма прозы, представленные в трактатах Цицерона, Квинтилиана и др. Главной особенностью нового подхода является изучение ритма прозы не как автоматического фонетического процесса, а как стилистического средства, наделенного особым языковым значением и употребляющегося произвольно; другим важным положением является понятие ритмического инструментария оратора не как статичной системы, а как изменчивой, динамически развивающейся, во многом подчиненной личному вкусу оратора и веяниям моды. Важно отметить, что предлагаемый подход позволяет не только анализировать ритм прозы в контексте решения традиционных для классической филологии задач (напр., для критики текста), но также изучить его функции как стилистического средства, в том числе в рамках современных теорий (например, теории метатекста). Помимо непосредственно описания методологии, в статье приведены предварительные результаты анализа ритмики конца периода в «Катилинариях», а именно классификация всех используемых Цицероном клаузул, их статистическое распределение в речах, а также предварительные замечания об их возможной лингвосемантике.

Ключевые слова: ритм прозы; клаузулы; Цицерон; Катилинарии.

Ритм, представляющий собой чередование долгих и кратких слогов, был важным стилистическим средством в древнегреческой и латинской прозе. Ритмизации подвергался не весь текст, а только

Кошевская Анна Юрьевна — аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: castrensiana@mail.ru).

наиболее значимые части периода (как правило, начало и конец). Этот прием довольно древний: по крайней мере, к V в. до н.э. (времени расцвета классической аттической прозы) ритмизация текста использовалась уже регулярно и последовательно [de Groot, 2921: 18–20]. К тому же периоду относятся и первые теоретические сочинения о ритмике прозы, среди которых наибольший авторитет получила «Риторика» Аристотеля.

Приблизительно к рубежу II—I вв. до н.э. благодаря распространению аттического красноречия прием ритмизации прозы проникает в древнеримскую риторiku. На римской почве ритм выходит на новый виток развития: начиная с середины I в. до н.э. большинство ораторов приняло за образец сочинения Цицерона, который, в свою очередь, был не только практиком, но и теоретиком красноречия. К сожалению, последующие века стали закатом для ритмизации латинской прозы: из-за начавшегося во II в. н.э. разрушения системы латинского вокализма¹ [Тронский, 2011: 65–66, 94] стерлось различие между долгими и краткими слогами, что сделало фактически невозможными не только использование этого приема на практике, но и какие-либо научные наблюдения за ритмикой прозы.

Забвение ритма прозы продлилось почти полторы тысячи лет: первые попытки его системного научного описания относятся к рубежу XIX–XX столетий. Именно тогда формируются основные подходы к изучению ритмики прозы. Прежде всего, это концепция Фаддея Францевича Зелинского (1859–1944) — единственного² на сегодняшний день отечественного исследователя в этой области, создавшего весьма сложную³ систему описания клаузул — конечных частей периода. Не менее важен и подход Альберта Виллема де Гроота (1892–1963), первым разработавшего методику статистического изучения ритма прозы. Так или иначе все позднейшие работы могут быть сведены к одному из указанных подходов; разумеется, предпринимались попытки создания самостоятельных теорий, но ни одна не получила широкого распространения.

¹ Некоторые исследователи объясняют этот процесс иначе: вполне возможно, что фонологическая оппозиция латинских слогов по долготе и краткости изначально поддерживалась только количественным характером метрики и ритмики [Кузнецов, 2006: 43]; в таком случае падение латинских долгот связано с изменениями не в системе вокализма, а в ритмике слова и фразы.

² Среди отечественных работ, посвященных этой теме, необходимо также назвать отдельные статьи А.Е. Кузнецова [Кузнецов, 2007: 198–201; Kuznetsov, 2010: 117–130]; к сожалению, исследования в этой области продолжены не были.

³ В силу сложности система описания клаузул Зелинского не используется никем из его последователей. Впрочем, определенные недостатки нотации и теоретической базы, многократно и подробно описанные его оппонентами (например, Борисом Васильевичем Варнеке (1874–1944), Вальтером Шмидом (1910–1997) и др.), не помешали Зелинскому прийти ко вполне правдоподобным результатам и в целом верным выводам.

В настоящее время исследование ритмики древнегреческой и латинской прозы переживает период стагнации: работы последних лет посвящены скорее адаптации текстов к машинному анализу, нежели изучению природы античной метризованной прозы [Keeline, Kirby, 2019: 161–162]. Большинство теоретических сочинений по этой теме — работы двадцати–тридцатилетней давности, представляющие собой, в основном, компиляции нескольких более старых теорий [Кнарр, 2015: 40–48]. С другой стороны, намечается тенденция к возвращению к древнейшим теориям, описанным в трактатах Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана и др. — но их теоретические положения об использовании ритма в прозе почти не подвергаются критической переработке, являясь для современных ученых методом, но не объектом исследования⁴. В такой ситуации кажется необходимым создание нового метода описания ритмических структур в латинской прозе, который предлагается автором настоящей статьи.

Предлагаемый метод описания клаузул нельзя назвать новаторским в плане нотации: данный подход опирается на способ описания ритма прозы, представленный в сочинениях Цицерона, Квинтилиана, Дионисия Галикарнасского и др. По этой причине наш подход имеет много сходств с подходом Г. Гатчинсона [Hutchinson, 1995: 485–486], но опирается на иные теоретические предпосылки.

Прежде всего, наш подход отличается от большинства других тем, что в его рамках ритм прозы считается стилистическим средством, а не автоматическим процессом или результатом действия каких-либо фонетических законов. Другими словами, ритмизация прозы полностью произвольна, подчинена только воле оратора, а следовательно — обладает неким значением. Значения ритма, по всей видимости, аналогичны значениям современных знаков препинания (<...> καὶ δὴ λην εἶναι τὴν τελευτὴν μὴ διὰ τὸν γραφέα, μηδὲ διὰ τὴν παραγραφὴν, ἀλλὰ διὰ τὸν ῥυθμόν. (*Arist. rhet. 1409a*) «<...> и конец должен быть ясно обозначен не писцом и не знаком [препинания], а ритмом⁵»). Традиция, восходящая к Аристотелю, не считает отдельные колоны и коммы полноценными ритмическими единицами [Москвин, 2019: 283–286], так как ритм должен служить членению сложных синтаксических структур; тем не менее не вызывает сомнений то, что ритмизации могут быть подвергнуты и сравнительно короткие части предложения по той причине, что сложность периода и его длина являются независимыми друг от друга единицами [Антонец, 2017: 12].

Эта предпосылка предопределяет основную цель нашего исследования — выяснить, какими значениями могут обладать ритмиче-

⁴ В качестве примера можно привести, например, ритмический комментарий к «Катилинариям» в издании Э. Дика [Cicero, 2008: 245–246].

⁵ Здесь и далее переводы цитат из сочинений древнегреческих и латинских авторов выполнены автором настоящей статьи.

ские структуры, как они функционируют в тексте, отличаются ли значения у разных ритмических комбинаций и т.д. Для достижения этих целей необходимо создать систему нотации, которая бы была наиболее удобной для решения промежуточных задач — описания ритмических структур, статистических расчетов и т.д.

Главную проблему при выделении ритмических структур в тексте составляют особенности латинского произношения, а именно, наличие в латинском языке двух разных произносительных систем для стихотворных и прозаических произведений. Чтение поэтических латинских текстов подчинено специфическим правилам, а именно:

- элидируются гласные в зияниях на стыках слов (вторая для формы *est* и первая во всех остальных случаях);
- элидируются сочетания типа «гласный + m» перед гласной на стыке слов;
- слоги, начинающиеся с придыхания (h), считаются неприкрытыми;
- последний слог слова, оканчивающийся на одиночный согласный, в позиции перед гласной считается открытым.

Большинство латинских грамматик указывают на то, что эти правила не действуют в прозаической речи, но, с другой стороны, характер аутентичного латинского произношения достоверно неизвестен — не исключено, что многие звуки подвергались элизии и в прозаической речи. На это косвенно указывает тот факт, что с самого зарождения этого стилистического приема между стихотворным метром и прозаическим ритмом не было существенной разницы в плане произношения или звучания [Белов, 2015: 8–9]. Так или иначе, в своем исследовании мы размечаем стопы сообразно правилам чтения латинских стихов: даже если правила произношения в стихах и прозе были различны, кажется несомненным, что модуляция фразы между этими регистрами не создавала бы проблемы для носителей латинского языка — как для говорящего, так и для слушателя.

Изучение ритмической организации текста принято начинать с изучения клаузул — конечных частей периода. Большинство древних теоретиков красноречия указывает на то, что клаузулы подвергались большей риторической обработке по сравнению с другими частями периода; кроме того, в античных трактатах наиболее подробно описаны только конечные части периода, а о структуре начальных не говорится почти ничего. Важно отметить, что для начальных частей периода нет и устоявшегося названия, в то время как клаузула — полноценный и довольно распространенный античный термин.

Структура клаузулы выделяется согласно описанию Квинтилиана (*Nec solum refert quis cludat pes, sed cludentem quis antecadat. Retrorsum autem neque plus tribus, iique si non ternas syllabas habebunt, repetendi erunt (absit tam poetica obseruatio), neque minus duobus (alioqui pes*

erit, non numerus) (*Quint. inst. IX 94–95*) — «Важна не только та стопа, которая «закрывает» [клаузулу. — А.К.], но и та, которая предшествует «закрывающей». Однако возвращаться таким образом нужно не далее третьей стопы (и только если в них менее, чем по три слога) — такая поэтическая точность не нужна, но и не ближе второй от конца — иначе это будет просто стопа, а не ритм»: т.е. *каждая клаузула состоит из двух стоп, к которым примыкает еще одна* (третья, если считать от конца фразы). Использование метра в этой третьей стопе факультативно — Квинтилиан не рекомендует увлекаться ритмизацией прозы дальше, чем на шесть слогов от конца, так как в противном случае получатся стихи.

Изучение этой «третьей стопы» тоже можно считать инновацией предлагаемого метода: исследование ритма, предшествующего клаузуле, позволит точнее понять его динамику, определить специфику ритма наиболее значимых частей периода и, возможно, определить возможные конфигурации «нейтрального» ритма.

Таким образом, ритм конца периода состоит из двух элементов: зачина — вариативного элемента, представляющего собой какую-либо стопу⁶, либо одну или две моры (один или два кратких либо один долгий слог), либо вовсе отсутствующий, и собственно клаузулы — двух стоп (или реже — одной стопы), представляющих собой от трех до шести последних слогов фразы. В нормальном случае клаузула может состоять из комбинации кретики (этой стопе присваивается индекс С), трохея (индекс — Т) и спондея (индекс — S); усечение стоп в коммах, распускание долгих слогов, а также замена кратких слогов долгими создает новые ритмические последовательности, расширяя ритмический инструментарий оратора. Единичные случаи распускания долгих слогов не выделяются в отдельные типы клаузул (распущенными долгими мы считаем только те случаи, которые подчиняются так называемому *гармоническому закону* Ф.Ф. Зелинского [Zielinski, 1904: 28], т.е. только если первый из двух кратких несет на себе словесное ударение). Если же распускание повторяется в одной и той же позиции многократно, следует задуматься о целесообразности выделения этой последовательности в самостоятельный тип клаузулы.

Такой подход позволяет выделить в целом корпусе текстов довольно компактный набор клаузул, представленный 13 типами структур, по всей видимости, составляющими весь ритмический инструментарий оратора в более или менее полном виде.

⁶ Здесь и далее термин *стопа* и названия метрических стоп употребляются по отношению к прозаическому ритму условно; строго говоря, элементы прозаического ритма вообще не являются метрическими стопами, а только подобны им по своей структуре. В предлагаемой методологии это обозначение сохраняется по традиции (ибо таким образом клаузулы описывались со времен Аристотеля), а также для удобства.

Другой важной предпосылкой предлагаемого метода является изучение ритма прозы как динамично развивающейся системы: как эмпирический материал, так и античные теоретические сочинения указывают на то, что ритмика во подвергалась постоянным изменениям, связанным как с личными эстетическими воззрениями оратора, так и со своего рода модой на конкретные клаузулы: *Noueram quosdam qui se pulchre expressisse genus illud caelestis huius in dicendo uiri sibi uiderentur, si in clausula posuissent "esse uideatur"* (*Quint. inst. X 18*) — «Я знал некоторых, которые себе казались вполне воплотившими собой самое характерное от этого божественного в своем красноречии мужа [т.е. Цицерона. — А.К.], если ставили в клаузулу "essē uideātur"». Исходя из этой гипотезы, некоторые виды клаузул мы считаем исходными (простыми и существовавшими, по всей видимости, изначально), а некоторые — производными от них (образованные посредством распушений, сокращений или удлинений слогов, усечений и т.п.).

При таком подходе в корпусе «Катилинарий» выделенные 13 типов клаузул можно разделить на следующие группы:

1. Первичные, или простые клаузулы. К этому классу относятся клаузулы с выраженным чередованием долгих и кратких слогов. Такие клаузулы составлены из двух дву- или трехсложных стоп, из которых используются трохей, спондей и кретик. Такие клаузулы названы первичными, или простыми по той причине, что они не могут быть упрощены до более простых ритмических последовательностей; напротив, этот класс является порождающим для так называемых производных и тяжелых клаузул. Кроме того, этот тип — наиболее частотный в латинской прозе: так, к этому классу относятся более чем две трети клаузул в «Катилинариях».

К первичным клаузулам относятся *dumpoxeū* (— ∪ — x⁷, индекс ТТ; напр., ... *ignōrāre arbītrāris?* (*Cic. Cat. I 1*), ... *in bellum uīdēbam?* (*Cic. Cat. II 14*), ... *fortūnasquē uestras* (*Cic. Cat. IV 3*); этому типу соответствуют почти 27% всех клаузул «Катилинарий»⁸), *кретик+mpoxeū* (— ∪ — — x, индекс СТ; напр., ... *fortūnā seruāuit.* (*Cic. Cat. I 25*), ... *dēseruērunt, pertīnescendos.* (*Cic. Cat. II 5*), ... *salui essē possēmus.* (*Cic. Cat. III 3*); около 28% от общего числа), *mpoxeū+кретик* (— ∪ — ∪ x, индекс ТС; напр., ... *uīdēam plānēquē sentīam.* (*Cic. Cat. I 8*), ... *nōn in*

⁷ Последний слог любой клаузулы условно считается долгим (так как именно долгим советуют завершать клаузулы Аристотель (*Arist. rhet. 1409a*) и Цицерон (*Cic. orat. 194*)), однако это условие необязательно, и в целом долгота последнего слога безразлична (*Cic. orat. 218*); напр., по этой причине в позиции последней стопы клаузулы нейтрализуются кретик [— ∪ —] и дактиль [— ∪ ∪] (*Quint. inst. IX 104*); в целом же анцепс клаузулы отличается от анцепса в поэтических стопах тем, что касается именно *слога*, а не доли конкретной стопы [Devine, Stephens, 1994: 52].

⁸ Здесь и далее приводятся статистические данные, полученные автором статьи при анализе «Катилинарий».

haec **castrā confēret**. (*Cic. Cat. II 14*); около 5,5% от общего числа), **кретик+кретик** (— ∪ — — ∪ х, индекс СС; напр., ... uicīnī quīdem **proxīmī sentīant**. (*Cic. Cat. II 21*), ... incensis **fūtūrum fūit?** (*Cic. Cat. IV 17*); 10%), **спондеи+кретик** (— — — ∪ х, индекс SC; напр., ... propāgārit **rēi publicae**. (*Cic. Cat. II 11*), ... patres conscriptos **dētūli**. (*Cic. Cat. II 12*); около 7%).

2. Тяжелые клаузулы. К этому типу относятся клаузулы, производные от первичных и образованные от них путем удлинения последнего из предшествующих анцепсу краткого слога. Для них характерны длинные (не менее четырех слогов) последовательности долгих. Хотя тяжелые клаузулы не упоминаются большинством древних теоретиков красноречия, эта разновидность клаузул довольно древняя, и ко времени Цицерона прочно закрепившаяся в ритмическом инструментарии ораторов. Отличительной чертой тяжелых клаузул (и возможной причиной их «замалчивания» по сравнению с другими типами клаузул) является их явная коннотация с серединой периода, а не с его концом: с одной стороны, довольно часто (почти в 10% всех случаев) «нетяжелым» клаузулам предшествует именно длинная последовательность долгих (напр., ... o praeclāram laudem consūlātus mēi! [— — — — — (— ∪ — — ∪ х)] (*Cic. Cat. II 10*)), а с другой, тяжелые клаузулы очень редко завершают логические сегменты текста (напр., параграфы или абзацы), употребляясь только в их середине и указывая, таким образом, на продолжение мысли.

К тяжелым клаузулам относятся **диспондеи** (— — — х, индекс SS; напр., ... eum sēnātōr **appellāuit?** (*Cic. Cat. II 12*); примерно 3,5% от общего числа), **молосс+спондеи**⁹ (— — — — х, индекс MS; напр., ... Metellum praetōrum **uēnistī**. (*Cic. Cat. I 19*); менее 1% от общего числа), **кретик+молосс** (— ∪ — — — х, индекс CM; напр., ... mentibus **paucā respondēbo**. (*Cic. Cat. I 29*); около 2% от общего числа).

3. Производные клаузулы. Это структуры, сводимые к какой-либо первичной клаузуле и образованные от нее распушением долгого слога либо усечением клаузулы до одной стопы, не упоминаемые древней традицией либо упоминаемые как частный случай первичной клаузулы, но встречающиеся в текстах регулярно и сформировавшие собственный лексический и морфологический состав и специфическое членение.

Производные клаузулы можно условно разделить на два подтипа: образованные усечением до одной стопы (**кретик** (— ∪ х, индекс С; напр., ... non fēram, non pātīar, **non sīnam**. (*Cic. Cat. I 10*); единичные случаи), **энипум** (— — ∪ х, индекс Е; напр., ... pātent portae; **prōffiscēre** [∪∪ — ∪ х]. (*Cic. Cat. I 10*); примерно 6% от общего числа), **ионик** (∪ ∪ — х, индекс IO; в «Катилинариях» этот ритм

⁹ Различие между диспондеем и молоссо-спондеем состоит в особенностях словораздела и положения цезуры.

не употребляется как самостоятельная клаузула, а только в составе героической [— ∪ ∪ — x], однако эта структура соответствует единственно возможному словоразделу: напр., ... *imprōbum quin fātēatur*. (Cic. Cat. I 30), ... *atque inānem rēliquerunt*. (Cic. Cat. II 12)) и образованные распушением долгого. К последним относятся клаузулы типа *тpoxей+ионик* (— ∪ ∪ ∪ — x, индекс ТЮ; напр., ... *uindicāta essē uīdēatur*. (Cic. Cat. I 14), ... *pērīrē uōlūerunt*. (Cic. Cat. IV 14); более 6% от общего числа) и тип *дактиль+эну́мпу́м* (— ∪ ∪ — — ∪ x, индекс DE; напр., ... *consūlis corpōrē dēfigēre*. (Cic. Cat. I 16), ... *inuīdiām postērītātis tīmes*? (Cic. Cai. I 28); приблизительно 1% от общего числа клаузул).

Клаузулы, относящиеся к последним двум группам (за исключением, пожалуй, клаузул типов «тpoxей+ионик» и «дактиль+эпитрит») большинство исследователей считает неритмизованными клаузулами [Hutchinson, 1995: 492–493]. Эта позиция вполне рациональна (так как клаузулы этих типов имеют иную структуру по сравнению с первичными, а кроме того, почти не упоминаются античными теоретиками), но мы придерживаемся мнения, что нестандартная ритмика конца фразы не менее значима, чем традиционные клаузулы, и попросту нуждается в особом изучении.

Кроме того, важной особенностью методологии нового подхода к изучению ритмики латинской прозы является особое внимание к лексико-грамматическому наполнению клаузул: одним из обязательных параметров является анализ частотности употребления тех или иных лексем и грамматических форм в составе клаузул. Этот аспект позволит реконструировать механику порождения ритмических узоров в тексте и прояснит структуру и состав ритмического инструментария оратора.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть значимость изучения ритма прозы для развития самых разных направлений классической филологии: предложенный в настоящей статье метод может быть полезен не только для критики текста, на что не раз указывали ранние исследователи прозаического ритма [Zielinski, 1904: 3–4], но и для изучения стилистики латинского языка, в том числе в диахроническом аспекте. Немаловажно и то, что новый метод позволяет исследовать древнее стилистическое средство в рамках современных теорий, так как ставит основной целью изучение ритма прозы как средства членения текста — то есть метатекстовой функции ритма.

Список литературы

1. Антонец Е.В. К вопросу о структуре сложного периода в речах Цицерона // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2017. № 21. С. 7–25.
2. Белов А.М. Древнегреческая и латинская просодика. Мора, ударение, ритмика. М., 2015. 460 с.

3. Кузнецов А.Е. Латинская метрика. Тула, 2006. 490 с.
4. Кузнецов А.Е. Ритмика фрагмента “De Bellis Macedonicis” // Индо-европейское языкознание и классическая филология. 2007. № 11. С. 198–201.
5. Москвин В.П. Ритм и язык. Стилистическое исследование. М., 2019. 328 с.
6. Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. М., 2011. 320 с.
7. Cicero. Catilinarians. Edited by Andrew R. Dick. Cambridge, 2008. P. 245–246.
8. Devine A.M., Stephens, Laurence D. The prosody of Greek speech. N.Y., 1994. 565 p.
9. Groot A.W. de. Der antike Prosarhythmus. Zugleich Fortsetzung des Handbook of Antike Prose-Rhythm. Groningen, Haag, 1921. 114 S.
10. Hutchinson G.O. Rhythm, Style, and Meaning in Cicero’s Prose. The Classical Quarterly, New Series, 45 1995 Nr. 2, P. 485–499.
11. Keeline T., Kirby T. Auceps syllabarum: A Digital Analysis of Latin Prose Rhythm. Journal of Roman Studies, 109, 2019. P. 161–204.
12. Knapp R. Der Prosarhythmus als Stilmittel: Eine Untersuchung an Ciceros “De natura deorum” mit statistischer Auswertung und Softwareentwicklung. Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades. Salzburg, 2015. 346 S.
13. Kuznetsov A.E. A rhythmical arrangement of the fragmentum de bellis macedonicis // Bulletin of the American Society of Papyrologists. 2010. Vol. 47. P. 117–130.
14. Zielinski Th. Das Clauselgesetz in Ciceros Reden. Grundzüge einer oratorischen Rhythmik. Leipzig, 1904. 271 S.

Anna Koshevskaya

**A NEW METHOD OF DIFFERENTIATING CLAUSES
IN CICERO’S PROSE:
A RHYTHM ANALYSIS OF CATILINIANS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Greek and Latin prose rhythm remains an underexplored phenomenon. After more than 150 years of study, the early works are considered to be the most complete and competent even in contemporary scholarship. These circumstances force us to create new ways of studying prose rhythm. The new method we propose is based on ancient prose rhythm theories, primarily on Quintilian’s “Institutio oratoria” and Cicero’s “Orator” and “De oratore”. The novelty of the method consists in studying prose rhythm as a stylistic device that can be used at the speaker’s discretion, and not as a mechanical phonetic law (as was studied by Zielinski and de Groot), then in studying prose rhythm as a dynamical system that develops constantly. This system is not the same for different ages and even for different authors, but changes in a course of time due to an orator’s feel and preferences and, very likely, due

to a kind of order of the day. The new method helps solve traditional problems of classical studies and study prose rhythm from the standpoint of modern linguistics.

Key words: prose rhythm; clausulae; Cicero; Catilinarians.

About the author: Anna Koshevskaya — PhD Student, Department of Classical Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: castrensiana@mail.ru).

References

1. Antonets E.V. K voprosu o strukture slozhnogo perioda v rechakh Tsitserona [On the structure of complex periods in Cicero's speeches]. *Indo-European Linguistic and Classical Philology*. 2017. № 21, pp. 7–25.
2. Belov A.M. Drevnegrecheskaya i latinskaya prosodika. Mora, udarenie, ritmika [Ancient Greek and Latin prosody. Mora, accent, rhythm]. Moscow, *Academia Publ.* 2015, 460 p.
3. Kuznetsov A.E. Latinskaya metrika [Latin metrics]. Tula, *GRIF i K Publ.* 2006. 490 p.
4. Kuznetsov A.E. Ritmika fragmenta “De Bellis Macedonicis” [A rhythm of fragmentum of “De Bellis Macedonicis”]. *Indo-European Linguistic and Classical Philology*. 2007. № 11, pp. 198–201.
5. Moskvina V.P. Ritm i yazyk. Stilisticheskoye issledovanie [Rhythm and language. Stylistic research]. Moscow, *FLINTA Publ.* 2019. 328 p.
6. Tronsky I.M. Istoricheskaya grammatika latinskogo yazyka [A historical latin grammar]. Moscow, *URSS*, 2011. 320 p.
7. Cicero. *Catilinarians*. Edited by Andrew R. Dick. Cambridge, 2008, pp. 245–246.
8. Devine A.M., Stephens, Laurence D. *The prosody of Greek speech*. New York, Oxford University Press, 1994. 565 p.
9. Groot A.W. de. *Der antike Prosarhythmus*. Zugleich Fortsetzung des Hand-book of Antique Prose-Rhythm. Groningen, Haag, 1921. 114 S.
10. Hutchinson G.O. Rhythm, Style, and Meaning in Cicero's Prose. *The Classical Quarterly*, New Series, 45 1995 Nr. 2, pp. 485–499.
11. Keeline T., Kirby T. Auceps syllabarum: A Digital Analysis of Latin Prose Rhythm. *Journal of Roman Studies*, 109, 2019, pp. 161–204.
12. Knapp R. Der Prosarhythmus als Stilmittel: Eine Untersuchung an Ciceros “De natura deorum” mit statistischer Auswertung und Softwareentwicklung. *Diplomarbeit zur Erlangung des Magistergrades*. Salzburg, 2015, 346 S.
13. Kuznetsov A.E. A rhythmical arrangement of the fragmentum de bellis macedonicis. *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. 2010. Vol. 47, pp. 117–130.
14. Zielinski Th. *Das Clauselgesetz in Ciceros Reden. Grundzüge einer oratorischen Rhythmik*. Leipzig, 1904, 271 s.

Е.В. Соколова

**«НА САМОМ?»: 1913 ГОД В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ
СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЫ**

(Флориан Иллиес и В.Г. Зебальд)

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт научной информации по общественным наукам РАН
117418, Москва, Россия, Нахимовский пр., 51/21*

В статье исследуются способы отражения культурно-исторической реальности 1913 г. в художественных текстах немецкой литературы конца XX — начала XXI в., недавно переведенных на русский язык. «Точкой отсчета» служит роман «Головокружения» (1991) В.Г. Зебальда (1944–2001), в котором 1913 г. представлен особым пунктом исторического развития человечества, годом поворота, когда, вероятно, складывался и закреплялся тот ход Большой Истории, который через две мировые войны продолжал вести человечество к «апокалипсису» — как это виделось В.Г. Зебальду из конца 1980-х годов. В «Головокружениях» неявно фигурирует также и год грядущего «апокалипсиса», визионерски помещенный писателем в далекий тогда еще 2013 г. С опорой на указанный претекст далее сопоставляются друг с другом две книги современного литературного критика и эссеиста Ф. Иллиеса. Ракурс сопоставления задается смелым решением переводчика второй книги Виталия Серова, сделавшего в русском заглавии существенный шаг в сторону от основного смысла заглавия немецкой книги. Предпринятое далее сопоставление друг с другом обеих книг Флориана Иллиеса в русле фрейдовского «анализа ошибочных действий», показывает, что при очевидном сходстве поэтик этих двух книг, несомненно, испытывавших воздействие также поэтики В.Г. Зебальда, между ними имеются и существенные различия, которые можно отнести к области социологии и психолингвистики. В целом, взгляд писателя на 1913 г. из 2018 г. (после «апокалипсиса по Зебальду») представляется заметно более оптимистичным и «пластичным», чем его же взгляд на тот же самый год из 2012 г. (до «апокалипсиса по Зебальду»).

Ключевые слова: современная немецкая проза; 1913 г. в литературе; перевод художественной литературы; мотив апокалипсиса в литературе; В.Г. Зебальд; Ф. Иллиес.

Соколова Елизавета Всеволодовна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, зав. отделом литературоведения ИНИОН РАН (e-mail: lizak2000@mail.ru).

Как ясно видно из дня сегодняшнего, 1913 г. в мировой истории занимает особое место. Это и год великого подъема, ставший реперной точкой в социально-экономическом развитии многих стран, в частности, России (СССР), и канун Великой войны, которая разрушила четыре империи и дала старт постепенному соскальзыванию Германии в пропасть нацизма.

Ничего удивительного поэтому, что уже в XX в., по мере приближения к 2013 г. — столетнему юбилею этого поворотного пункта истории, в немецкой литературе начал формироваться новый ретроспективный образ рокового года. Поскольку прозрачные убедительные причины произошедшего тогда резкого перехода от всеобщего подъема и воодушевления к глобальной катастрофе так и не были обнаружены коллективным сознанием в рамках научных парадигм, попытки воссоздать культурную, социально-политическую атмосферу 1913 г., как и ткань его обыденной событийности во всей возможной полноте, средствами художественной литературы получили закономерное распространение — в надежде разглядеть, обнаружить какие-нибудь триггеры, спусковые крючки, знание о которых могло бы помочь удержаться от роковых ошибок уже в текущем столетии, в преддверье надвигавшегося тогда «юбилея» — в 2013 г.

Тем более, что письменных свидетельств о настроениях, культурных и социальных событиях и тенденциях в тогдашней Европе сохранилось множество: бывшие в моде литературные дневники, письма ярких писателей и художников, на которых эпоха была как-то удивительно щедра; художественные тексты, вызвавшие к жизни позднейшие историко-литературные исследования; и наконец, подборки газет, помимо событийного плана, сохранившие до настоящего времени также и атмосферу каждого дня.

«... Я сидел у окна, перелистывая тяжелые тома, в которые были переплетены веронские газеты за август-сентябрь 1913 года. Края их уже настолько истончились, что переворачивать страницы приходилось с осторожностью. Перед моими глазами разыгрывались теперь самые разные эпизоды, словно в немом кино», — говорит рассказчик одного из самых влиятельных немецкоязычных писателей 1990-х годов В.Г. Зебальда (1944–2001) в «Головокружениях» (1991) [Зебальд, 2019: 111].

В этом художественном тексте 1913 г. является несомненным временным центром, напоминающим даже воронку, куда как будто стягивается все происходящее, чтобы, претерпев трансформацию, родиться на свет заново или кануть в Лету [Соколова, 2019]: «Время тогда совершало поворот, и, как змея по траве, по бикфордову шнуру бежала искра» [Зебальд, 2019: 114].

И с этим временным центром в «Головокружениях» непосредственно связан скрытый главный персонаж — Франц Кафка

(доктор К.). 1913 г. представлен во многом именно годом Кафки, которого (как и весь мир) разрывают в ту пору невидимые противоречия: слишком много времени и сил отнимает работа в страховом обществе, мешая творить; угнетающе тяжелы отношения с отцом (в 1913 г. впервые опубликован рассказ «Приговор», представляющий квинтэссенцию этих отношений); предстоит совершенно неисполнимая (так никогда и не исполнившаяся) женитьба на Фелиции Бауэр — зато сколько к ней написано писем в тот год: целый калейдоскоп жалоб, настроений, восприятий, литературных фрагментов.

В сентябре 1913 г. Кафка берет паузу, и в попытке убежать от себя, запутавшегося в клубке проблем, отправляется в Италию, чтобы после небольшого путешествия на три недели осесть в санатории в Риве, откуда, по Зебальду, он вынесет еще одну нереализованную влюбленность, а также замысел рассказа «Охотник Гракх», увидевшего свет в не менее значимом для Европы 1917 г. Как было показано в статье о развертывании времени в «Головокружениях» [Соколова, 2019], вместе они — доктор К. и «его» 1913 г. — подобно магниту, собирают воедино весь текст, состоящий из четырех разрозненных, на первый взгляд, новелл, и в едином поле этого текста, в атмосфере нарастающей от начала к концу необъяснимой напряженности, постепенно проступает апокалипсическая картина неотвратимо грядущего конца Истории — огненного апокалипсиса, который писатель визионерским предвидением (к счастью, не оправдавшимся) поместил в далекий еще тогда 2013 г.

«1913 г.» в качестве знака сигнализирует в тексте Зебальда об остановке времени — на пике, на взлете, — но остановке, за которой неминуемо последует крушение. Это слышно и в монологе итальянца Сальваторе о постановке «Аиды» в Арена-ди-Верона с декорациями, которые в точности воспроизводят созданные для первого представления оперы в 1913 г.; и в констатации рассказчиком изменений, обнаруженных им после полувекового отсутствия в родном городке В., где год постройки «1913» маркирует дом, который полностью утратил изначальную сущность семейного, родового пространства и «превратился теперь в кемпинг» [Зебальд, 2019: 164]; и в обращении самого рассказчика к «Дневникам» Сэмюэля Пипса (1633–1703) с описанием Великого пожара в Лондоне (1666 г.), легендарного по разрушительной силе, со ссылкой именно на «издание “Библиотеки для всех” 1913 года» [Зебальд, 2019: 230].

Кульминация напряжения достигается как раз на последних двух страницах «Головокружений», где Зебальд реконструирует «Великий лондонский пожар» (по описанию Пипса), одновременно будто бы помещая его в одно из наполняющих книгу «призрачных пространств», связанных с 1913 г. Детали описания подвергаются

«сдвигу» в соответствии с выбранной перспективой, краски сгущаются, пожар превращается в Апокалипсис: единичные голуби трансформируются в «сотни мертвых голубей», чадающие вечнозеленые растения — в «факелы», разорение могилы епископа Брейбрука, исторически связанное с другим, менее значительным, пожаром, втискивается в ту же роковую точку (1666 г.) А завершает апокалиптическую картину у Зебальда (и одновременно всю его книгу «Головокружения») число 2013, стилизованное под номер очередной страницы (действительно весьма объемных «Дневников» С. Пипса), за которым следует слово «конец»:

— 2013 —
*Конец*¹

И представляет собой, по-видимому, не что иное, как новый «знак апокалипсиса», к которому человечество, как виделось Зебальду из конца 1980-х годов, довольно уверенно двигалось в период его работы над «Головокружениями», причем со скоростью, которая делала вполне вероятным достижение «цели» к 2013 г.

«Странно... — подмечает несколько ранее его персонаж Сальваторе, — как в тот год все вообще словно стягивалось в одну точку, где любой ценой нечто должно было произойти» [Зебальд, 2019: 120].

Что же? Попытка развернуто ответить на этот вопрос центрирует две другие, относительно недавние книги, несомненно навеянные опытом В.Г. Зебальда как стилистически и эстетически, так и методологически. Их автор принадлежит уже к следующему поколению немецких писателей: это активный в настоящее время художественный критик и публицист Флориан Иллиес (р. 1971).

В 2012 г. он выпустил свой главный бестселлер «1913. Der Sommer des Jahrhunderts» [Illies, 2012]. Годом позже книга вышла по-русски в переводе С. Ташкенова под заглавием «1913. Лето целого века» [Иллиес, 2013]. А еще через 6 лет, в 2018 г., последовало продолжение: «1913 — Was ich unbedingt noch erzählen wollte» [Illies, 2018] («Что я непременно хотел бы добавить»), изданное недавно в русском переводе Виталия Серова, правда, почему-то под заголовком «1913. Что я на самом деле хотел сказать» [Иллиес, 2020].

Неожиданное переводческое решение, на первый взгляд, уводит далеко в сторону от оригинала. Как будто дело не в том, что в первую книгу автор сумел вместить далеко не все, что можно было сказать об этом удивительном годе, и теперь захотел дополнить сказанное ранее (такую смысловую нагрузку несет немецкое заглавие), а в том,

¹ [Зебальд, 2019: 232].

что по каким-то причинам в первой книге он написал совсем не то, что хотел (или не то, что должен был), а сейчас считает необходимым высказать наконец то, что изначально и собирался. Или как будто имела место ложь, которая нуждается в опровержении... Поскольку последнее предположение совсем не соответствует авторской интенции оригинала, русское заглавие воспринимается как странная аберрация языкового сознания, «оговорка по Фрейду», отражающая, возможно, не вполне осознаваемый коллективный запрос на правду о происходящем.

Но «слово не воробей», и раз уж «оговорка» (смелое переводческое решение) имела место, в ней должен быть скрытый смысл, который мы попробуем обнаружить, поскольку не стоит «недооценивать незначительные признаки» [Фрейд, 1989: 14] и, вообще, «в научной работе перспективнее обратиться к изучению того <...> что более доступно для исследования», а если делать это «достаточно основательно, непредвзято и терпеливо, то <...> даже такая весьма неприятная работа может открыть путь к изучению великих проблем, поскольку, как всё связано со всем, так и малое соединяется с великим» [Фрейд, 1989: 14–15]. Подход нам подсказан еще и тем, что сам «автор метода», основанного на анализе «ошибочных действий» (включая оговорки), Зигмунд Фрейд, — очень заметная фигура в первой книге Ф. Иллиеса, как и во всем культурном ландшафте 1913 г. Ведь именно тогда, в книге «Тотем и табу» (1913), основатель психоанализа впервые представил общественности оригинальное обоснование для расширения области применимости психоаналитического метода с индивидуального субъекта на коллективный, — книге, ставшей к тому же «камнем преткновения» в его отношениях с самыми известными учениками.

В поисках скрытого смысла «оговорки» сопоставим два образа 1913 г. в восприятии одного и того же человека, литературного критика и публициста Флориана Иллиеса. Его видение поворотного 1913 г. из 2012 г. (до «апокалипсиса по Зебальду» [Sutton, 2013]) сравним с его же видением того же самого года из 2018 г. (после «апокалипсиса по Зебальду»). При таком подходе «взгляд из 2018 г.» может и вправду интерпретироваться как отражающий бывшее в определенном смысле «на самом деле» (по Зебальду): ибо все прочее, неподлинное, (уже) поглощено «апокалипсисом».

«Лето целого века» и его сиквел 2018 г. структурно и стилистически очень похожи. Обе книги построены как мозаичные панно, разделенные на сектора-главы (12, по месяцам, в первом случае, и четыре, по временам года, во втором). Главы (в обеих книгах) представляют собой коллажи из текстовых фрагментов, аккумулирующих

(в художественной форме) сведения из разных документальных источников (дневники, письма, исследования). Фрагменты текста вполне по-зебальдовски [Steinaecker, 2007] перемежаются черно-белыми фотографиями персонажей эпохи, тех или иных относящихся к реконструируемому событийному ряду мизансцен. Создавая из «чужих» элементов собственную мелодию (совершенно в духе постмодернизма), автор в обеих книгах разворачивает многоуровневую панораму культурной жизни Европы в 1913 г. Но мелодия эта в первой и во второй книгах звучит по-разному: как будто в разных тональностях.

Содержание каждой главы в обеих книгах концентрированно отражено в первых абзацах, напоминающих развернутые подзаголовки европейского рыцарского или плутовского романа (таков, например, «Симплиссимус»). Они хорошо иллюстрируют также и принцип организации всего текста.

Январь 1913 г. в первой книге Ф. Иллиеса: «Это месяц, в котором Гитлер и Сталин встречаются, гуляя по парку дворца Шёнбрунн, Томасу Манну грозит аутинг, а Францу Кафке — сойти с ума от любви. К Зигмунду Фрейду на кушетку забирается кошка. Очень холодно, снег скрипит под ногами. Эльзе Ласкер-Шюлер не на что жить, она влюбляется в Готфрида Бенна, получает от Франца Марка открытку с лошадьми и обвиняет Габриэль Мюнтер в ничемности. Эрнст Людвиг Кирхнер рисует кокоток на Постдамской площади. Выполнена первая мертвая петля. Но все тщетно. Освальд Шпенглер уже пишет “Закат Европы”» [Иллиес, 2013: 6].

А вот Зима 1913 г. во второй книге: «Максим Горький на Капри обгорает на солнце. Пантера Петер охотится на тигра Теобальда. Герман Гессе горюет без зубного врача, а Пуччини не желает участвовать в дуэли. На небе появляется новая комета, Распутин сводит с ума русских женщин. Марсель Пруст никак не может найти издателя для своей книги “В поисках утраченного времени”. Доктор медицинских наук Артур Шницлер занимается своим самым сложным пациентом — современностью. Огнеглотатель из Панкова (Берлин) становится королем Албании. Всего на пять дней. Но все-таки королем» [Иллиес, 2020: 6].

Бросается в глаза, что в первом варианте перед нами парад «тяжеловесов» истории (Гитлер, Сталин) и культуры (Томас Манн, Кафка, Фрейд и Освальд Шпенглер), а фоном выступает самое влиятельное художественное направление эпохи — экспрессионизм (Э. Ласкер-Шюлер и Г. Бенн; Ф. Марк, Г. Мюнтер, Э.Л. Кирхнер). Во втором — будни персонажей куда более загадочных, сложных, пластичных, неоднозначных (Распутин, М. Горький, М. Пруст,

Курт Тухольский², А. Шницлер). А завершающему первый абзац в [Иллиес, 2013] «Закату Европы» во второй книге соответствует возможность стать королем: «Всего на пять дней. Но все-таки королем» [Иллиес, 2020: 6]. Атмосферное различие налицо: второй текст сразу кажется более гибким и сложным, в нем больше места для действия и надежды, а также — для плутовства, игры (не случайно именно во второй книге Эрнст Цермело «впервые формулирует теорию игр» [Иллиес, 2020: 15]).

А как поживает в обеих книгах, например, Франц Кафка, олицетворявший этот год у В.Г. Зебальда? В [Иллиес, 2013] Кафка «уезжает из Праги лечить отчаяние и “неврастению”» [Иллиес, 2013: 190], по пути (как и у Зебальда), из угрюмой дождливой Венеции, сообщает Фелиции Бауэр, что им «надо расстаться» [Иллиес, 2013: 191], а в дневнике признается в желании предаваться одиночеству «до бесчувствия», со всеми рассориться и ни с кем не разговаривать [там же]. Неудивительно, что по прибытии в Риву (22 сентября) он «чувствует в себе пустоту и смущение» [Иллиес, 2013: 191], проходит в санатории курс психотерапии и (от безысходности?) влюбляется в «маленькую швейцарку, похожую на итальянку» [там же], соседку по столу, чтоб хоть на десять дней отдать себя «на волю ни к чему не обязывающей простодушной влюбленности» [Иллиес, 2013: 192].

А вот в версии 2018 г. Кафка уже не изнемогает от тоски и не предается иррациональному отчаянию, хотя временами плачет [Иллиес, 2020: 162]. Его тончайшая восприимчивость получила новое направление — постижение эпохи: «Кафка осознает, что на дворе особенный год», он даже отправляет из Ривы «открытку своей сестре Отгле», где «просит ее раздобыть для него проспект книги “1913 год”»³ [Иллиес, 2020: 138]. Его «итальянское путешествие» благополучно завершается: прибыв на один день в Мюнхен, Кафка, лежа в своем номере в гостинице «Мариенбад», вполне приземленно «думает, не поменять ли ему номер, потому что тут так мешает шум лифта» [Иллиес, 2020: 146] и «на следующий день уезжает в Прагу» [там же: 145].

² Петер Пантер и Теобальд Тигер — псевдонимы немецкого журналиста и писателя Курта Тухольского (1890–1935), «которым он хранил верность всю жизнь» [Иллиес, 2020: 23]. А то, что с ними «произошло» в приведенном абзаце русского перевода, — еще одно смелое переводческое решение В. Серова, возможно, оправданное. Заметим кстати, что его перевод этой книги в 2020 г. был удостоен престижной «Переводческой премии “Мерк”» (Центра немецкой культуры им. Гёте, Посольства Германии в России и концерна «Мерк») в области художественного перевода с немецкого языка (номинация: «Беллетристика»).

³ Имеется в виду книга Даниэля Заразона «1913 год», которая начинается лаконичной констатацией: «Вероятно, мы живем в самое интересное и волнующее время из всех времен» (цит. по: [Иллиес, 2020: 138]).

А Зигмунд Фрейд? В [Иллиес, 2013] он играет весьма важную роль и появляется в первом же фрагменте, поскольку с ним связана драматическая сюжетная линия: не сумев, по-видимому, и сам устоять против прорыва бессознательного в «Тотеме и табу», Фрейд продолжает исследовать тему отцеубийства в стремлении распространить найденные механизмы на области социального и религиозного, и при этом встречается непонимание учеников, включая К.Г. Юнга [там же]. Как раз в сентябре, в Мюнхене, куда скоро приедет прошедший курс психоанализа Франц Кафка, Зигмунд Фрейд переживает окончательный разрыв с этим своим талантливым, но чересчур строптивым учеником — в ходе IV Международного конгресса психоаналитиков, атмосфера которого, по свидетельству самого Фрейда, «утомительна и малопривлекательна» (цит. по: [Иллиес, 2020: 188]): «“Стол Фрейда” на одной стороне, “стол Юнга” на другой, в промежутке — ледяное молчание. Фрейд (отец) и Юнг (отцеубийца) практически не смотрят друг на друга — после 8 сентября 1913 года они больше никогда не увидятся» [там же]: точка поставлена.

И правда, в [там же] о Фрейде почти ни слова. «На самом деле» никто не хочет о нем говорить? Лишь раз упомянуты размышления об отцеубийстве [там же: 19], да еще дважды — его семинар в Вене, но главным образом уже как сцена совсем для другой фигуры, не-стареющей Лу Андреас Саломе, чьей жизни требуется новый «поворотный пункт» [Иллиес, 2020: 52], достойный двух предыдущих — Ницше и Рильке. Поворот происходит, а сам очарованный Фрейд, по свидетельству Лу Саломе, «очень симпатично» говоривший «о том обогащении, которое может дать бисексуальность» (цит. по: [Иллиес, 2020: 40]), похоже, отправляется в прошлое.

В целом, версия [Иллиес, 2013] заметно более суха и рациональна, в ней больше фактов; более заметны диктаторы (Гитлер, Сталин [Иллиес, 2013: 10, 21–22]) и неоспоримые тяжеловесы культурного поля (Томас Манн, Фрейд). В любовных линиях (Бенн — Эльза Ласкер-Шюлер, Оскар Кокошка — Альма Малер-Верфель) доминируют страсть, ревность, постоянно звучит мотив смерти (убийство, самоубийство), много ненависти.

В [Иллиес, 2020] и повествование, и персонажи гораздо гибче — даже те, кто проявлял нестигаемость в первой. Вместо Ленина и Сталина вводятся Распутин и Горький, Фрейда изящно сдвигает в сторону Лу Саломе, Томас Манн потеснен ради Германа Гессе. Заметно больше эмоций, они разнообразнее и человечнее: персонажи много плачут (Рильке, Кафка, Айседора Дункан), смеются, страдают от насморка, признаются в любви (Эгон Шиле, Пауль Клее, Горький), боятся провала.

Заметно различаются по атмосфере и концовки обеих книг. Если в последнем абзаце версии 2012 г. [Иллиес, 2013] Артуром Шницлером (источник: запись в его дневнике от 31.12.1913) только что продиктована «Новелла безумия» и прочитана книга «Большая война в Германии» (Р. Хук), сам он нервничал «весь день», а вечером все «играли в рулетку» [Иллиес, 2013: 259] и в таком состоянии в полночь подняли бокалы за наступающий 1914 год, то завершающий фрагмент версии 2018 г. [Иллиес, 2020] определяется совсем другим событием, и «нервное состояние» здесь сменяет «трудная» радость: сообщается о рождении младенца в австрийском императорском доме (несколько затянувшемся: из-за неимоверно длинного имени новорожденной «ей понадобилось немного больше времени на преодоление родового канала» [там же: 189]) и выражается надежда, что это «станет добрым предзнаменованием для нового, 1914 года» [там же]. Напрасной, но ведь надежды (которой почти не было места в [Иллиес, 2013]). Подводя итог, рискнем утверждать, что на смену фактографически сухому «минору», преобладавшему в [там же], в [Иллиес, 2020] приходит «осторожный мажор», не чуждый даже воодушевления. Похоже, при взгляде из 2018 г., с нашей стороны «апокалипсиса по Зебальду» [Sutton, 2013], год 1913 видится автору несколько более светлым и человечным, чем ему же казалось прежде. Если так, то причины тому следует, вероятно, искать также и в изменениях, произошедших в коллективном сознании современного человечества после 2012 г., и «на самом деле» эти перемены, возможно, более существенны, чем мы в состоянии заметить.

Список литературы

1. *Зебальд В.Г.* Головокружения / Пер. с нем. Е. Соколовой. М., 2019.
2. *Иллиес Ф.* 1913. Лето целого века / Пер. с нем. С. Ташкенова. М., 2013.
3. *Иллиес Ф.* 1913. Что я на самом деле хотел сказать / Пер. с нем. В. Серова. М., 2020.
4. *Соколова Е.В.* «Развертывание» Времени как текстопорождающий принцип у В.Г. Зебальда («Головокружения») // Человек: образ и сущность. М., 2019. № 3. С. 132–150.
5. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989.
6. *Illies F.* 1913: Der Sommer des Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 2012.
7. *Illies F.* 1913 — Was ich noch unbedingt sagen wollte. Frankfurt a.M., 2018.
8. *Steinaecker Th.* Literarische Foto-Texte: Zur Funktion der Photographien in den Texten von Rolf Dieter Brinkmann, Alexander Kluges und W.G. Sebalds. Bielefeld, 2007.
9. *Sutton I.W.G.* Sebald's apocalyptic vision: The world will end in 2013: Interview with Prof. R. Görner // NewStatesman. L., 2013. 4 July. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/2013/06/w-g-sebalds-apocalyptic-vision-world-will-end-2013> (дата обращения: 22.09.2021).

**THE YEAR 1913 IN RUSSIAN TRANSLATIONS
OF SOME ACTUAL WORKS OF GERMAN PROSE
(Florian Illies and W.G. Sebald)**

*Institute of Scientific Information of Social Sciences of Russian Academy of Sciences
51/21, Nakhimovski Pr., 117418, Moscow, Russian Federation*

The article examines the ways of reflecting cultural and historical reality of 1913 in some literary texts of German literature of the late 20th — early 21st centuries, recently translated into Russian. The novel “Vertigo” (1991) by W.G. Sebald (1944–2001), in which 1913 is presented as a peculiar historical period in the development of humankind, a turning-point, when the course of Great History, which continued to lead humankind to the “apocalypse”, was probably formed and consolidated, — as W.G. Sebald viewed it in the late 1980s. The coming “apocalypse”, visionary placed by the writer in the distant year 2013, also appears implicitly in “Vertigo”. Further, basing on the indicated pretext, two books written by the contemporary literary critic and essayist F. Illies (b. 1971) are compared with each other. The perspective of the comparison is set by the daring decision of the translator of the second book [Illies, 2020] Vitaly Serov, who has made (in the Russian title of book) a significant step away from the meaning and connotations of the title of the German original text. The undertaken comparison of the two books about 1913 moves further in line with the views on “erroneously carried-out actions” of Sigmund Freud. It shows that despite the obvious likeness between the two books, their poetics (undoubtedly influenced by W.G. Sebald) significantly differ from each other. The uncovered difference, which can probably be attributed to the field of sociology or psycholinguistics, lies in the following: in general, the writer’s view of 1913 from 2018 (after the “apocalypse according to Sebald”) seems to be noticeably more optimistic and “flexible” than his own view for the same year from 2012 (before the “apocalypse according to Sebald”).

Key words: modern German prose; 1913 in literature; problems of translation; the apocalypse in literature; W.G. Sebald; F. Illies.

About the author: *Elizaveta Sokolova* — PhD, Leading Researcher, Head of the Department of Literary Criticism, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences, Moscow (e-mail: lizak2000@mail.ru).

References

1. Sebald W.G. Golovokruzheniya [Schwindel. Gefühle]. Moscow, *Novoje Izdatelstvo*, 2019. 234 p. (In Russ.)
2. Illies F. 1913. Leto tselogo veka [1913. Der Sommer des Jahrhunderts]. Moscow, *Ad Marginem Press*, 2013. 272 p. (In Russ.)
3. Illies F. 1913. Chto ja na samom dele hotel skazat’ [1913. Was ich unbedingt noch erzählen wollte]. Moscow, *Ad Marginem Press*, 2020. 192 p. (In Russ.)

4. Sokolova E.V. “Razvertyvanije” Vremeni kak tekstoporozhdjuschij printsip u W.G. Sebald (“Golovokruzhenija”) [The “unfolding” of Time as a text-building principle in W.G. Sebald’s prose (“Schwindel. Gefühle”)]. *Chelovek: obraz I suschnost’*, 2019, № 3, pp. 132–150. (In Russ.)
5. Freud Z. Vvedenije v psihoanaliz: Lektzii [A General Introduction to Psychoanalysis. Lectures]. Moscow, *Nauka*, 1989. 456 p. (In Russ.)
6. Illies F. 1913. Der Sommer des Jahrhunderts. Frankfurt a.M., *Fischer*, 2012. 318 p.
7. Illies F. 1913. Was ich unbedingt noch erzählen wollte. Frankfurt a.M., *Fischer*, 2018. 304 p.
8. Steinaecker Th. Literarische Foto-Texte: Zur Funktion der Photographien in den Texten von Rolf Dieter Brinkmann, Alexander Kluges und W.G. Sebalds. Ph. D. thesis. Bielefeld, *transcript*, 2007. 341 p.
9. Sutton I.W.G. Sebald’s apocalyptic vision: The world will end in 2013: Interview with Prof. R. Görner. *NewStatesman*, 2013, 4 July. URL: <https://www.newstatesman.com/culture/2013/06/w-g-sebalds-apocalyptic-vision-world-will-end-2013> (accessed: 22.09.2021).

Д.Л. Куликова

**ЖАНРОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХОРРОРА
(на материале прозы А.В. Иванова)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена изучению жанровых примет хоррора в творчестве А.В. Иванова (на материале романов «Комьюнити» и «Псоглавцы»). Поднимается вопрос о терминологическом статусе страшного в современной русской литературе, рассмотрены точки зрения на статус хоррора как жанра, обсуждаются параметры, дифференцирующие фэнтези и хоррор. Показано, что для хоррора характерен набор устойчивых признаков: композиционное устройство, мотивы ужасов, хронотоп. Композиция хоррора организована по схеме, которая предполагает поэтапное включение в контекст ужасного, знакомство с ирреальным, принятие его реальности и финальную конфронтацию. Типичным пространством страшного считаются любые заброшенные места (дом, церковь), пространства сакрального (кладбища), пространства чужие и потому потенциально опасные. Однако возможно и введение в хоррор хронотопа обыденного через остранение: так, пространство современной Москвы наделяется чертами страшного. Формулы хоррора предполагают обращение к типам монструозных существ: оборотней, двойников, мертвецов и т.п. «Комьюнити» дает право говорить о приемах хоррора на уровне композиции, мотивов (двойничество, оборотничество, явление мертвецов), хронотопа (дорога, кладбище). «Псоглавцы» также изображают заброшенное пространство (кладбище, церковь, деревня, торфяные карьеры), в романе присутствуют монструозные существа (киноцефалы, оборотни), вводятся типичные мотивы ужасного: мотив предупреждения и ожившего портрета. Все это доказывает, что романы «Комьюнити» и «Псоглавцы» могут быть отнесены к жанру хоррора.

Ключевые слова: А.В. Иванов; хоррор; литература ужасов; оборотни; двойничество.

Осмысление концепта ужасного в литературе представляется теоретической проблемой современного литературоведения. Задачами настоящей статьи является рассмотрение подходов к жанровой

Куликова Дарья Леонидовна — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dasha0kulikova@yandex.ru).

интерпретации ужасного в литературе, описание признаков хоррора, которые отличают его от фэнтези, попытка определить, является ли хоррор самостоятельной единицей в иерархии жанров современной литературы.

В литературоведении не сложилась единая дефиниция жанра страшного, что проявляется в исследованиях, использующих термины *хоррор*, *триллер* (И.Ю. Онищук, Т.В. Дьякова), *фэнтези* (Р. Лахманн, Ц. Тодоров, Е.Н. Ковтун, Д.В. Пупонин и Т.В. Половинкина), *современная готика* (Е. Жаринов, Ю.Ю. Иванов, О.В. Разумовская, Х. Стренджелл), *саспенс* (А. Сорочан).

Тодоров ставит знак равенства между необычайным, фантастическим и хоррором. Е.Н. Ковтун также не разделяет фэнтези и хоррор: исследовательница строит свое рассуждение на разнице между так называемой «рациональной фантастикой» и фэнтези, а все произведения, где события и образы не могут быть объяснены рационально, относит к фэнтези. Хоррор у Ковтун — вариация фэнтезийного [Ковтун, 2008]. Аналогичную точку зрения выражают Д.В. Пупонин и Т.В. Половинкина, выдвигающие термин «темное фэнтези». Западные литературоведы, например, в большей степени склонны признавать хоррор самостоятельным жанром. Н. Кэрролл выстраивает следующую модель композиции хоррора: завязка, открытие, принятие, столкновение [Carroll, 1990: 99–110]. Х. Стренджелл также обращает внимание на особую трехчастную структуру: введение, преследование, разрушение [Strengell, 2005: 101]. Все говорят об устойчивом наборе персонажей хоррора: мертвецах, призраках, двойниках, оборотнях или иных монстрах. Как пространство страха хоррор закрепляет места, стоящие в стороне от обыденного: покинутые земли, брошенные дома, кладбища и т.п. [Prohászková, 2012: 134]).

Обобщая наблюдения и выводы исследователей, можно указать на основания, позволяющие определить хоррор как отдельный жанр: композиционная структура, ориентированная на нагнетание тревожного ожидания; «страшный» хронотоп; монструозные существа. Одной из важных черт хоррора, как отмечает Кэрролл, является противоестественность страшного: только в хорроре (в отличие от, например, мифа, сказки, фэнтези) монстры воспринимаются героями как неестественные, их существование — как нарушение естественного порядка [Carroll, 1990: 16]; Циклоп в греческом мифе, напротив, занимает свое законное место в картине мира.

Д.Е. Комм заметил: «Фильм ужасов — не то, что показывается, а то, как показывается» [Комм, 2012: 9]. Взлет интереса к страшному в литературе был связан с появлением кинокартин про знаменитых монстров (Франкенштейн, Дракула), и связь между двумя родами

искусств позволяет обратить внимание на то, что в литературе страшное — тоже не всегда то, что показывается, а то, как показывается.

Дж. Кавелти рассматривает популярную литературу как «формульную», и справедливо и для хоррора: формулы играют первостепенную роль в том, чтобы сделать повествование страшным. Формула — «это средство обобщения свойств больших групп произведений путем выделения определенных комбинаций культурного материала и архетипических моделей повествования» [Кавелти, 1996: 34]. Хоррор конструируется из набора устойчивых элементов, к которым относятся персонажи, пространства, мотивы, элементы сюжета.

Издатели характеризуют романы Иванова «Комьюнити» и «Псоглавцы» как триллеры, о чем свидетельствуют синопсисы. Исследователи и критики либо обходят вопрос о жанре, либо прибегают к тому же понятию триллера, которое в отечественной литературной системе жанров вообще определено неоднозначно («Жанр обладает определенным рядом характеристик, однако не имеет четких границ, элементы триллера присутствуют во многих произведениях разных жанров, так же как и триллер включает элементы других жанров» [Дьякова, 2013: 35]).

В прозе А.В. Иванова мы видим разнообразие жанровой игры автора, который экспериментирует с историческим, социально-психологическим и фантастическим. «Комьюнити» и «Псоглавцы», на наш взгляд, являют собой примеры эксперимента с жанром хоррора.

Оба названных романа Иванова предлагают определенную последовательность сюжетных элементов: завязку (намек на мистическое и страшное), открытие (столкновение с монстром), принятие (уверенность в реальности монстра), столкновение (открытая конфронтация со страшным). В «Комьюнити» герой, Глеб Тяженко, встречается с первым знаком Чумы — кенотафом чумного демона — на этапе завязки; столкновения героя с демоническими существами (старухой в пробке, демоном-оборотнем в ночном клубе) сопровождают процесс знакомства со «страшным» миром романа; загадочные события определяют развитие авантюрной линии, связанной с борьбой за наследство IT-магната. Финал, в хорроре обычно представляющий собой схватку со злом, у Иванова трансформирован, потому что настоящей борьбы со страшным герой не вел: он боролся только за себя, за свое благополучие, и именно его алчность, тщеславие и безнравственность караются демоном Чумы. Хоррор как формульный жанр предполагает героя-протагониста, с которым читатель может себя ассоциировать, в «Комьюнити» же Иванов создал антигероя времени, и это заметное нарушение канона.

Пространство романа — это пространство Москвы 2010-х годов. На протяжении романа город ни разу не освещает солнце, днем свет серый, ночью Москва оживает, освещается неоновыми огнями и стробоскопами. Это порочный город, которому сверхъестественные силы готовят высшую кару, не случайно введен мотив «пира во время чумы»: «Москве — стробоскопы и фаерболлы ночных клубов, темноту ноября и чуму, идущую по заснеженным улицам. “Зажжем огни, нальем бокалы, утопим весело умы — и, заварив пиры да балы, восславим царствие Чумы!” <...> Дескать, Москва — пир, а вокруг погибель, и демоны смерти пошли войной на благополучных...» [Иванов, 2018а: 87]. Изображение Москвы как топоса ужасного достигается через остранение, обыденное превращается в страшное: дом, личный автомобиль, улицы, общественный транспорт — все это в любой момент может показать свою демоническую сторону.

Завязка связана с хронотопом старого кладбища. Атмосфера этого места активизирует мотив чумы: «Глеб узнал этих чудищ. Это чумные доктора. В старину врачи и санитары, которые соглашались выйти на битву с чумой, надевали такие вот шляпы и маски» (261). Источником страшного выступает противоестественное соединение виртуального и реального, мира мертвых и мира живых: «Век Интернета и гаджетов, зябкий декабрь, огненная от рекламы Москва, Калитниковское кладбище — и средневековые чумные доктора с факелами, баграми и гробами?.. Глеб увидел, что гробы — пусты. Эти гробы — для тех, кто уже зачумлен, но еще не умер. Для таких, как он».

Монстры в «Комьюнити» многолики: Иванов реализует мотив двойничества и оборотничества как метафору духовной слепоты героя и лицемерия общества. Все воплощения демона могут быть отнесены к типу мертвеца, который, в соответствии с фольклорной традицией, в разных ипостасях представлен в хорроре. Так, в клубе Глеб встречает демона в облике девушки Орли: «Конечно, это была не Орли. Это вообще был не человек. Вернее, не живой человек» (93). В образе этого же демона-оборотня содержатся черты, сближающие его с образом мертвеца: «Вокруг глазниц тихонько расплзалась черная сеточка мелких трещин. Черные губы чуть изогнулись в улыбке и приоткрылись, и Глеб увидел, что рот внутри затянут паутиной». Традиция изображения оборотней, совмещающих в себе черты животного и человека, сделала их каноническими героями хоррора. Образ зачумленной безумной старухи содержит животные черты: «Она тихонько засмеялась, и Глеб увидел ее зубы: не резцы, а сплошь собачьи клыки, только вот какие-то сгнившие, бурые» (80).

Особое значение обретает хронотоп дороги: там во время поездки на автомобиле по Москве происходит встреча со страшной старухой,

с машиной связана сенсорика чумы — слуховые, обонятельные и зрительные галлюцинации. «Сзади кто-то дышал. Очень тихо. Нет, это не дыхание... Это стук сердца. В машине, запертой в пробке, в пустом салоне стучит чье-то сердце» (78). Позже герой ощущает «вонь», которую ассоциирует с трупным запахом, далее ему начинает казаться, что по нему ползают блохи. «Он включил плафон на потолке и едва не вскрикнул. Блохи были везде» (83). Изображение насекомых — самый простой способ вызвать отвращение, провоцирование которого ставит своей задачей хоррор. Дорога героя связана с движением по кольцу: Третьему транспортному, Бульварному, кольцу Московского метрополитена. Демон чумы убьет главного героя именно путем автомобильной аварии, и только смерть вызовет героя из дурной бесконечности.

Монстры «Псоглавцев» также связаны с оборотничеством: люди, подпадающие под влияние древней раскольничьей фрески с изображением святого Христофора, превращаются в наделенных нечеловеческой силой существ с собачьими головами. «Обычно в жанре “horror” для превращения человека в демона, оборотня, нечистую силу и т.п. нужны определенные факторы — такие, как полная луна или определенные ее фазы (для оборотней)» [Чвертко, 2015: 116]. Оборотней у Иванова луна тоже «зовет»: «Они забыли обо всем, бросили все, забрались как можно выше — на купол заброшенного храма, и это — во имя дивного волчьего счастья: петь в полночь для луны» [Иванов, 2018b: 367].

Среда обитания монстров-оборотней представляет собой осмысление топоса русской деревни в свете хоррора: вся деревня Калитино (название которой, возможно, соотносится с Калитниковским кладбищем из «Комьюнити», ведь оба романа входят в цикл о так называемых «дэнжерологах») представляет собой «заколдованное место» с соответствующими чертами — заброшенностью, искажением естественных законов, изоляцией. «Эта деревня вырожденцев, этот убогий мир — они, конечно, существовали, но никому не были нужны» (34). Иванов использует атмосферу неблагополучия, бедности и деградации как субстрат хронотопа «нехорошего места», где может происходить страшное. Заброшенная церковь, заброшенные торфяные карьеры, заброшенная школа, старое раскольничье кладбище — все эти пространства становятся зонами опасности для чужаков, пересекающих границу замкнутого мира. С мотивом пересечения границ будет связан другой мотив хоррора, когда еще до непосредственной встречи со страшным герои получают «предупреждения»: странные собаки возле дороги в Калитине и слова девушки Лизы. «Странность» собак заключается в их противоестественном поведении, а все противоестественное в хорроре должно пугать: «Собаки просто молча смотрели на людей, как равные на равных» (18). «— Не

надо туда! — глухо выдавила из груди Лиза». Если в «Комьюнити» в страшное превращено обыденное, то в «Псоглавцах» страшное — это чуждое, незнакомое. При этом Иванов обманывает ожидания читателей: обычно зло мстит героям, которые пересекли невидимую черту и вторглись в чужой мир, а в «Псоглавцах» монстры наказывают всех, кто пытается зону покинуть. Переосмысление клише, которое мы уже видели в «Комьюнити», подчеркивает отношение Иванова к жанру как к утилитарной конструкции, которую он использует «не по назначению»: развлекательный жанр — для нравственного обобщения.

Ночь закреплена в хорроре как время активизации зла. Во время ночевки Кирилл, главный герой, испытывает обонятельные галлюцинации: «В этой деревне нет собак, говорил себе Кирилл. Когда завопила Гугерова вувузела, в ответ не раздалось ни одного гавка. <...> Но в нем отчетливо пахло кислой псиной» (69). Ночью Кирилл обнаруживает, что псоглавец сошел с фрески: «<...> шагнул к стене, где была фреска. Только теперь псоглавец с нее исчез» (237). Мотив ожившей картины, вошедший в литературу ужасов еще в эпоху готического романа, также реализуется в сцене, где герой замечает изменения в положении фигуры на фреске: «Кирилл попятился. Нет, он точно повернул голову! Его морда раньше перекрывала крест в правой руке, а теперь перекрывает копьё в левой! Кирилл крепко-накрепко зажмурился, открыл глаза и снова посмотрел на Псоглавца. Псоглавец смотрел на дверь. Он всегда смотрел на дверь, сто пятьдесят лет. Почудилось. Почудилось» [Иванов, 2018b: 28]. Ночью происходит схватка с псоглавцами, точнее, попытка Лизы и Кирилла сбежать, спастись от них. Побег удастся, а ситуация разрешается появлением своеобразного *deus ex machina* — дэнжеролога, который разрубает сюжетный узел и дает рациональное объяснение сверхъестественному.

Итак, рассмотрение приемов хоррора в романах Иванова «Псоглавцы» и «Комьюнити» дает право говорить об этих произведениях как экспериментах автора в данном жанре.

Как мы считаем, терминологическая неопределенность в отечественном литературоведении должна быть устранена, а хоррор опознан как самостоятельный жанр.

Список литературы

1. Дьякова Т.В. Характеристика жанра «Триллер» и его поджанры // *Lingua mobilis*. 2013. № 5 (44). С. 32–36.
2. Иванов А. Комьюнити. М., 2018.
3. Иванов А. Псоглавцы. М., 2018.

4. *Кавелти Дж.Г.* Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33–64.
5. *Ковтун Е.Н.* Художественный вымысел в литературе XX века. М., 2008.
6. *Комм Д.Е.* Формулы страха. Введение в историю и теорию фильма ужасов. СПб., 2012.
7. *Куликова Д.Л.* «Ужасное» в прозе А.В. Иванова (на материале романов «Комьюнити» и «Псоглавцы») // Актуальные вопросы филологической науки XXI века. Ч. 2: Современные проблемы изучения истории и теории литературы. Екатеринбург, 2019. С. 33–38.
8. *Пупонин Д.В., Половинкина Т.В.* Типология жанра фэнтези в современной русской литературе // Избранные вопросы современной науки. 2016. № 20. С. 166–192.
9. *Чвертко С.Ю.* «Живые мертвецы» в фантастических новеллах символистов // Все страхи мира: Ногг в литературе и искусстве. СПб.; Тверь, 2015. С. 112–121.
10. *Carroll N.* Philosophy of Horror, Or, Paradoxes of the Heart. N.Y., 1990.
11. *Prohászková V.* The genre of horror // American International Journal of Contemporary Research. Vol. 2. 2012. No. 4. P. 132–142.
12. *Strengell Heidi.* Dissecting Stephen King: From the Gothic to Literary Naturalism. Madison, 2005.

Daria Kulikova

GENRE CHARACTERISTICS OF HORROR: A CASE OF ALEXEI IVANOV'S PROSE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This article discusses genre signs of horror in Alexei Ivanov's novels "Community" and "Psoglavtsy" and addresses the terminological status of horror in modern Russian literature. Special emphasis is laid on the distinguishing features of fantasy and horror. The article shows that horror can be characterized by a set of stable features, such as compositional structure, horror motives, and chronotope. The composition of horror is organized according to a scheme that assumes a phased inclusion in the context of terrible, meeting unreal, accepting its reality and confrontation. Any abandoned place (house, church), sacred space (cemetery), alien, and therefore potentially dangerous, spaces are considered a typical space of horror. However, it is also possible to introduce a chronotope of ordinary into horror through defamiliarization. Thus, the space of modern Moscow can get some features of horror. Horror formulae imply reproducing types of monstrous creatures, including werewolves, doubles, and the dead. The above features of horror can be referred to as genre criteria. "Community" gives the right to talk about horror techniques at a level of composition, motives (duplicity, werewolf, the appearance of the dead), chronotope (road, cemetery). "Psoglavtsy" also

depicts an abandoned space (cemetery, church, village, peat quarries), monstrous creatures in the novel are cinocephalics, werewolves, typical motives of horror are the motive of warning and a revived portrait. An examination of Ivanov's novels proves that the presence of these signs of horror allows us to attribute the novels "Community" and "Psoglavtsy" to this genre.

Key words: A.V. Ivanov; horror; horror literature; werewolves; duality.

About the author: *Daria Kulikova* — PhD Student, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dasha0kulikova@yandex.ru).

References

1. D'jakova T.V. *Harakteristika zhanra "Triller" i ego podzhanry* [Characteristics of the thriller genre and its subgenres]. *Lingua mobilis*. 2013. № 5 (44), pp. 32–36. (In Russ.)
2. Ivanov A. *Kom'juniti*. M., *Izdatel'stvo Eleny Shubinoj*, 2018, 382 p.
3. Ivanov A. *Psoglavcy*. M., *Izdatel'stvo Eleny Shubinoj*, 2018, 414 p.
4. Kavelti Dzh.G. *Izuchenie literaturnyh formul* [Study of literary formulae]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1996. № 22, pp. 33–64. (In Russ.)
5. Kovtun E.N. *Hudozhestvennyj vymysel v literature XX veka* [Fiction in the literature of the twentieth century]. M., *Vysshaja shkola Publ.*, 2008, 408 p.
6. Komm D.E. *Formuly straha. Vvedenie v istoriju i teoriju fil'ma uzhasov* [Formulas of fear. An Introduction to Horror Film History and Theory]. SPb., *BHV-Peterburg*. 2012. 224 p.
7. Kulikova D.L. "Uzhasnoe" v proze A.V. Ivanova (na materiale romanov "Kom'juniti" i "Psoglavcy") ["Terrible" in A. Ivanov's prose (based on the novels "Community" and "Psoglavtsy")]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoi nauki XXI veka. Ch. 2: Sovremennye problemy izuchenija istorii i teorii literatury*. Ekaterinburg, *UMC-UIP*, 2019, pp. 33–38. (In Russ.)
8. Puponin D.V., Polovinkina T.V. Tipologija zhanra fjentezi v sovremennoj russkoj literature [Typology of the genre of fantasy in modern Russian literature]. *Izbrannye voprosy sovremennoj nauki*. 2016. № 20, pp. 166–192. (In Russ.)
9. Chvertko S. Ju. "Zhivye mertvecy" v fantasticheskikh novellah simvolistov ['Living Dead' in the fantastic novellas of the Symbolists]. *Vse strahi mira: horror v literature i iskusstve*. Tver', *Izd-vo Mariny Batasovoj*, 2015, pp. 112–121. (In Russ.)
10. Carroll N. *Philosophy of Horror, Or, Paradoxes of the Heart*. New York: *Routledge*, 1990, 256 p.
11. Proházková V. The genre of horror. Madison: *American International Journal of Contemporary Research*. Vol 2. 2012, № 4, pp. 132–142.
12. Strengell Heidi. *Dissecting Stephen King: From the Gothic to Literary Naturalism*. *University of Wisconsin Press*, 2005, 320 p.

К.Ю. Зубков

«... ВРЕМЯ КУКИШЕЙ В КАРМАНЕ МИНОВАЛОСЬ...»: РЕДАКЦИЯ «СОВРЕМЕННОГО», ЦЕНЗУРА И РОССИЙСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ СООБЩЕСТВО В 1856 г. СТАТЬЯ 2¹

*Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Статья посвящена анализу сообщества российских профессиональных литераторов второй половины 1850-х годов и его реакции на деятельность цензурного ведомства. Изучение этих вопросов не только привлекает внимание к ранее не интересовавшим исследователей источникам, но и позволяет пересмотреть традиционные представления об отношениях цензуры и литературы в России середины XIX в., демонстрируя огромное влияние государственного аппарата на формирование литературного сообщества и его системы категорий и оценок. Материалом послужила переписка, в которой отразилась реакция писателей (преимущественно петербургских) на эпизод 1856 г., когда публикация «Стихотворений» Н.А. Некрасова и перепечатка некоторых его произведений на страницах «Современника» вызвала грандиозный скандал в цензурном ведомстве. Если собственно цензурные документы, относящиеся к этому делу, неоднократно публиковались и интерпретировались учеными, то мнение на этот счет самих литераторов до сих пор не становилось объектом пристального внимания. Ответственность за нарушение своеобразного негласного договора, существовавшего между писателями и цензорами, возлагалась именно на редакцию «Современника», а вовсе не на цензуру. Вторая часть статьи посвящена дискуссии между писателями о том, кого именно из членов редакции следует считать ответственным за конфликт. Исключением на этом фоне оказывается перепечатавший стихотворения Некрасова Н.Г. Чернышевский, предполагавший, что взаимовыгодное сотрудничество с органами цензуры в принципе невозможно. Дальнейшая история взаимоотношений между цензурными инстанциями и литераторами подтверждает, что именно прогноз Чернышевского оказался наиболее близок к истине.

Зубков Кирилл Юрьевич — кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник ИРЛИ РАН (Пушкинского дома) (e-mail: k_zubkov@inbox.ru).

¹См.: Зубков К.Ю. «... Время кукишей в кармане миновалось...»: редакция «Современника», цензура и российское литературное сообщество в 1856 г. Статья 1 // Вестн. Моск. ун-та. 2021. № 4. С. 133–142.

Ключевые слова: Н.А. Некрасов; Н.Г. Чернышевский; цензура; история литературы; литературные журналы; журнал «Современник».

Основным источником для нашего исследования послужила переписка писателей этого периода, которая значима не только потому, что в ней выражается позиция литературного сообщества, — именно в письмах это сообщество, лишенное возможности публично высказываться по некоторым значимым вопросам, осознавало себя и формулировало свои ценности и коллективную позицию. Серьезному обсуждению в печати всех значимых вопросов препятствовала по меньшей мере та же цензура. Соответственно мнение литературного сообщества вырабатывалось и обсуждалось не только на страницах периодики, но и в кулуарах литературного мира: во время встреч журнальных редакций, «литературных обедов» [Вдовин, 2013] и проч. Однако о подобного рода обсуждениях у нас сохранились лишь косвенные сведения, в отличие от хорошо сохранившихся эпистолярных источников.

31 марта — 1 апреля 1857 г. Некрасов в письме Л.Н. Толстому сообщал о всеобщем недовольстве собственной ролью в столкновении с цензурой: «Если мне удастся справиться, т.е. совладеть с собою, — я еще постою за “Современник”. — Делать я покуда ничего не делаю, кстати скажу, что я был серьезно обижен тем несомненным фактом, что все мои литературные друзья в деле о моей книге приняли сторону сильного, обвиняя меня в мальчишестве» [Некрасов, 1999: 67]. Комментаторы академического издания Некрасова сочли, что речь в письме идет именно о перепечатке стихотворений в «Современнике» [Некрасов, 1999: 216]. М.С. Макеев оспорил это утверждение, опираясь на два аргумента: во-первых, Некрасов явно писал не о перепечатке, а о самой книге, а во-вторых, его нельзя было назвать ответственным за перепечатку и обвинить в «мальчишестве», поскольку решение о ней принимал Чернышевский [Макеев, 2008: 121–122]. В письме речь действительно шла о совершенно конкретных высказываниях некрасовских знакомых по поводу его книги и ее перепечатки. Выход книги Некрасова и переиздание его стихотворений в «Современнике» воспринимались в цензурном ведомстве как два этапа одного дела (см., например, отношение А.С. Норова, отправленное в цензурный комитет [Лемке, 1904: 312–313])². Многие писатели этого времени, похоже, полагали так же и совершенно буквально обвиняли Некрасова в «мальчишестве», возлагая на него ответственность и за публикацию «Стихотворений», и за перепечатку в журнале.

² См. также протокол заседания Петербургского цензурного комитета, где обсуждалось мнение министра: РГИА. Ф. 777. Оп. 27. № 47. Л. 267 об.

Публикация в «Современнике» стала одной из основных тем писательской переписки в ноябре 1856 г. Уже 18 ноября 1856 г., т.е. еще до заседания Петербургского цензурного комитета, на котором разбирались упущения Бекетова, писатель и цензор Гончаров сообщал А.В. Дружинину: «У нас, Вы слышали, перемены: “Совр<еменник>” отошел от Бекетова к Лажечн<икову>, я взял “Отеч<ественные> Зап<иски>” <...> Вот они, что наделали, вопли прошедшего, теперь едва ли нужные и полезные кому-нибудь. Помните, я предсказывал это <...> предсказывал это и Николаю Алек<сеевичу>, но он слушать не хотел. А между тем, это будет мешать и Тургеневу, и другим. Как это назвать? Неосторожностью — мало; эгоизмом — много...» [Письма к Дружинину, 1948: 77].

Ответственным Гончаров, видимо, считал Некрасова, упорно повторявшего «вопли прошедшего», т.е. воспроизводившего оппозиционную позицию, характерную для более раннего периода. В тот же день сам Дружинин отправил письмо находившемуся за границей Тургеневу, где высказал и свою позицию, и точку зрения В.П. Боткина: «Мне горестно заключить мое письмо худой новостью — в “Совр<еменнике>” была большая неприятность за перепечатку “Поэта и Гражданина”. Бекетова устранили от журнала и Панаева жестоко выругали, грозя журналу запрещением. И Васинька и мы все, сильно озлоблены за мальчишескую неосторожность, с которой “Совр<еменник>” велся, и мы предвидели неприятность. Так журнала вести нельзя, время кукишей в кармане миновалось. Весь “Поэт и Гражданин”, за исключением одного отрывка, не стоит трех копеек серебром, а вреда литературе он сделал на сто рублей. Теперь и Ваши “Записки охотника” вряд ли пройдут» [Тургенев и круг «Современника», 1930: 197].

Дружинин вовсе не был поклонником цензуры, однако в целом явно поддерживал позицию Гончарова, считая републикацию произведений Некрасова несвоевременной и просто вредной в условиях либерализации правительственной политики, которая создавала условия для смягчения отношений с цензурой. Именно этот отзыв, возможно, и имел в виду Некрасов, когда говорил об упреках в «мальчишестве». Схожую позицию занимал и А.Ф. Писемский, 24 ноября сообщавший Б.Н. Алмазову: «... Некрасов по свойственной ему филантропии тоже не побережет и ухлопает каким-нибудь риторическим, но вольнодумным стихотворением, Панаева (эту ни в чем не повинную жопу “Современника”) призывали и пудрили. — Весь этот скандал чрезвычайно неприятен всем нам, остальным литераторам, тем, что цензура опять выпустит свои когти, на что цензора имеют полное нравственное право, если мы, литераторы, станем так поступать с ними и для придания полукуплетным стихам своим

значения станем печатать в оглавлении Рылеевские думы, которые и сами-то по себе имеют некоторой смысл потому только, что этот человек был удушен» [Писемский, 1936: 103].

Письмо схожего содержания Писемский отправил Тургеневу 27 ноября: «В “Современнике” вышел цензурный скандал, которого, впрочем, и ожидать следовало, Панаева, эту ни в чем невинную жопу редакции, призывали и пудрили» [Письма Писемского, 1964: 148]. Писемский явно считал лично ответственным именно Некрасова (хотя тот и отсутствовал в Петербурге во время развернувшихся событий). Наконец, 2 декабря Е.Я. Колбасин писал Тургеневу о схожей реакции В.П. Боткина (о ней упоминал и Дружинин), который также был возмущен самим Некрасовым: «и чего еще нужно этому Некрасову? разве ему мало — имеет квартиру, экипаж, задает обеды, — и чего еще ему нужно? разве ему этого мало?» [Тургенев и круг «Современника», 1930: 299]. Колбасин, впрочем, в этой ситуации был возмущен именно Боткиным — показательная позиция для человека, занимавшегося литературой, скорее, как любитель и не вникавшего в детали отношений между писателями и цензорами. 26 ноября Тургеневу написал уже П.В. Анненков — и остался одним из немногих участников обсуждения, нейтральных по отношению к редакции журнала: «... к нему <“Современнику”> приставили И.И. Лажечникова вместо Бекетова и велели следовать полицейскому распоряжению, вследствие коего можно и тройкой ездить по улицам, но подвязав колокольчик, беспокоящий всех прохожих, без исключения» [Анненков, 2005: 50].

Вероятно, именно сдержанность в суждениях, присущая Анненкову, побудила Некрасова обратиться к нему 6 (18) декабря из Рима: «Вы — и никто более — пришли мне на память, когда я подумал: кто мне может объяснить в точном виде меру неприятностей, вызванных моим стихотворением “Поэт и гражданин”? Согласитесь, что мне это нужно знать — в отношении к “Современнику” (в котором я — по убеждению своему и Тургенева — не нашел удобным поместить это стихотворение, как и некоторые другие, явившиеся в книге» [Некрасов, 1999: 43].

Очевидно, сам Некрасов плохо понимал произошедшее, однако не сомневался, что отвечал за «историю» с перепечаткой не Чернышевский и даже не цензор, а его соредактор Панаев³. Именно об этом

³ Между прочим, 6 декабря датировано и письмо И.С. Аксакова к родным, в котором он обвиняет Панаева в чрезмерно резкой критике славянофилов и выражает надежду, что, вернувшись в Россию, Некрасов и Тургенев «выдерут Панаева за уши и поставят “Современник” в прежние отношения к “Беседе” да и к Вам» [Аксаков, 1994: 469]. Очевидно, распределение обязанностей между Панаевым и Чернышевским в отсутствие Некрасова было в точности неизвестно не только Аксакову, но даже самому Некрасову.

он писал Тургеневу в тот же день, как отправил письмо Анненкову, то есть даже не разобравшись еще в обстоятельствах дела: «Панаев неисправим, я это знал. Гроза могла миновать “Современник”, будь хоть ты там. Такие люди, как он, и трусят и храбрятся — все некстати. Я не меньше люблю “Современник” и себя или мою известность, — недаром же я не решился поместить “Поэта и гражд (анина)” в “Современнике”? Так нет! надо было похрабриться. Впрочем, Панаева винить смешно: не гнилой мост виноват, когда мы проваливаемся!» [Некрасов, 1999: 41].

С точки зрения Некрасова, републикация его стихотворений в журнале была вовсе не злонамеренной провокацией, а непродуманной оплошностью Панаева, к которому серьезных претензий предъявлять было невозможно. Схожего мнения придерживался и сам Тургенев. Например, в письме Л.Н. Толстому от 8 (20) декабря 1856 г. он так же, как и Некрасов, называл ответственным за произошедшее Панаева: «... что “Современник” в плохих руках — это несомненно, — Панаев начал было писать мне часто, уверял, что не будет действовать “легкомысленно” — и подчеркивал это слово; а теперь присмирел и молчит, как дитя, которое, сидя за столом, наклало в штаны. Я обо всем написал подробно Некрасову в Рим...» [Тургенев, 1987: 161; ср. подборку схожих высказываний Тургенева из писем к другим лицам: Евгеньев-Максимов, 1936: 106–107].

Тургенев и Некрасов воспринимали перепечатку стихотворений в «Современнике» в качестве не сознательной политической акции, а своего рода детской шалости Панаева.

Таким образом, скандал в особенности заинтересовал петербургское литературное сообщество, которое практически единодушно возложило ответственность на сотрудников «Современника». Никто прямо не обвинял в произошедшем цензуру; не упоминался в переписке и Чернышевский. Впрочем, среди литераторов высказывались два различных мнения: Некрасов и Тургенев, в этот период относившиеся к сотрудникам «Современника», осознавали, что имеют дело не с принципиальной позицией журнала, а с неудачной публикацией, не соответствовавшей установке редакции. Напротив, Гончаров, Дружинин, Боткин и Писемский считали ответственным за случившееся лично Некрасова, а выступление журнала воспринимали как «кукиш в кармане», показанный властям редакцией, не готовой приспособиться к новому времени. Так или иначе, в литературных кругах большинство считало ответственными за произошедшее вовсе не цензоров.

Объяснить такую неожиданную (и неслучайно пропущенную историками литературы) позицию возможно, как кажется, специфическими отношениями литераторов и цензоров 1850-х годов.

Писательское и журналистское сообщество в это время пыталось прощупать возможные пути контакта с цензорами; схожие действия в их отношении предпринимали и либеральные чиновники. В этих условиях обе стороны должны были, разумеется, соблюдать принципиальную осторожность. Публикация и републикация стихотворений Некрасова на этом фоне воспринимались обеими сторонами как резкое нарушение сложившихся конвенций. Именно поэтому реакция на происшествие цензора Гончарова очень близка к реакции Некрасова — редактора самого оппозиционного журнала в России того времени: оба они считали, что действия «Современника» подрывают возможность контакта между литературой и властью. Принципиальное смягчение цензурных условий воспринималось либерально настроенными современниками как предвестие принципиально новой эпохи, когда литература и правительство начнут продуктивно взаимодействовать. В этих условиях цензор и литератор, как казалось многим современникам, смогут действительно оказаться по сути единомышленниками и союзниками.

Исключением из этого правила оказался главный виновник конфликта — Чернышевский. 5 декабря 1856 г. он сообщал Некрасову: «Прежде всего я должен сказать Вам, что различные толки и т.п. по поводу Ваших стихотворений далеко не имеют той важности, какую готовы им приписывать иные люди. Месяца два-три, и все успокоится. Вообще, дело не так ужасно, как думают легковверные, хотя и не вовсе приятно» [Чернышевский, 1949: 329].

Судя по этому письму, точка зрения Чернышевского принципиально отличалась от позиции большинства современников. Очевидно, в конфликте его интересовали лишь прагматические последствия — возможные ограничения на публикацию произведений Некрасова или каких-либо других журнальных материалов. Никаких более значимых результатов своих действий Чернышевский не замечал или не считал нужным замечать. Едва ли речь здесь может идти о простом самооправдании или исключительно о желании успокоить адресата: Некрасов на тот момент даже не знал об ответственности Чернышевского за случившееся.

В отличие от большинства литераторов того времени, уже в середине 1850-х годов Чернышевский, по всей видимости, не верил в возможность взаимопонимания с правительством, тем более с цензурным ведомством. Именно поэтому он и не пытался судить о произошедшем с точки зрения долговременных последствий: если цензору суждено всегда оставаться оппонентом, нечего было огорчаться по поводу испорченных с ним отношений. В связи с этим очень последовательно выглядит его значительно более поздний комментарий: «Беда, которую я навлек на “Современник” этою

перепечаткою, была очень тяжела и продолжительна. Цензура очень долго оставалась в необходимости давить “Современник” — года три, это наименьшее; а вернее будет думать, что вся дальнейшая судьба “Современника” шла под возбужденным моею перепечаткою впечатлением необходимости цензурного давления на него <...> О том, какой вред нанес я этим безрассудством лично Некрасову, нечего и толковать: известно, что целые четыре года цензура оставалась лишена возможности дозволить второе издание его “Стихотворений”» [Чернышевский, 1939: 752–753].

Переоценивая свою вину, Чернышевский пишет вовсе не о значимости конфликта с точки зрения взаимоотношений цензуры и общества, а исключительно о подозрительном отношении цензоров к «Современнику» и к поэзии Некрасова. Иными словами, цензура его беспокоит именно как сугубо негативная сила, которая может только угнетать в большей или меньшей степени, — никаких качественных различий в позиции цензоров Чернышевский не видел. Соответственно никаких надежд на положительное взаимодействие с ними заместитель Некрасова не питал и питать не мог.

Как показали дальнейшие события, в последнем Чернышевский оказался прав: уже к середине 1860-х годов надежды на перестройку отношений с цензурой на новых основаниях в целом покинули русских писателей. Ценности и представления об обществе, которым руководствовалось литературное сообщество в 1856 г., были глубоко забыты. Отношения писателей и власти в целом, разумеется, могли быть самыми разными, однако в большинстве случаев собственно цензурные репрессии не вызывали ничьей поддержки. 23 июня 1866 г. А.В. Никитенко записал в дневнике: «Я не помню давно, чтоб правительственная мера производила такое единодушное и всеобщее негодование, как пресловутый известный рескрипт о запрещении двух журналов: “Современника” и “Русского слова” — последнее, впрочем, потому, что сделано помимо закона» [Никитенко, 1956: 40]. Трудно представить себе в 1866 г. единодушную и притом в целом терпимую реакцию на цензурные репрессии, объединявшую и редактора подвергшегося цензурным репрессиям издания, и его конкурентов.

Быстрые изменения в отношениях между цензурой и правительством, с одной стороны, и литературой, и печатью — с другой, породили своеобразную двойственность, отразившуюся в стихотворении Некрасова, приведенном в начале первой из этих статей. С одной стороны, эти изменения свидетельствовали о развитии и автономизации публичной сферы в России 1860-х годов. В это время столичным литераторам уже не приходило в голову, что печать

тесно связана с государством и по сути делает одно дело с цензурой. С другой стороны, цензура и литература оставались неотделимы друг от друга: писатели продолжали учитывать позицию цензоров в своем творчестве (и были лишены возможности поступить иначе), тогда как цензоры были обязаны входить в вопросы их творчества и принимать решения, исходя не только из формальных критериев, но и из представлений об эстетической, политической и социальной значимости рассматриваемых произведений. Представителями литературного сообщества такой подход не мог не рассматриваться как вторжение государственных чиновников не в свое дело — и квалификация того или иного цензора (подчас весьма высокая) в этом деле не играла никакой роли. Цензор из стихотворения Некрасова, отнимающий у поэта и присваивающий себе право решать, что связано с темой погоды, а что нет, — яркий пример именно такого восприятия цензора. Однако за десять лет до того литераторы воспринимали и фигуру цензора, и перспективу взаимоотношений писателя с государством сквозь призму других категорий. Учитывать настроения этого периода исследователям необходимо хотя бы для того, чтобы понимать, насколько значимы для писателей окажутся утрата иллюзий и разочарование в возможности найти общий язык с представителями государственной власти — пусть даже занимающимися столь неприятной деятельностью, как цензура.

Список литературы

1. *Аксаков И.С.* Письма к родным. 1849—1856 / Изд. подг. Т.Ф. Пирожкова. М., 1994.
2. *Анненков П.В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852—1874. СПб., 2005.
3. *Вдовин А.В.* Что произошло на «обеде» памяти Белинского в 1858 году? К истории одной легенды. 2013 // Статьи на случай: Сборник в честь 50-летия Р.Г. Лейбова. URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Vdovin.pdf (дата обращения: 02.03.2020).
4. *Евгеньев-Максимов Е.В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбова. Л., 1936.
5. *Лемке М.К.* Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904.
6. *Макеев М.С.* Николай Некрасов: поэт и предприниматель (очерки о взаимодействии литературы и экономики). М., 2008.
7. *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Т. 14. Кн. 2. СПб., 1999.
8. *Никитенко А.В.* Дневник: В 3 т. Т. III. 1866—1877. М., 1956.
9. *Писемский А.Ф.* Письма. М.; Л., 1936.
10. Письма А.Ф. Писемского (1855—1879) // Литературное наследство. Т. 73. Из парижского архива И.С. Тургенева. Кн. 2: Из неизданной переписки. М., 1964. С. 124—195.

11. Письма к А.В. Дружинину (1850–1863). М., 1948.
12. *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. Письма, 1855–1858. М., 1987.
13. Тургенев и круг «Современника». Неизданные материалы. 1847–1861. М., 1930.
14. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. I. М., 1939.
15. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. XIV. М., 1949.

Kirill Zubkov

**“... TIME FOR HIDDEN MOCKERY IS OVER”:
SOVREMENNİK’S EDITORIAL BOARD, CENSORSHIP,
AND THE RUSSIAN LITERARY COMMUNITY IN 1856**

*Higher School of Economics,
20 Myasnitskaya St., Moscow, Russia, 101000*

The article focuses on the community of Russian professional writers in the late 1850s and its response to the actions of the censorship office. The examination of the authors’ positions on censorship reveals the major impact of the state on the formation of the literary community and its system of values. The article is largely based on writers’ private letters (mostly to do with St. Petersburg), reflecting their attitudes toward the scandal of 1856 when the publication of Nikolay Nekrasov’s Poems and reprinting of several of his works in *Sovremennik* resulted in a turmoil in the censorship agency. The liability for breaking the peculiar hidden convention between writers and censors was usually imposed on the editors of *Sovremennik*, not on the censor. The second part of the article discusses who exactly was to blame for the publication of Nekrasov’s Poems. Nikolay Chernyshevsky, who was the person responsible for the republication of Nekrasov’s poems, remained an exception as he presumed that mutually productive cooperation with the censor was impossible. The later history of the relationship between censorship agencies and the literary community reveals that Chernyshevsky was indeed closer to truth than his contemporaries.

Key words: N.A. Nekrasov; N.G. Chernyshevsky; censorship; history of literature; literary journals; the Contemporary.

About the author: *Kirill Zubkov* — PhD, Associate Professor, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); Researcher Fellow, Institute of Russian Literature and Literature, Russian Academy of Sciences (Pushkin House) (e-mail: k_zubkov@inbox.ru).

References

1. Aksakov I.S. *Pis'ma k rodnym. 1849–1856* [Letters to Relatives. 1849–1856]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1994, 654 p.

2. Annenkov P.V. *Pis'ma k I.S. Turgenevu. Kn. 1. 1852–1874* [Letters to I.S. Turgenev. Vol. 1. 1852–1874]. St. Petersburg, *Nauka Publ.*, 2005, 532 p.
3. Vdovin A.V. *Chto proizoshlo na “obede” pamyati Belinskogo v 1858 godu? K istorii odnoj legendy* [What Happened during the “Dinner” Dedicated to the Memory of Belinsky in 1858? On the History of a Legend] 2013. Stat'i na sluchaj: Sbornik v chest' 50-letija R.G. Lejbova URL: http://www.ruthenia.ru/leibov_50/Vdovin.pdf (accessed: 02.03.2020).
4. Evgen'ev-Maksimov V.E. “*Sovremennik*” pri Chernyshevskom i Dobroliubove [*The Contemporary* in the Age of Chernyshevsky and Dobroliubov]. Leningrad, *GIHL Publ.*, 1936, 622 p.
5. Lemke M.K. *Ocherki po istorii russkoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletija* [Essays on the History of Russian Censorship and Journalism of XIX Century]. Saint Petersburg, *Trud Publ.*, 1904, 427 p.
6. Makeev M.S. *Nikolaj Nekrasov: pojet i predprinimatel' (ocherki o vzaimodejstvii literatury i jekonomiki)* [Nikolaj Nekrasov: Poet and Businessman (Essays on Interaction of Literature and Economics)]. Moscow, *Maks Press*, 2009, 234 p.
7. Nekrasov N.A. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 15 t. T. 14. Kn. 2* [Complete Works and Letters: 15 Vols. Vol. 14, Part 2]. Saint Petersburg, *Nauka*, 1999, 353 p.
8. Nikitenko A.V. *Dnevnik: V 3 t. T. III. 1866–1877 [Dairy. 3 Vols. Vol. III. 1866–1877]*. M., 1956, 582 p.
9. Pisemskij A.F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow; Leningrad, *AN SSSR Publ.*, 1936, 925 p.
10. Pis'ma A.F. Pisemskogo (1855–1879) [Letters of A.F. Pisemsky (1855–1879)]. *Literaturnoe nasledstvo. T. 73. Iz parizhskogo arhiva I.S. Turgeneva. Kn. 2: Iz neizdannoj perepiski*. Moscow, *Nauka Publ.*, 1964, pp. 124–195.
11. Pis'ma k A.V. Druzhininu (1850–1863) [Letters to A.V. Druzhinin (1850–1863)]. Moscow, *Krasnyj proletarij Publ.*, 1948, 423 p.
12. Turgenev I.S. *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. Pis'ma. V 18 t. 2-e izd., ispr. i dop. T. 3. Pis'ma, 1855–1858* [Complete Works and Letters. 30 Vols. Letters. 18 Vols. 2nd Edition, Corrected and Supplemented. Vol. 3. Letters, 1855–1858]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1987, 701 p.
13. Turgenev i krug “Sovremennika”. Neizdannye materialy. 1847–1861 [Turgenev and the Circle of *The Contemporary*. Unpublished Materials. 1847–1861]. Moscow, *Academia Publ.*, 1930. XLVII, 491 p.
14. Chernyshevskij N.G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 15 t. T. I* [Complete Works. 15 Vols. Vol. I]. Moscow, *Goslitizdat Publ.*, 1939, 860 p.
15. Chernyshevskij N.G. *Polnoe sobranie sochinenij: V 15 t. T. XIV* [Complete Works. 15 Vols. Vol. XIV]. Moscow, *Goslitizdat Publ.*, 1949, 900 p.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А.В. Романова

ВОЛЬНОДУМЦЫ, СУМАСБРОДЫ И МАРК ВОЛОХОВ (некоторые комментарии к роману «Обрыв»)

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
199134, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4*

При составлении комментария для Полного собрания сочинений и писем И.А. Гончарова были собраны результаты многолетних и многочисленных попыток исследователей указать прототип одного из основных персонажей романа «Обрыв» — Марка Волохова. Благодаря наличию библиографического указателя «И.А. Гончаров» (СПб., 2015) был обследован комплекс книг и статей о писателе, а также просмотрены те, которые появились уже после выхода указателя. Рассмотрен ряд критических отзывов о романе, показывающих отношение критики и публики к Марку Волохову — герою ожидаемому, но вызвавшему шок, объявленному по очереди устаревшим, подобно буянам старого времени, сочиненным, подобно Тушину, карикатурным, правдоподобным и, наконец, верным действительности. Показан ход изменений образа Марка Волохова в соответствии с изменением первоначального замысла романа: от вольнодумца, сосланного в Сибирь противника государственной власти, к сумасброду, пугающему провинциальный город буйными выходками, — в соответствии с идеей Гончарова о том, что Волохов является «кандидатом в демагоги», что он действует согласно своим убеждениям, при этом искренне заблуждаясь. Выявлены и рассмотрены предложенные исследователями прототипические ситуации и возможные прототипы для разных ситуаций, в которых оказывается Волохов в романе: декабрист В.П. Ивашев как прообраз вольнодумца; буйные студенты Московского университета; сам Гончаров как возможный соблазнитель В.Л. Лукьяновой; представители поколения бунтарей — агитатор В.И. Кельсиев, Н.М. Сатин, Ф.В. Любимов; революционер С.Г. Нечаев; Н.Г. Чернышевский; симбиряне — беспутный Берхгольд и автор сатирических стихов Д.Д. Минаев; племянники писателя А.Н. Гончаров и В.М. Кирмалов; Д.И. Писарев.

Ключевые слова: И.А. Гончаров (1812–1891); «Обрыв»; роман; комментарий; прототипическая ситуация; прототип.

Романова Александра Владимировна — научный сотрудник отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (e-mail: alice122@gmail.com).

И.А. Гончаров рассказал в «Необыкновенной истории»: в 1855 г. «Вместо нигилиста Волохова, каким он вышел в печати, у меня <...> был намечен в романе сосланный под надзор полиции, *по неблагонадежности*, вольнодумец. Но такого резкого типа, каким вышел Волохов, не было, потому что в 40-х годах нигилизм еще не проявился вполне. <...> Я был вторично в 1862 году на Волге — и тогда Волоховы явились повсеместно уже такими, каким он изображен в романе» [Гончаров, 1980а: 356]. Волохов в этом тексте назван «типом», т.е. Гончаров подчеркнул, что в нем собраны наблюдения над многими людьми, что исключает наличие конкретного прототипа.

Волохов был ожидаем, внимание к нему было привлечено с выходом первой части романа¹. Гончаров в предисловии к роману предупредил читателей, что Волохов был задуман и написан по недавним впечатлениям. Однако эта фигура первоначально вызвала шок у представителей разных литературных направлений — «двух хоров», как назвал их Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда» [Гончаров, 1980b: 126] (например, [Гайдебуров, 1869]).

Его попытались объявить устаревшим [Окрейц, 1869: 86–87]². Его попытались объявить сочиненным, аналогично характеру Тушина [Гайдебуров, 1869: 18]³. Только два критических мнения этого периода противостоят этому хору, отмечая верность Волохова как типа [Василевский, 1869; Соловьев, 1869: 276–277].

Объективность, однако, требовала признания, что характер Марка Волохова обладает внешними признаками правдоподобия, поэтому логически последовало обвинение Гончарова в создании карикатуры на молодое поколение [Утин, 1869: 363–364]⁴.

Марк Волохов длительное время оставался основным объектом для приложения мыслительных усилий критиков, несмотря на признание, которое сделал о нем Гончаров в статье «Лучше поздно, чем никогда» [Гончаров, 1980b: 128–129]. Однако через пятнадцать лет после выхода романа С.А. Венгеров все еще подозревал Гончарова в попытке «олицетворить <...> целое поколение шестидесятых годов в

¹ Ср.: Буренин В.П. Журналистика / Z. // С.-Петербург. вед. 1869. № 11, 11 янв. С. 2; Библиография и журналистика / Без подписи // Голос. 1869. № 100. 10 апр. С. 1.

² Ср.: Головин К.Ф. (Орловский). Русский роман и русское общество. СПб., 1897. С. 313; Исаев П.А. Молодое поколение перед судом писателей старой школы («Обрыв», роман И. Гончарова) // Дон. Воронеж, 1869. № 95. 14 сент. С. 3; ср. также: Шелгунов Н.В. Талантливая бесталанность // Дело. 1869. № 8. С. 286.

³ А.М. Скабичевский также выделял в романе «... Марка Волохова и Тушина, — типов очевидно сочиненных, а не взятых из жизни» (Скабичевский А.М. Старая правда // Отечественные записки. 1869. № 10. Отд. II. С. 190; Антропов Л.Н. «Обрыв», роман И.А. Гончарова / Л.Н. А-ов // Заря. 1869. № 11. С. 113).

⁴ Доходило до чрезвычайно резких высказываний в адрес Гончарова, например, у Д.Д. Минаева (Минаев Д.Д. С неевского берега / Аноним // Дело. 1869. № 7. Отд. II. С. 81).

образе циничного буяна» [Венгеров, 1885: 260 (вторая, ошиб. паг.)]⁵. Через десять лет после смерти Гончарова, выступая на заседании Общества любителей российской словесности, А.Н. Веселовский говорил о старых счетах публики к писателю за Волохова [Общество любителей российской словесности, 1901: 1283]⁶.

Несмотря на то что Гончаров создал Волохова «типом», появилось несколько предположений о том, кто мог быть прототипом этого персонажа.

В ранних набросках романа Вера должна была последовать в Сибирь за возлюбленным — дворянином, политическим ссыльным. Существовала прототипическая ситуация — история Камиллы Ле Дантю и декабриста В.П. Ивашева [Чемена, 1958: 188—189; Бейсов, 1960: 14—15, 52; Демиховская, 1975: 111]. В 2004 г. И.В. Смирнова показала, что Гончаров действительно знал в подробностях историю декабриста и девушки, а затем, отвергнув этот ход, оставил в романе свидетельство своего восхищения подвигом жен декабристов [Смирнова, 2004]. Свидетельство того, что Гончаров отверг вариант следования Веры за героем в Сибирь, находим в его письме Ек.П. Майковой (апрель 1869 г.) [Гончаров, 1980b: 349—350]. Однако Ивашева никто из исследователей не рассматривал всерьез как возможного прототипа Волохова. Тип вольнодумца продолжал существовать в 1855 г., когда Гончаров рассказывал о плане будущего романа Тургеневу. Но затянувшийся процесс написания романа отодвинул этот тип в прошлое, выдвинув на первый план более актуальную фигуру.

Еще при жизни писателя среди его родственников бытовало убеждение, что отношения Веры и Марка были проекцией отношений самого Гончарова с Верой Лукиничной Лукьяновой, гувернанткой детей Кирмаловых [Гончаров, 2017: 486—487]. Это отражено как факт в воспоминаниях Е.А. Гончаровой (жены А.Н. Гончарова, племянника писателя) [Материалы к биографии И.А. Гончарова, 2008: 160—161], дано как развернутая картина (сцена прощания девушки с писателем при отъезде последнего) в недостоверных воспоминаниях Г.Н. Потанина [Потанин, 1969: 41], поддержано как версия у Е.А. Ляцкого [Ляцкий, 1925: 170—171, 174] и у А.Д. Алексеева [Алексеев, 1960: 338]; этой версии придерживается В.И. Мельник [Мельник, 2007]. Анализ переписки Гончарова и Лукьяновой (одно

⁵ См. сходное мнение в 1895 г.: *Николаев П.Ф.* Периодические издания / Без подписи // Рус. мысль. 1895. № 2. Библиогр. отд. С. 96; *Он же.* Вопросы жизни в современной литературе. М., 1902. С. 113—114; *Гаршин Е.М.* Неразгаданная книга // Ист. вестник. 1895. № 3. С. 888.

⁶ Тогда же В.П. Острогорский относил «ошибку» Гончарова, якобы допущенную при создании Волохова, за счет небрежности (*Острогорский В.П.* Этюды о русских писателях. И.А. Гончаров. 2-е изд. СПб., 1910. С. 131).

его письмо 1850 г. и одно ее письмо 1882 г.), а также упоминаний о Лукьяновой в письмах к другим лицам показывает, что они поддерживали длительное, до старости обоих, знакомство, более деловое с его и более эмоциональное с ее стороны. Можно предположить, что в данном случае имела место прототипическая ситуация — момент влюбленности, психологическое наблюдение Гончарова о собственном донжуанизме, а также внешность В.Л. Лукьяновой, по воспоминаниям общего круга знакомых — красавицы.

Гончаров признавал, что в Волохове сочетались черты молодежи как 1840-х, так и 1860-х годах [Гончаров, 1980b: 343]. Но можно заметить, что одна из черт характера этого персонажа — склонность к «проказам» — результат наблюдений, сделанных будущим писателем еще во время учебы в Москве и отраженных в воспоминаниях «Вуниверситете» [Гончаров, 1980a: 229]. В черновиках «Обрыва» эти наблюдения отданы Леонтию Козлову [Гончаров, 2008: 202, 203]. В окончательном тексте романа этого нет. Можно предположить, что Гончаров счел исключенный текст лишним для общего замысла: Марк, который первоначально мыслился просто злоумышленником, т.е. человеком, предвидящим неприятные последствия своих шалостей, превратился в злоумышленника невольного, поступки которого вызваны инстинктивным протестом против окружающей несправедливости.

В.П. Буренин сравнил Волохова со скандально известной фигурой предшествующего десятилетия — В.И. Кельсиева, не подразумеваемая прототипа [Буренин, 1869a]. По имеющимся сведениям, в эпоху создания «Обрыва» Гончаров не был лично знаком с Кельсиевым⁷.

Похожей была прототипическая ситуация сосланного в Симбирск Николая Михайловича Сатина⁸, о котором сам Гончаров не оставил упоминаний, но о ком, несомненно, знал, так как Сатин с перерывами служил в канцелярии сибирского губернатора в 1835–1837 гг. [Бейсов, 1960: 15–16; Селиванов, 1969: 39–40].

Существовало мнение о том, что прототипом Волохова мог быть студент Федор Васильевич Любимов — учитель детей Вл.Н. и Ек.П. Майковых [Из неизданной книги Ф.Д. Батюшкова «Около талантов», 2000: 180–181; Воспоминания В.И. Дмитриевой о Е.П. Майковой, 2008; Лилин, 1968; Лобкарева, 2003; Ненарушаемая связь, 2009; Соколова, 1998a; 1998b: 325–326; Чемена, 1958; 1966]. Суть истории заключалась в том, что Екатерина Павловна Майкова, увлекшись революционными идеями, ушла (имея уже трех детей) от мужа к студенту-нигилисту Федору Васильевичу Любимову.

⁷ Кельсиев Василий Иванович (1835–1872) — русский общественный деятель, публицист.

⁸ Сатин Николай Михайлович (1814–1873) — поэт-переводчик.

Гончаров был потрясен трагедией семьи и, зная о других подобных трагедиях, почувствовал в этом разрушении устоев нерв новой эпохи.

Н.К. Пиксанов писал о том, что Ф.М. Достоевский, В.Д. Спасович, Н.Л. Бродский выдвигали предположение о взятом Гончаровым из жизни настоящем революционере типа С.Г. Нечаева как прототипе Волохова [Пиксанов, 1968: 70].

Е.А. Гончарова, жена племянника писателя — А.Н. Гончарова, писала Е.А. Ляцкому 9 июля 1912 г. о пребывании Н.Г. Чернышевского в Симбирске в 1850-х годах и знакомстве его с матерью Александра Николаевича — Елизаветой Карловной: «Как только муж ее, Ник<олай> Ал<ександрович>, уходил в гимназию, он являлся к молодой жене, развивал ее и старался ее уверять, что Бога нет, что надо уйти от мужа, которого больше не любит. Она <нрзб.> над этими вопросами. Ив<ан> Ал<ександрович> знал об этом увлечении. Не Чернышевский ли прототип Марка Волохова?» [Мельник, 2008: 120].

Краевед П.С. Бейсов назвал еще одно имя человека, которого симбирское предание некогда связало с персонажем романа Гончарова. Это некто Бернгольд (возможно, Петр Берггольд), известный своим беспутным поведением [Бейсов, 1947: 196; 1960: 86–87]. От него, судя по стихам Д.Д. Минаева, в городе не было «проходу» [Минаев, 1947: 182]. Сам Минаев — также возможный источник, из которых Гончаров почерпнул черты для своего персонажа: он писал сатирические стихи на симбирян («Губернская фотография»).

Однако среди родственников писателя преобладало убеждение, что Волохов списан с одного из племянников — Владимира Михайловича Кирмалова. Это убеждение можно назвать пристрастным, так как исходило оно от наиболее нервно относившегося к Гончарову родственника — от его племянника, А.Н. Гончарова⁹. В переписке с М.М. Стасюлевичем последний подробно изложил свои соображения, защищая двоюродного брата и осуждая дядю. В воспоминаниях А.Н. Гончарова о событиях 1862 г. (когда Гончаров приехал в Симбирск) фигурируют такие черты Кирмалова, как постоянный эпатаж, показное безбожие, такие поступки, как лазание в дом через окна, ночевки на сеновалах и т.д., а главное то, что он «проповедовал знакомым и незнакомым, гимназистам и институткам, заезжим помещикам и приезжим больным дяди Музалевского» произведения Бюхнера, Фогта, Молешотта, Герцена, — черты, напоминающие

⁹ В свою очередь, и Гончаров мог быть назван пристрастным по отношению к своему герою. Это особо отметил М.А. Протопопов (*Протопопов М.А.* Гончаров // Рус. мысль. 1891. № 11, отд. II. С. 109–110). Воспоминания А.Н. Гончарова были использованы М.Ф. Суперанским (ВЕ, № 11, 12), затем эта версия была повторена Р.В. Ивановым-Разумником (*Гончаров И.А.* Сочинения / Ред. Б. Томашевского и К. Халабаева; коммент. Р. Иванова-Разумника. М., 1930. Т. 4: Обрыв. С. 436).

Марка Волохова; Гончарову при этом приписывается ненависть к племяннику. В то же время Е.А. Гончарова зафиксировала, что Волохов отчасти списан с самого А.Н. Гончарова (но главным прототипом и она назвала В.М. Кирмалова) [Материалы к биографии И.А. Гончарова, 2008: 148–157, 161]. Между тем, судя по другим источникам, отношение И.А. Гончарова к Кирмалову нельзя назвать отрицательным [Алексеев, 1960: см. указ. имен]. Возможно, здесь имеет место явление своеобразного «обратного прототипизма», преломленного через сознание авторов воспоминаний: художественный вымысел писателя был как бы вторично подтвержден жизнью [Алексеева, 1985; Смирнова, 1999].

Л.С. Гейро указывала, что в период написания романа внимание Гончарова было привлечено к Писареву [Гейро, 1980: 16]. Следует добавить, что Гончаров на своей службе познакомился не только со взглядами Писарева, но и с большим числом других авторов и глубоко осознавал проблемы эпохи [Гончаров, 2014: 443–447].

Упомянем также курьезный «прототип» «невозможного героя»: это «оригинальная личность в чуйке», упомянутая Лесковым [Лесков, 2004: 326]¹⁰.

Предположение о происхождении фамилии персонажа высказано А.В. Лобкаревой, полагавшей, что будущий писатель впервые услышал ее от своего крестного [Лобкарева, 1994: 306]. В черновиках романа фамилия «Волохов» первоначально должна была принадлежать Леонтию, ставшему в конце концов Козловым [Гончаров, 2010: 38].

Список литературы

1. Алексеев А.Д. Летопись жизни и творчества И.А. Гончарова. Л., 1960.
2. Алексеева Ю.М. Встреча в музее И.А. Гончарова // Ульяновская правда. 1985. 9 июня.
3. Из неизданной книги Ф.Д. Батюшкова «Около талантов»: «В семье Майковых» / Публ. П.Р. Заборова // Русская литература. 2000. № 3. С. 177–193.
4. Бейсов П.С. Гончаров и родной край. 2-е изд., доп. Куйбышев, 1960.
5. Бейсов П.С. [Комментарий] // Минаев Д.Д. Стихотворения / Ред., вступ. ст. и примеч. И.Г. Ямпольского. Куйбышев, 1947. С. 265–306.
6. Буренин В.П. Журналистика / Z. // СПб. ведомости. 1869. № 42. 11 февр. С. 2.
7. Буренин В.П. Журналистика / Z. // СПб. ведомости. 1869. № 125. 8 мая. С. 2.
8. Василевский Ип. Библиография // Новое время. 1869. № 45. 7 марта. С. 2.

¹⁰ Впервые напечатано: Лесков Н.С. Русские общественные заметки / Без подписи // Бирж. вед. 1869. № 291, 26 окт. С. 1–2.

9. Венгеров С.А. И.А. Гончаров (Лит. портрет) / Л. Долин // Новь. 1885. Т. IV. № 14. С. 105–112 (вторая, ошиб. паг.).
10. Воспоминания В.И. Дмитриевой о Е.П. Майковой / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Т.В. Соколовой // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2008. Т. 67. № 3. С. 47–68.
11. Гайдебуров П.А. Внутреннее обозрение // Дело. 1869. № 7. Отд. II. С. 16–20.
12. Гейро Л.С. Творческая история романа И.А. Гончарова «Обрыв»: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1980.
13. Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 7, 8. М., 1980.
15. Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 8, кн. 1. СПб., 2008.
16. Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 8, кн. 2. СПб., 2010.
17. Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 10. СПб., 2014.
18. Гончаров И.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. Т. 15. СПб., 2017.
19. Демиховская О.А. И.А. Гончаров и декабристы // Рус. лит. 1975. № 4. С. 107–113.
20. Лесков Н.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 8. М., 2004.
21. Лилин В. Иван Александрович Гончаров. Л., 1968.
22. Лобкарева А.В. К истории отношений И.А. Гончарова и Е.П. Майковой // И.А. Гончаров: Материалы Международной конференции, посвященные 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2003. С. 357–360.
23. Лобкарева А.В. О родословной Н.Н. Трегубова // И.А. Гончаров (Материалы международной конференции, посвященные 180-летию со дня рождения И.А. Гончарова). Ульяновск, 1994. С. 303–308.
24. Ляцкий Е.А. Роман и жизнь. Прага, 1925.
25. Материалы к биографии И.А. Гончарова / Вст. ст., подгот. текста и коммент. А.В. Романовой // Русская литература. 2008. № 3. С. 140–163.
26. Мельник В.И. Елизавета Гончарова и ее воспоминания («Четвертая тетрадь») // Филологические записки. Вып. 27. Воронеж, 2008. С. 117–129.
27. Мельник В.И. След таинственной судьбы: Кому делал предложение Иван Гончаров // Литературная Россия. 2007. № 29. 20 июля. С. 14.
28. Минаев Д.Д. Губернская фотография // Минаев Д.Д. Стихотворения / Ред., вступ. ст. и примеч. И.Г. Ямпольского. Куйбышев, 1947. С. 177–185.
29. Ненарушаемая связь: К истории романа И.А. Гончарова «Обрыв». Воспоминания о Е.П. Майковой. Письма / Сост., подгот. текстов, примеч. и коммент. Т.В. Соколовой. М., 2009.
30. Общество любителей российской словесности / Без подписи // Ист. вестник. 1901. № 12. С. 1283 [слова А.Н. Веселовского передаются репортером].
31. Окрейц С.С. Журналистика 1869 года. Статья I (Новые романы старых романистов) // Дело. СПб., 1869. № 9, отд. II. С. 76–88.
32. Пиксанов Н.К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. М., 1968.

33. Потанин Г.Н. Воспоминания об И.А. Гончарове // И.А. Гончаров в воспоминаниях современников / Отв. ред. Н.К. Пиксанов. Л., 1969. С. 23–44.
34. Селиванов К.А. Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1969.
35. Смирнова И.В. И.А. Гончаров и декабристы: Новые материалы // Материалы первой научной конференции, посвященной ученому и краеведу С.Л. Сытину. Ульяновск, 2004. С. 134–142.
36. Смирнова И.В. Дом Музалевских: Об истории одного из гончаровских мест Симбирска // Сборник материалов научной конференции, посвященной 190-летию Симбирской губернской гимназии (1809–1999) (3 дек. 1999 г.) / Отв. ред. А.Н. Зубов. Ульяновск, 1999. С. 89–96.
37. Соколова Т.В. Крест на дороге // Первое сентября. 1998. Вып. 11. 23 апр. С. 5.
38. Соколова Т.В. «Обрыв» // Энциклопедия литературных произведений / Под ред. С.В. Стахорского. М., 1998. С. 325–326.
39. Соловьев Н.И. Родство и кипучие страсти (Критика романа Гончарова «Обрыв») // Соловьев Н.И. Искусство и жизнь Ч. 3. М., 1869. С. 258–279.
40. Утин Е.И. Литературные споры нашего времени // Вестник Европы. 1869. № 11. С. 347–374.
41. Чемена О.М. Гончаров и семейная драма Майковых // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков / Отв. ред. Б.П. Городецкий. М.; Л., 1958. С. 185–195.
42. Чемена О.М. Создание двух романов: Гончаров и шестидесятница Е.П. Майкова. М., 1966.

Aleksandra Romanova

FREETHINKERS, MADCAPS, AND MARK VOLOKHOV: A CASE OF IVAN GONCHAROV'S OBRYY

*Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, Russia 199034*

Writing a commentary for the Complete Works by Ivan Goncharov, we have taken into consideration the results of multiple attempts to indicate the prototype of Mark Volokhov, a protagonist of the novel 'Obryv' ('The Precipice'). The bibliographic index 'I.A. Goncharov' released in St. Petersburg in 2015 revealed a series of books and articles about the writer and they have been scrutinized. We have also examined the materials that appeared after the index was published. Mark Volokhov was the expected hero, but he caused shock, was declared successively obsolete, like ruffians of the old time, composed, like Tushin, caricatured, believable and, finally, true to reality. The course of changes in the image of Mark

Volokhov in accordance with the change in the original plan of the novel is shown: from a freethinker, an opponent of state exiled to Siberia, to a madcap, frightening the provincial city with violent antics, in accordance with Goncharov's idea that Volokhov is a "candidate for demagogues" that he acts according to his convictions, while being sincerely mistaken. Identified and considered prototype situations and possible prototypes proposed by the researchers: decembrist V.P. Ivashev as a prototype of a freethinker; exuberant students at Moscow University; Goncharov himself as a possible seducer of V.L. Lukyanova; representatives of the generation of rebels — agitator V.I. Kelsiev, N.M. Satin, F.V. Lyubimov; revolutionary S.G. Nechaev; N.G. Chernyshevsky; residents of Simbirsk — the scampish Berchholz and the author of satirical poems D.D. Minaev; nephews of the writer A.N. Goncharov and V.M. Kirmalov; D.I. Pisarev.

Key words: I.A. Goncharov; novel; commentary; prototypical situation; prototype.

About the author: *Aleksandra Romanova* — Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (e-mail: alicel22@gmail.com).

References

1. Alekseev A.D. Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Goncharova [Chronicle of life and work of I.A. Goncharov]. Leningrad: *Nauka Publ.*, 1960. 367 p.
2. Alekseeva Yu.M. Vstrecha v muzee I.A. Goncharova [Meeting at the Museum of I.A. Goncharov]. *Ul'yanovskaya Pravda* [Ulyanovskaya truth], 1985, 9 июня. (In Russ.)
3. Iz neizdannoi knigi F.D. Batyushkova "Okolo talantov": "V sem'e Maikovykh" [From an unpublished book by F.D. Batyushkov "Near Talents": "In the Maykov family"], publ. P.R. Zaborova. *Russkaya literatura* [Russian literature], 2000, Nr 3, pp. 177–193. (In Russ.)
4. Beisov P.S. Goncharov i rodnoi kraj [Goncharov and his native land]. 2-e izd., dop. Kuibyshev: *Kn. izd.-vo*, 1960, 186 p.
5. Beisov P.S. Kommentarii [Commentary]. In: Minaev D.D. Stikhotvoreniya [Poems], red., vstup. st. i primech. I.G. Yampol'skogo. Kuibyshev, 1947, pp. 265–306.
6. Burenin V.P. Zhurnalistika [Journalism] [sgd.: Z.]. *Sankt-Peterburgskkiye vedomosti* [St. Petersburg Gazette], 1869, № 42, 11 февр., p. 2. (In Russ.)
7. Burenin V.P. Zhurnalistika [Journalism] [sgd.: Z.]. *Sankt-Peterburgskkiye vedomosti* [St. Petersburg Gazette], 1869, Nr 125, 08.05, p. 2. (In Russ.)
8. Vasilevskii Ip. Bibliografiya [Bibliography]. *Novoe vremya* [New time], 1869, № 45, 7 марта, p. 2. (In Russ.)
9. Vengerov S.A. I.A. Goncharov: (Lit. portret) [I.A. Goncharov: (Literary portrait)] [sgd.: L. Dolin]. *Nov'* [Virgin soil], 1885, t. IV, Nr 14, pp. 105–112 (the 2nd erroneous pagination). (In Russ.)
10. Vospominaniya V.I. Dmitrievoi o E.P. Maikovoi [Memoirs of V.I. Dmitrieva about E.P. Maykova], vstup. st., podgot. teksta i primech. T.V. Sokolovoi. *Iz-*

- vestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences], 2008, t. 67, № 3, pp. 47–68. (In Russ.)
11. Gaideburov P.A. Vnutrennee obozrenie [Internal Review] [sgd.: Gdb]. *Delo* [Deed], 1869, № 7. ch. II, pp. 16–20. (In Russ.)
 12. Geiro L.S. Tvorcheskaya istoriya romana I.A. Goncharova “Obryv” [Creative story of the novel of I.A. Goncharov “The Precipice”]: Avtoref. dis. ... k. filol. n. LGU. Leningrad, 1980, 22 p.
 13. Goncharov I.A. Sobranie sochinenii [Collected works]: V 8 vol. Vol. 7, 8. Moskva: *Khudozh. lit. Publ.*, 1980.
 15. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete works and letters]: V 20 t. T. 8, kn. 1. SPb.: *Nauka Publ.*, 2008, 531 p.
 16. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete works and letters]: V 20 t. T. 8, kn. 2. SPb.: *Nauka Publ.*, 2010, 531 p.
 17. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete works and letters]: V 20 t. T. 10. SPb.: *Nauka Publ.*, 2014, 704 p.
 18. Goncharov I.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem [Complete works and letters]: V 20 t. T. 15. SPb.: *Nauka Publ.*, 2017, 552 p.
 19. Demikhovskaya O.A. I.A. Goncharov i dekabristy [I.A. Goncharov and the Decembrists]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 1975, Nr 4, pp. 107–113. (In Russ.)
 20. Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]: V 30 t. T. 8. Moskva: *Terra Publ.*, 2004. 943 p.
 21. Lilin V. Ivan Aleksandrovich Goncharov. Leningrad: *Prosveshchenie Publ.*, 1968. 111 p.
 22. Lobkareva A.V. K istorii otnoshenii I.A. Goncharova i E.P. Maikovoii [To the history of relations of I.A. Goncharov and E.P. Maikova]. *I.A. Goncharov: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova* [I.A. Goncharov. Materials of the International Conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of I.A. Goncharov]. Ul’yanovsk, 2003, pp. 357–360. (In Russ.)
 23. Lobkareva A.V. O rodoslovnoi N.N. Tregubova [About the genealogy of N.N. Tregubov]. *I.A. Goncharov: (Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 180-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova)* [I.A. Goncharov. Materials of the International Conference dedicated to the 180th anniversary of the birth of I.A. Goncharov]. Ul’yanovsk, 1994, pp. 303–308. (In Russ.)
 24. Lyatskii E.A. Roman i zhizn’ [The novel and the life]. Praga: *Plamya Publ.*, 1925. 396 p.
 25. Materialy k biografii I.A. Goncharova [Materials for the biography of I.A. Goncharov], vstup. st., podgot. teksta i komment. A.V. Romanovoi. *Russkaya literatura* [Russian literature], 2008, № 3, pp. 140–163. (In Russ.)
 26. Mel’nik V.I. Elizaveta Goncharova i ee vospominaniya (“Chetvertaya tetrad”) [Elizaveta Goncharova and her memoirs (“The Fourth Notebook”)]. *Filologicheskiye zapiski* [Philological notes], Iss. 27, Voronezh, 2008, pp. 117–129. (In Russ.)

27. Mel'nik V.I. Sled tainstvennoi sud'by: Komu delal predlozhenie Ivan Goncharov [Trail of a mysterious fate: To whom Ivan Goncharov made an offer]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia], 2007, Nr 29, 20 июля, p. 14. (In Russ.)
28. Minaev D.D. Gubernskaya fotografiya [Provincial Photography]. In: Minaev D.D. *Stikhotvoreniya* [Poems] / red., vstup. st. i primech. I.G. Yampol'skogo. Kuibyshev, 1947, pp. 177–185.
29. Nenarushaemaya svyaz': K istorii romana I.A. Goncharova "Obryv". Vospominaniya o E.P. Maikovoi. Pis'ma [Undisturbed connection: To the story of the novel of I.A. Goncharov "The Precipice". Memories of E.P. Maikova. Letters], sost., podgot. tekstov, primech. I komment. T.V. Sokolovoi. Moskva: *Sovpadeniye Publ.*, 2009. 256 p.
30. Obshchestvo lyubitelei rossiiskoi slovesnosti [Society of Russian Literature Lovers], [Without a signature]. *Istoricheskii vestnik* [Historic Herald], 1901, Nr 12, p. 1283 [the words of A.N. Veselovsky retold by reporter]. (In Russ.)
31. Okreits S.S. Zhurnalistsika 1869 goda. Stat'ya I. (Novye romany starykh romanistov) [Journalism of 1869. Article I. (New Novels of Old Novelists)], [sgn.: Okr-ts]. *Delo* [Deed], 1869, № 9, ch. II, pp. 76–88. (In Russ.)
32. Piksarov N.K. Roman Goncharova "Obryv" v svete sotsial'noi istorii [Goncharov's novel "The Precipice" in the light of social history]. Moskva: *Nauka Publ.*, 1968. 202 p.
33. Potanin G.N. Vospominaniya ob I.A. Goncharove [Memoirs about I.A. Goncharov]. *I.A. Goncharov v vospominaniyakh sovremennikov* [I.A. Goncharov in the memoirs of contemporaries], otv. red. N.K. Piksarov, Leningrad, 1969, pp. 23–44. (In Russ.)
34. Selivanov K.A. Literaturnye mesta Ul'yanovskoi oblasti [Literary places of the Ulyanovsk region]. Saratov: *Privolzh. kn. izd-vo*, 1969, 198 p.
35. Smirnova I.V. I.A. Goncharov i dekabristy: Novye materialy [I.A. Goncharov and the Decembrists: New materials]. *Materialy pervoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi uchenomu i kraevedu S.L. Sytinu* [Materials of the first scientific conference dedicated to the scientist and local historian S.L. Sytin], Ul'yanovsk, 2004, pp. 134–142. (In Russ.)
36. Smirnova I.V. Dom Muzalevskikh: Ob ist. odnogo iz goncharov. mest Simbirsk [Muzalevsky House: On the history of one of the goncharov's places in Simbirsk]. *Sbornik materialov nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu Simbirskoi gubernskoi gimnazii (1809–1999) (3 dek. 1999 g.)* [Collection of materials of a scientific conference dedicated to the 190th anniversary of the Simbirsk Provincial Gymnasium (1809–1999) (Dec 3, 1999)], otv. red. A.N. Zubov, Ul'yanovsk, 1999, pp. 89–96. (In Russ.)
37. Sokolova T.V. Krest na doroge [Cross on the road]. *Pervoe sentyabrya* [First of september], 1998, Iss. 11, 23.04, p. 5. (In Russ.)
38. Sokolova T.V. "Obryv" ["The Precipice"]. *Entsiklopediya literaturnykh proizvedenii* [Encyclopedia of literary works], pod red. S.V. Stakhorskogo. Moskva, 1998, pp. 325–326. (In Russ.)
39. Solov'ev N.I. Rodstvo i kipuchie strasti (Kritika romana Goncharova "Obryv") [Kinship and turbulent passions (Criticism of Goncharov's novel "Obryv")]

- “The Precipice”)]. In: Solov’ev N.I. *Iskusstvo i zhizn’*. Ch. 3. Moskva, 1869, pp. 258–279.
40. Utin E.I. Literaturnye spory nashego vremeni [Literary disputes of our time]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe], 1869. Nr 11, pp. 347–374. (In Russ.)
41. Chemena O.M. Goncharov i semeinaya drama Maikovykh [Goncharov and the Maykov’s family drama]. *Voprosy izucheniya russkoi literatury XI–XX vekov* [Questions of the study of Russian literature of the XI–XX centuries], otv. red. B.P. Gorodetskii, Moskva, Leningrad, 1958, pp. 185–195. (In Russ.)
42. Chemena O.M. Sozdanie dvukh romanov: Goncharov i shestidesyatnitsa E.P. Maikova [The creation of two novels: Goncharov and the woman of the 1860’s E.P. Maykova]. Moskva: *Nauka Publ.*, 1966.

Ли Синьмэй

ПЕРЕВОДЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КИТАЕ (середина 1980-х — 2010-е годы)

Фуданьский университет

220 Хандань, р-н Янпу, Шанхай 200433, Китай

В статье¹ предлагается обзор переводов современной русской литературы в КНР с середины 1980-х годов до сегодняшнего дня. Представлен рейтинг современных русских писателей по количеству переведённых в Китае произведений: самым переводимым является лауреат Нобелевской премии А. Солженицын (более 20 изданий), за ним следует писатель детективного жанра Н. Леонов (17 произведений), далее — Юрий Бондарев (около 10); затем идут Д. Гранин, В. Маканин, С. Лукьяненко, В. Распутин, В. Астафьев (у каждого переведено от пяти до семи произведений). У других писателей, имена которых вошли в составленный нами рейтинг, переведено от одной до четырех работ. Детально анализируются организационные вопросы, связанные с переводом и публикацией, в частности, речь идет о роли издательств и журналов. В последние годы благодаря развитию и углублению дружественных отношений Китая и России переводы и издания художественных произведений активно поддерживаются на государственном уровне. Освещается ряд сложностей и проблем в организации перевода современной русской литературы в Китае: критерии отбора произведений для перевода представляются порой непродуманными, количество профессиональных переводчиков — недостаточным; отмечается также жанровый дисбаланс переводимых текстов, а также низкие тиражи публикуемых переводов.

Ключевые слова: современная русская литература; перевод; обзор; Китай.

История перевода русской литературы в Китае подразделяется на пять периодов: 1) начало XX в.; 2) после «Движения 4 мая» (1919); 3) после образования Китайской Народной Республики (1949); 4) в период «культурной революции» (1966—1976); 5) после начала «политики открытости» (1978) [Лю Вэньфэй, 2004]. Русская литература с середины 1980-х годов в глазах китайцев является современной, и интерес к ее переводу непрерывно растет.

Ли Синьмэй — кандидат филологических наук, доцент, Фуданьский университет (e-mail: lixinmei@fudan.edu.cn).

¹ Данная статья является одним из научных трудов по проекту «Направления и школы современной русской литературы» (2019BWY028), который получил грант от Шанхайского фонда философии и общественных наук.

1. Рейтинг современных русских писателей по количеству переведенных произведений

Наиболее востребованным в Китае современным русским писателем является лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын. Переводы его произведений насчитывают более 20 изданий. «Один день Ивана Денисовича» опубликован на китайском языке в пяти переводных версиях, авторами которых являются Линь Фоюань, Сы Жэнь, Цзян Минхэ, Ли Чжэ, Цао Сулин. Переводная версия Сы Жэня до сих пор пользуется наибольшей популярностью, несмотря на то, что его перевод был опубликован еще в 1963 г. (более поздние переиздания — 1999 и 2008 гг.). «Раковый корпус» имеет два варианта перевода, выполненных соответственно Цзян Минхэ и Ма Сяоли. «Архипелаг ГУЛАГ» тоже переведен в двух вариантах: Тянь Давэй, Ху Сюесин. «Бодался теленок с дубом» и «В круге первом» издавались в одной переводной версии (Чэнь Шусянь и Цзин Лимин соответственно), но уже выдержали по три издания. «Красное колесо» пока переведено не полностью, изданы только первый (Хэ Маочжэн), второй (Чжу Баочэнь) и третий тома (Хэ Маочжэн). Кроме этих переводов, Чжан Цзяньхуа отобрал и перевел 29 крохоток, 14 рассказов и семь записок под названием «Хрестоматия по творчеству А.И. Солженицына». В переводе Ли Синьмэй (автора настоящей статьи) вышел сборник «Абрикосовое варенье», в который включено семь двучастных рассказов Солженицына 1990-х годов и повесть «Адлиг Швенкиттен».

Вторым по количеству переводов в КНР является писатель, работающий в детективном жанре, — Н. Леонов (переведено 17 произведений). «Обречен на победу» и «Ловушка» вышли в двух вариантах перевода, другие произведения — в одной версии. Строго говоря, писатель вызывал интерес только у массовой аудитории, преимущественно в период 1998–2005 гг., и с его текстами работали лишь малоизвестные переводчики.

Далее следует Ю. Бондарев. На сегодняшний день в Китае переведено около десяти его произведений. «Игра» вышла в пяти вариантах перевода (Фань Гоэнь, Сюй Чжэньли, Шань Ю, Ван Ляо, Вэн Вэньда). Версия Ван Ляо пользуется наибольшей популярностью, она выдержала два издания — в 1987 и 1997 гг. «Берег» публиковался в двух переводных версиях — Со Си и Ши Чжун. Версия Со Си была издана дважды: в 1986 и 1998 гг. Другие произведения, такие как «Горячий снег» (Чжу Чунь), «Батальоны просят огня» (Чжан Мян), «Мгновения» (Ван Цзыин), «Сборник эссе» (Лю Тун-ин), «Выбор» (Ван Ляо), «Бермудский треугольник» (Янь Хунбо), «Искушение» (Ши Госюн), публиковались только в одном варианте перевода, но «Горячий снег» был переиздан два раза — в 1984 и 1995 гг.

Затем идут Д. Гранин, В. Маканин, С. Лукьяненко, В. Распутин и В. Астафьев, у каждого из них переведено и издано от пяти до семи произведений. У Д. Гранина на китайском языке издано семь книг, из которых «Картина» имеет две переводные версии (Чжан Пэй-вэнь, Чжан Бинхэн). «Эта странная жизнь» переводилась единожды (Хоу Хуаньхун), но выдержала три издания — в 2001, 2004, 2016 гг. А другие работы, такие как «Клавдия Вилор» (Юй Цисянь), «После свадьбы» (Ван Биннань), «Иду на грозу» (Фэн Чжаоюй), «Зубр» (Фань Цзюань), «Мой лейтенант» (Ван Лие), имеют только одну переводную версию и изданы однократно. У В. Маканина переведено тоже семь произведений, и все они пока изданы по одному разу: «Старые книги» (Лю Жо), «Андеграунд, или Герой нашего времени» (Тянь Давэй), «Один и одна» и «Лаз» (Лю Жомэй), «Стол, покрытый сукном и с графином в середине» (Янь Юнсин), «Предтеча» и «Отдушина» (Хоу Вэйхун). У С. Лукьяненко в переводе на китайский язык издано шесть книг, причем одна из них — «Последний дозор» (Чжан Цзюясянь) — опубликована дважды, в 2008 и 2014 гг. Прочие же имеют только одну версию перевода и выдержали по одному изданию: «Дневной дозор» и «Новый дозор» (Ян Кэ), «Ночной дозор» (Юй Гопань), «Сумеречный дозор» (У Цзяньпин), «Танцы на снегу» (Чэнь Цуйэ). У В. Астафьева переведено и опубликовано только пять отдельных книг. Зато «Царь-рыба» имеет две переводные версии (Ся Чжун-и, Янь И), причем первая версия издана трижды (1982, 1997, 2017). «Пастух и пастушка» тоже имеет две переводные версии (Бай Чуньжэнь, Ся Чжун-и), первая из которых была опубликована дважды (1986, 1997). «Печальный детектив» также имеет два варианта перевода (Сюй Сяньсюй, Юй Ичжун), изданных по одному разу. «Сборник эссе» Астафьева имеет одну версию перевода (Чэнь Шусянь) в двух изданиях (1995, 2009). Книга «Затеси» пока переводилась только единожды (Чэнь Шусянь, 2017).

У В. Распутина переведено на сегодняшний день пять произведений. Существует две версии перевода повести «Живи и помни» (Ван Найчжо, Инь Синь), причем вторая версия была издана три раза (2004, 2008, 2017). А другие книги, такие как «Прощание с Матёрой» (Дун Лиу), «Видение: Сборник рассказов и повестей В.Г. Распутина» (Жэнь Гуансюань), «Дочь Ивана, мать Ивана» (Ши Наньчжэн), «Эти 20 убийственных лет: Беседы с Валентином Распутиным» (Ван Лие), представлены в единственной версии перевода и изданы один раз.

По две—четыре работы переведено у 15 писателей. Так, у Л. Улицкой и Е. Евтушенко было переведено по четыре книги. Зато «Медя и ее дети» (Ли Иннань) и «Казус Кукоцкого» (Чэнь Фан) Улицкой, а также «Ягодные места» (Чжан Цаожэнь) Евтушенко вышли уже в двух изданиях. А «Искренне ваш Шурик» (Жэнь Хэ) и «Лестница

Якова» (Жэнь Гуансюань) Улицкой и «Мама и нейтронная бомба» (Су Хан), «Избранные стихи» (Пу Ипин) и «Не умирай прежде смерти» (Мяо Хуа) Евтушенко пока изданы один раз.

В одной версии перевода (и в единственном издании) вышло три произведения А. Варламова — «Рождение» (Юй Ичжун), «Затонувший ковчег» (Мяо Шу), «Мысленный волк» (Юй Минцин); столько же произведений В. Шарова — «Старая девочка» (Ли Су), «Будьте как дети» (Чжао Гуйлянь), «До и во время» (Чэнь Сун-янь), а также Ю. Полякова — «Замыслил я побег...» (Чжан Цзяньхуа), «Козлёнок в молоке» (Гу Син-я), «Грибной царь» (Шан Цин). Также по три произведения переведено на сегодняшний день у Д. Глуховского — «Метро 2033» (Сунь Юе), «Метро 2034» (Ли Южань), «Текст» (Ли Синьмэй) и В. Сорокина — «Метель» (Жэнь Минли), «День опричника» (Сюй Чжэнья), «Теллурия» (Ван Цзунху). У В. Пелевина переведено только две книги: «Generation “П”» (Лю Вэньфэй) и «Чапаев и пустота» (Чжэн Тиу), зато первая выдержала два издания. В одной переводной версии (и в единственном издании) вышло по два произведения у Ю. Козлова — «Ночная охота» (Чжэн Юнван) и «Колодец пророков» (Чжао Хун); у Вл. Карпова — «Судьба разведчика» (Гао Юань) и «Генералиссимус» (Хэ Хунцзян); у М. Шишкина — «Взятие Измаила» и «Венерин волос» (У Цзяю); у Вик. Ерофеева — «Хороший Сталин» (Чэнь Шусянь) и «Русская красавица» (Лю Вэньфэй); у С. Довлатова — «Чемодан» и «Наши» (Лю Сяньпин); у О. Славниковой — «Легкая голова» (Чжан Сяодун) и «2017» (Чжан Цзюясян); у Л. Петрушевской — «Номер один, или В садах других возможностей» (Чэнь Фан) и сборник рассказов «Лабиринт» (Лу Сюеин); у Евг. Шишкина — «Бесова душа» (Вэнь Юйся) и «Закон сохранения любви» (Вэнь Чжэсянь).

У многих писателей переведено на китайский язык по одному произведению: «Упраздненный театр» Б. Окуджавы (Линь Ли), «Господин Гексоген» А. Проханова (Лю Вэньфэй), «Клетка» А. Азовского (Сюй Фэнцай), «Линия судьбы, или Сундучок Милашевича» М. Харитоновой (Янь Юнсин), «Альбом для марок» А. Сергеева (Сюй Фэнцай), «Свидетель» В. Березина (Хуан Мэй), «Пора ехать в Сараево» М. Попова (Чжао Хун), «Чужие письма» А. Морозова (Хэ Юньбо), «Свобода» М. Бутова (Вань Хайсун), «Генерал и его армия» Г. Владимова (Се Бо), «Кысь» Т. Толстой (Чэнь Сюньмин), «Имитатор» С. Есина (Лю Сяньпин), «Санькя» З. Прилепина (Ван Цзунху), «Матисс» А. Иличевского (Чжан Цзюясян), «Библиотекарь» М. Елизарова (Лю Вэньфэй), «Ф. М.» Бориса Акунина (Цинь И), «Казённая сказка» О. Павлова (Лин Цзяньхоу), «Москва — Петушки» В. Ерофеева (Чжан Бин), «Возвращение в Панджруд» А. Волоса

(Чжан Цзяньхуа), «Пушкинский дом» А. Битова (Ван Цзясин), «Цветочный крест» Е. Колядиной (Чжао Гуйлянь), «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной (Чжан Цзе) и т.д.

2. Организация перевода и публикации современной русской литературы в Китае

2.1. Деятельность издательств

В Китае до 1990-х годов лучшие литературные произведения сначала публиковались в журналах, а потом выходили отдельными книгами [Ян Чжэн, 2014: 169]. Однако с 1990-х годов после приобретения авторских прав на перевод китайские издательства начали играть главную роль в организации перевода и публикационной деятельности. В этой области наиболее значимы «Народная литература» (*Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ*), Издательство иностранной литературы (*Вайго вэньсюэ чубаньшэ*), Шанхайское издательство переводной литературы (*Шанхай ивэнь чубаньшэ*), издательство «Илинь» (*Илинь чубаньшэ*) и др., которые выделяются не только общим количеством переведенных произведений, но и своей престижностью. Особенно следует отметить издательство «Народная литература», учредившее свою премию «Лучший зарубежный роман XXI века», которая ежегодно вручается в КНР с 2002 г. Эту премию уже получили больше десяти произведений современной русской литературы.

На рубеже XX–XXI вв. благодаря проектам по переводу современной русской литературы выдвинулись некоторые ранее малоизвестные издательства. Например, в 1999 г. издательство «Куньлунь» (*Куньлунь чубаньшэ*) организовало перевод и выпуск книжной серии «Новая русская литература». В этой серии вышло шесть произведений современной русской литературы. В 2003 г. большой интерес у читателей вызвала «Серия новой русской экспериментальной прозы» от «Китайского издательства молодежи» (*Чжунго циннянь чубаньшэ*). В данную серию включено семь произведений современных писателей. В том же году «Лицзянское издательство» (*Лицзян чубаньшэ*) вызвало настоящую сенсацию изданием «Серии книг–лауреатов премии Русский Букер». В эту серию вошли все 10 книг, которые получили премию «Русский Букер» с 1992 г. по 2001 г.

Кроме того, в XXI в. значительно расширяется круг издательств, участвующих в проектах, связанных с современной русской литературой (некоторые из этих издательств раньше совсем не занимались русской литературой, а другие специализировались на научных трудах). Это говорит о растущем интересе китайских издателей и читателей к русской литературе нашего времени.

2.2. Публикация современной русской литературы в журналах

Многие переведенные произведения выходят не отдельными книгами, а в различных журналах. Переводами современной русской литературы занимаются, главным образом, следующие пять журналов: «Русская литература и искусство» (*Элосы взныи*) (до 1994 г. назывался «Советская литература» (*Сулянь взньсюе*)), «Илинь», «Иностранная литература и искусство» (*Вайго взныи*), «Мировая литература» (*Шицзе взньсюе*) и «Современная иностранная литература» (*Дандай вайго взньсюе*).

По нашей статистике, с середины 1980-х годов по сегодняшний день в журнале «Русская литература и искусство» опубликовано порядка ста произведений (малой формы) современной русской литературы, в «Илине» — около пятидесяти, в «Иностранной литературе и искусстве» — как минимум сорок, в «Мировой литературе» и в «Современной иностранной литературе» — по крайней мере по тридцать. Помимо уже упомянутых авторов, журналы дают возможность познакомиться с творчеством многих других писателей и поэтов. Из старшего поколения это Б. Екимов, С. Липкин, В. Пьецух, А. Ким, В. Токарева, И. Лиснянская, Л. Бородин, В. Войнович, Д. Рубина, М. Попов, В. Белов, Ю. Буйда, А. Кабаков, Б. Евсеев, К. Кобрин, И. Ермакова, Е. Чижова, П. Алёшкин и др. К числу писателей среднего поколения, публикуемых в названных журналах, могут быть отнесены О. Ермаков, Д. Быков и др. Из молодых выделяются И. Богатырёва, А. Ганиева, Евг. Бабушкин, А. Антипин и др. Благодаря переводам китайцам постепенно открывается всё более полная картина современной русской литературы.

2.3. Поддержка государства

В последние годы в связи с развитием и углублением дружественных отношений между Россией и Китаем, правительства обеих стран активно поддерживают издания художественной литературы. В мае 2013 г. две страны подписали «Меморандум о сотрудничестве по проекту взаимного перевода классических и современных литературных произведений». Стороны договорились о том, что за шесть лет будет переведено по крайней мере сто художественных текстов. Четырнадцать китайских издательств занимаются организацией перевода и публикации произведений русской литературы в рамках данного проекта. К 2019 г. было уже переведено и издано более двадцати произведений современной русской литературы.

3. Основные проблемы в организации перевода современной русской литературы в КНР

3.1. Критерии отбора произведений для перевода не всегда носят академический характер

Отбором произведений современной русской литературы для перевода и издания в Китае в основном занимаются издательства, которые всегда ставят на первое место популярность писателя и конкретного произведения. В результате *литературные премии* становятся главным критерием отбора произведений. Большинство писателей, произведения которых переведены на китайский язык, награждались различными премиями — такими как «Большая книга», «Национальный бестселлер», «Русский Букер», «Дебют», премией Александра Солженицына и др. Но такой критерий отбора произведений не всегда оправдан. Ведь сегодня литературные премии «имеют и литературное, и очень сильное экономическое значение» [Литературная премия как факт литературной жизни, 2006: 92]. «Раньше обычно человек сначала что-то создавал, а потом получал за это премию, и она была как бы оценкой его труда. А сейчас никто не знает ни писателя, ни произведения, но он получает премию, и потом по какой-то логике его должны начать читать» [Литературная премия как факт литературной жизни, 2006: 99].

3.2. Недостаточное количество профессиональных переводчиков

Переводчиками современной русской литературы в Китае обычно являются преподаватели русского языка, исследователи русской литературы и редакторы издательств и журналов. На настоящий момент их более сорока. Но среди них нет ни одного профессионального переводчика русской литературы. Все они занимаются переводом в свободное от основной работы время и по разным причинам не могут посвятить себя полностью литературному переводу. Так, например, преподаватель вуза не может включить перевод в отчет о научной работе. Кроме того, переводы не слишком хорошо оплачиваются. В результате китайские русисты довольно неохотно занимаются переводческой работой.

3.3. Низкие тиражи

Переводы современной русской литературы в подавляющем большинстве выпускаются тиражами ниже 5000–8000 экз. Это не-

сравнимо ни с тиражами русской классики, ни с тиражами современной западноевропейской и японской литератур. Такая ситуация объясняется двумя причинами. Во-первых, современная русская литература (в Китае) значительно уступает в известности русской классике XIX в. К тому же современные русские писатели молодого поколения зачастую еще находятся в стадии становления и поэтому не оказывают пока заметного влияния на китайских читателей. Во-вторых, китайцы подвергаются сильному влиянию западноевропейской и японской культур, и поэтому чаще обращаются к литературе этих стран и регионов.

3.4. Жанровый дисбаланс в переводе

Приведенный нами выше список доказывает, что основную долю переводов современной русской литературы в Китае составляет проза, хотя на сегодняшний день опубликовано и несколько сборников поэтических и драматургических произведений. В поэзии это «Избранные современные стихотворения России» (У Ланьхань и др.), «Сборник стихов амурских поэтов» (Гу Юй), «Сборник стихов современных поэтов Санкт-Петербурга» (Чжэн Тиу). В сфере драматургии — это «Избранные современные пьесы России» (Ша Цзинь) и «Сборник современной русской драматургии. Пять томов» (Су Лин). Но следует признать, что до сих пор не издано ни одной отдельной книги современного поэта или драматурга. В журналах также публикуются в основном прозаические произведения, а стихотворные и драматургические — в значительно меньшей степени.

Современная русская литература активно переводится и широко распространяется в Китае благодаря организационной работе китайских издательств и журналов, поддержке правительства. Надо признать, что в силу богатого выбора разнообразных переводных текстов и общей прозападной ориентации китайских читателей, произведения современных писателей России не пользуются такой популярностью, как русская классика XIX в., и вызывают настоящий и глубокий интерес лишь у профессионалов. Но, как отмечает известный китайский издатель, наши страны сегодня «сталкиваются с беспрецедентными изменениями в идеологии, политике, образовании, а также науке и технике. Поэтому издатели должны идти в ногу с эпохой и вносить свой вклад в <...> продвижение культурного обмена двух государств» [Ван Циньжэнь, 2006: 34].

Список литературы

1. Ван Циньжэнь. Удовлетворение потребностей эпохи — процесс перевода и выпуска русской литературы в Китае // Площадка издания. 2006. № 7. С. 31–34 (王钦仁: 满足时代之需—俄罗斯文学在中国的翻译出版之路, 《出版广角》, 2006年第7期, 第31–34页。).
2. Литературная премия как факт литературной жизни // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 88–122.
3. Лю Вэньфэй. Перевод и изучение русской литературы в Китае // НЛО. 2004. № 5.
4. Ян Чжэн. Современная русская литература в материковом Китае // Новый мир. 2014. № 10. С. 169–177.

Li Xinmei

ON TRANSLATIONS OF CONTEMPORARY RUSSIAN LITERATURE IN CHINA (MID-1980s — 2010s)

*220 Handan Road, Wu Jiao Chang, Yangpu District
Fudan University
Shanghai, 200433, China*

This article discusses translations of contemporary Russian literature in China from the mid-1980s. It suggests a rating of contemporary Russian writers by the number of their translated works, with Nobel Prize winner Alexander Solzhenitsyn being the most translated writer (more than 20 editions), the detective novelist Nikolai Leonov ranking second (17 works), Yuri Bondarev ranking third (about 10), followed by Daniil Granin, Vladimir Makanin, Sergey Lukyanenko, Valentin Rasputin and Viktor Astafiev (each having 5–7 translated works). Many other writers have two or four. Emphasis is laid on the process of organizing translation and publication of contemporary Russian literature in China. It is argued that Chinese publishing houses play the biggest role in organizing translation and release. Many translated works are also published in various magazines. In recent years, with closer ties between Russia and China, the governments of both countries actively support the publication of literary works. The accompanying problems in the organization of translation of contemporary Russian literature in China are unreasonable criteria for selecting works, insufficient number of professional translators, low circulation, and genre imbalance.

Key words: contemporary Russian literature; translation; review; China.

About the author: *Li Xinmei* — PhD in Philology, Associate Professor at Fudan University in Shanghai (e-mail: lixinmei@fudan.edu.cn).

References

1. Wang Qinren. *Meet the Needs of the Times — the Process of Translation and Publication of Russian Literature in China* [王钦仁：满足时代之需—俄罗斯文学在中国的翻译出版之路]. *Publishing Plaza* [出版广角]. 2006, No 7, pp. 31–34. (In Chinese)
2. *Literaturnaja premija kak fakt literaturnoj zhizni* [Literature Award as a Fact of Literary Life]. *Voprosy literatury* [Problems of Literature]. 2006, No 2, pp. 88–122. (In Russ.)
3. Liu Wenfei. *Perevod i izuchenie russkoj literatury v Kitae* [Translation and Research of Russian Literature in China]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2004, No 5. (In Russ.)
4. Yang Zheng. *Sovremennaja russkaja literatura v materikovom Kitae* [Contemporary Russian Literature in Mainland China]. *Novyj mir* [New World]. 2014, N 10, pp. 169–177. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

Е.М. Чекалина

**Ривелис Е. ПЕРЕВОДИ НЕ СЛОВА, А СМЫСЛ.
МАСТЕР-КЛАСС ПО ПИСЬМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ
НЕХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА).
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА.
М.: Флинта, 2020. 286 с.**

*Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензируемая книга — учебное пособие по письменному переводу нехудожественных текстов со шведского на русский язык, основной задачей которого является развитие профессионального переводческого мышления в формате мастер-класса. Анализ процесса передачи по-русски смысла шведского оригинала как уникального «языкового образа», выраженного в семантике и прагматике содержания и языковой форме, включая жанр и стиль, базируется на когнитивных основаниях. Книга состоит из трех связанных между собой частей. В первой на конкретных примерах с подробными комментариями излагаются принципы концептуального перевода. Во второй части проводится мастер-класс на материале редакционной статьи из газеты «Дагенс Нюхетер». Последняя часть содержит приложения о ключевых понятиях концептуального анализа и пособиях по теории и практике перевода, словарях и источниках фоновой информации, а также параллельные тексты из рекламы ИКЕИ и статей, опубликованных в газете «Дагенс Нюхетер» в 2016–2019 гг. Рецензируемая книга используется при обучении шведско-русскому переводу на университетском уровне. Однако она интересна не только скандинавистам — переводчикам, преподавателям и языковедам, но и другим гуманитариям.

Ключевые слова: когнитивный анализ; концептуальный перевод; нехудожественный текст; шведский язык; русский язык; переводческое мышление; переводная эквивалентность; непереводаемость.

Автор рецензируемой книги — переводчик и лексикограф, составитель шведско-русских тематических словарей-справочников [Rivelis, 1998; 1999; 2017], доктор философии, диссертация которого посвящена проблемам

Чекалина Елена Михайловна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой германской и кельтской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: etchl@yandex.ru).

когнитивной лексикографии [Ривелис, 2007]. Перед нами учебное пособие в формате мастер-класса, предполагающее живое общение с адресатом в виде настольной ролевой игры и особенно важное при обучении иностранному языку и переводу. Отсюда понятна наглядность изложения и обильное использование экспрессивно-стилистических средств в авторской речи начиная с эпиграфа из «Максим и размышлений» Гёте о непереводаемости при переводе и списка рекомендаций с образно-метафорическим названием «На скрижалях». Весь текст насыщен игрой слов, построенной на аллюзиях к классическим работам отечественных языковедов и специалистов в области теории и практики перевода, с одной стороны, и к русской фразеологии как неисчерпаемому источнику отечественной словесности — с другой. Основная задача мастер-класса — развитие профессионального переводческого мышления на примере нетривиальных авторских решений. Описание интерпретации смысла оригинала как уникального «языкового образа» в единстве семантики и прагматики содержания и языковых средств его выражения, включая жанр и стиль, базируется на когнитивных основаниях. Иногда, правда, игровая форма и метафорическая образность несколько затеняют логику изложения, ослабляя объяснительную силу научного метода.

Книга состоит из трех органично связанных между собой частей. В первой на конкретных примерах перевода лексем, словосочетаний, отдельных высказываний и законченных текстов излагаются принципы концептуального метода. Вторая часть и есть мастер-класс с детальным «пошаговым» описанием техники перевода. Последняя часть содержит три приложения. Это дополнения о ключевых понятиях концептуального анализа, а также подробные сведения о пособиях по теории и практике перевода, словарях и источниках фоновой информации. В два других приложения включены учебные материалы — параллельные тексты из рекламы ИКЕИ и трех статей, опубликованных в разных разделах газеты «Дагенс Нюхетер» в 2016–2019 гг.

Представляется, что «приглашение к рефлексии», каким видится Е. Ривелису в идеале концептуальный метод, невозможно без преодоления реальных «трудностей перевода», неизбежных при обучении. В связи с этим остается не вполне понятным вопрос о том, КАК на практике овладеть им без использования лексико-грамматических преобразований, необходимых для перекодирования речевого произведения и передачи его смысла на другом языке? КАК «интуитивно понятным образом» реализовать «самораскрытие» метода и развить «дисциплинированную, воспитанную интуицию» профессионального переводческого мышления? Вопросы никак не умаляют достоинств рецензируемой книги — первого пособия по переводу со шведского на русский, основанного на когнитивном подходе. Можно сожалеть лишь о том, что в ограниченные рамки рецензии не вошла хотя бы малая часть материала, иллюстрирующего многогранность и многообразие концептуальности уникальности обоих языков.

Книга уже используется при обучении шведско-русскому переводу на университетском уровне и оказалась своевременной и полезной для лекций и семинаров в рамках программы интегрированной магистратуры «Скандинавские языки и проблемы перевода», преподавание которой с 2014 г. ведется на кафедре германской и кельтской филологии. Однако она будет

интересна не только переводчикам, преподавателям и языковедам, но и другим гуманитариям в широком смысле этого слова.

Список литературы

1. *Rivelis E.* Как возможен двуязычный словарь? Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 36. Doctoral Thesis in Slavic languages at Stockholm University. Ed. Barbro Nilsson. Stockholm, 2007. 407 p.
2. *Rivelis E.* Svensk-rysk uppslagsordbok. Juridik. Förvaltning. Ekonomi. Stockholm, 1998. 469 с.
3. *Rivelis E.* Svensk-rysk och rysk-svensk uppslagsordbok i upphovsrätt. Stockholm, 1999. 199 p.
4. *Rivelis E.* Svensk-rysk samhällsordbok. Juridik. Förvaltning. Ekonomi. Civilsamhälle. Media. Stockholm, 2017. 352 p.

Elena Chekalina

**Rivelis E. TRANSLATE NOT THE WORD,
BUT THE MEANING. A MASTERCLASS IN TRANSLATION
OF A NON-FICTION TEXT (ON SWEDISH MATERIAL)
THEORY AND PRACTICE OF CONCEPTUAL TRANSLATION.
M.: Flinta, 2020. 286 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, 119991*

The book under review is a manual aimed at learning how to translate non-fiction texts from Swedish into Russian, its main task being the development of translators' professional thinking in the form of a masterclass. The analysis of rendering in Russian the meaning of a Swedish original as of unique "linguistic image" expressed in the semantics and pragmatics of the content and the linguistic form, including the genre and the style, is based on cognitive foundations. The book consists of three interconnected parts. With concrete examples and detailed comments the first part sets forth the principles of conceptual translation. The second is a masterclass based on an editorial from Dagens Nyheter. The last one appendices here on the key ideas of conceptual analysis, manuals on the theory and practice of translation, dictionaries and sources of background information, as well as parallel texts from IKEA's publicity and articles published in Dagens Nyheter in 2016–2019. The book is already used in teaching Swedish-Russian translation at a university level. However it is interesting not only for Scandinavian scholars — translators, teachers and linguists, but also for other researchers.

Key words: cognitive analysis; conceptual translation; non-fiction text; Swedish; Russian; translators' thinking; equivalence in translation; non-translatability.

About the author: *Elena Chekalina* — Prof. Dr., Head of the Department of Germanic and Celtic Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: etch1@yandex.ru).

References

1. Rivelis E. Kak vozmozhen dvujazychnyj slovar'? [How is the bilingual dictionary possible?]. Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 36. Doctoral Thesis in Slavic languages at Stockholm University. Ed. Barbro Nilsson. *Almqvist & Wiksell International*, 2007. 408 p.
2. Rivelis E. Svensk-rysk uppslagsordbok. Juridik. Förvaltning. Ekonomi. *Interword*, 1998. 469 c.
3. Rivelis E. Svensk-rysk och rysk-svensk uppslagsordbok i upphovsrätt. *Interword*, 1999. 199 c.
4. Rivelis E. Svensk-rysk samhällsordbok. Juridik. Förvaltning. Ekonomi. Civilsamhälle. Media. *Interword*, 2017. 352 c.

А.В. Сергеев

**«ПОРОК НЕВИННОСТИ» И ДРУГИЕ ИСТОРИИ /
В переводе Анатолия Чеканского.
М.: Центр книги Рудомино, 2020. 508 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рассматривается антология произведений классиков датской и норвежской литературы XIX–XXI вв. в переводах одного из самых известных отечественных переводчиков с языков скандинавских стран А.Н. Чеканского, а также его вступительная статья, в которой он знакомит читателей со своей оценкой представленных произведений, освещает историю их создания и рассказывает о своем жизненном опыте и переводческой деятельности.

Ключевые слова: антология; скандинавские языки; история создания; переводческая деятельность.

Антология «Порок невинности» и другие истории» в переводе А.Н. Чеканского с яркой иллюстрацией на переплете С. Махровой, выполненной в духе пейзажей Э. Мунка, увидела свет в издательстве Центра Книги Рудомино в серии «Мастера художественного перевода». Автор переводов — один из самых известных отечественных переводчиков произведений скандинавских авторов А.Н. Чеканский.

В содержательном предисловии с интригующим названием «В поисках слова» он пишет: «Практически вся моя жизнь прошла под знаком поиска и выбора слов, причем на двух языках, русском, родном, и ставшем мне не чужим датском...» (5). Рассказывая о своей многолетней переводческой деятельности, Чеканский живо анализирует содержание включенных в антологию произведений, освещает историю их создания, рассказывает о своем переводческом опыте.

Помимо литературной части в предисловии много пассажей глубоко личного свойства. Все, что происходило в его жизни, автор называет словом «везение». Большой удачей он считает то, что был зачислен в группу датского языка, первую в истории филологического факультета МГУ, а потом работал преподавателем датского в МГИМО; с благодарностью вспоминает своих учителей. Перед глазами читателя проходит множество замечатель-

Сергеев Александр Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: av-sergeev@mail.ru).

ных людей, с которыми автору приходилось общаться. Очень важно, что в его рассказе отражается дух времени, чем во многом определен и отбор включенных в антологию произведений.

Имя датского писателя Стена Стенсена Бликера (1782–1848), уроженца Ютландии, мало известно отечественному читателю. А между тем у себя на родине он считается мастером новеллы, более того, создателем этого жанра, становление которого происходило в скандинавских странах в эпоху романтизма. Романтический сюжет в новеллах Бликера развивается на фоне изображения жизни крестьян, матросов, мелких торговцев, а трагическая неразрешимость конфликта — результат разного рода случайностей, оказывающихся для героев фатальными. Включенная в антологию новелла «Галантерейщик» (1829) о непредсказуемости судьбы, охарактеризованная автором предисловия как «типичная для писателя», — одна из лучших у Бликера.

Творчество Андерсена по своему значению для датской литературы сопоставимо со значением Пушкина для русской. Особое место в наследии писателя принадлежит его книгам воспоминаний. Первая и лучшая среди них — «Жизнеописание». Работа над рукописью была завершена в 1832 г., когда Андерсену исполнилось всего 28 лет; получив королевскую стипендию, в 1833 г. отправился в путешествие по Италии (а не Германии, как ошибочно указано в предисловии), где находился по 1834 г. До сих пор «Жизнеописание» остается самым полным и объективным источником сведений о детстве и юности Андерсена. В антологию включена заключительная часть «Жизнеописания», рассказывающая о любви к Риборг Войт, сестре студента К. Войта, с которым Андерсен познакомился в 1828 г.

Включение в антологию отрывка из «Жизнеописания» автор предисловия объясняет двумя причинами. Первая — желание оградить память великого писателя, умершего девственником, от «нездорового интереса» некоторых биографов к его личности, вторая — возможность сравнения жизненных коллизий Андерсена и Киркегора, который разорвал свою помолвку с Региной Ольсен, не рискуя ради семейного счастья поставить на карту свое призвание. Но, может быть, самое главное в сходстве этих двух гениев то, что «оба они были реформаторами письменного датского языка, придавая ему элементы языка разговорного... языка живого, красочного, подлинного. И кроме всего прочего, а, может быть, и в первую очередь, они “узаконили” юмор и иронию в датской литературе» (19).

Трудно переоценить и значение для датской литературы XIX в. творчества Хермана Банга (1857–1912). Опираясь на европейские и национальные литературные традиции, ему удалось поднять датский роман на уровень лучших образцов жанра. Банга хорошо знали и любили в России. Его романы и рассказы почти сразу же после выхода в свет переводились на русский и широко обсуждались в критике. Однако мемуары и эссеистика писателя все еще незаслуженно остаются вне поля зрения отечественных переводчиков. В какой-то степени этот пробел восполняет представленное в антологии эссе «Воспоминания о Хенрике Ибсене» (1906), дающее необычайно яркую характеристику личности драматурга, «требовавшего

от себя соответствия трем главным человеческим принципам: верности, правдолюбию и справедливости» (24).

Датскую литературу XX в. открывает роман одного из самых талантливых и признанных в стране писателей Клауса Рифбьерга (1931–2015) «Порок невинности» (1958). Чеканский справедливо называет этот роман культовым для молодых датчан поколения 1950–1960-х годов. Традиционная тема конфликта поколений раскрывается в нем как бунт против общепринятых норм морали, которые воспринимаются молодыми людьми как ложные. Переводчику пришлось столкнуться со множеством трудностей прежде всего стилистического плана: «Дело в том, что Рифбьерг — новатор, реформатор языка прозы, он играл словами, изменял их структуру, придумывал новые и широко использовал сленг». Еще одна проблема возникла с названием. В отечественных справочниках и пособиях оно фигурировало как «хроническая невинность» (букв. “den kroniske uskyld”). Но по-русски такое название звучало по меньшей мере странно и никак не соответствовало содержанию произведения, поскольку «невинность» понимается в романе в самом широком смысле, и прежде всего как нравственная чистота, доброта и искренность. Горькая ирония (ее как раз и передают слова «порок невинности») заключается в том, что эти качества, которыми в избытке наделены герои, становятся для них источником жизненной драмы.

Роман датского писателя Йенса Блендstrup (р. 1968) «Бог говорит начистоту» (2004) стал заметным событием в литературной жизни Дании, удостоен множества положительных отзывов и включен в школьную программу. Созданный на автобиографической основе, роман повествует о глубокой любви, которую повествователь испытывает к отцу. Как справедливо замечает Чеканский, называя отца Богом, «автор как бы отстраняется от описываемых событий, находит дистанцию, чтобы посмотреть на них и на главного героя глазами стороннего наблюдателя... А отсылка к высшим силам создает комический эффект...» (30). Ведущий принцип повествования — ирония и самоирония автора, направленные, однако, не на отрицание, а на утверждение лучшего в человеке. Роман пронизан любовью к людям, а проблема отцов и детей решается в нем, по признанию Чеканского, в близком ему ключе: «не как борьба нового со старым, якобы уходящим, отжившим свое, а как взаимодействие двух поколений... ведущее в каком-то смысле к продолжению жизни родителей в жизни их детей» (27).

Датская писательница Найя Марие Айдт (р. 1963) известна отечественному читателю по переведенным новеллам из сборника «Павиан» (2006). В этом же сборнике опубликована и представленная в антологии новелла «Женщина в баре». В этой короткой «зарисовке из жизни» описано душевное смятение женщины, ставшей невольной свидетельницей встречи своего мужа или близкого ей человека с его любовницей. Новелла Айдт продолжает лучшие традиции скандинавской короткой прозы. Своей классической простотой, глубоким психологизмом и отточенностью слога она вызывает ассоциации с новеллами Гамсуна.

Датский раздел антологии завершается пьесой Ласе Бо Хандберга (р. 1972) и Мартина Лjungбю (р. 1973) «Дневник обольстителя» (2010), представляющей собой инсценировку одноименного романа Киркегора

из первой части его большого двухтомного сочинения «Или — или» (1843). В нем Киркегор впервые ставит проблему выбора, являвшуюся краеугольным камнем его мирозерцания. Смысл этой проблемы, по Киркегору, заключается не столько в принятом решении, сколько в самом процессе выбора, посредством которого формируется личность человека. В первой части «Или — или» исследуются различные формы эстетического (гедонистского) отношения к жизни. В нее включены фрагменты и целые статьи, целиком посвященные эстетическим проблемам, в частности анализ моцартовского «Дон Жуана». Завершается она «Дневником обольстителя» — дневниковыми записями и письмами молодого человека к любимой девушке и комментариями к этим письмам. Если для эстетика Дон Жуана главное в отношениях с женщинами — удовлетворение чувственных желаний, то для его датского двойника Йоханнеса — это тщательно продуманная система обольщения, обладание же для него всего-навсего преходящий момент. Наслаждение красотой — вот в чем цель и смысл его жизни. Рассматривая пьесу Хандберга и Лjungбю, автор предисловия справедливо отмечает, что драматурги «весьма оригинальным образом переработали текст романа»: «Они включили в пьесу фрагменты из дневниковых записей и писем, скомпоновав их по-своему» (22), в соответствии с требованиями драматургической речи.

Норвежская часть антологии представлена эссеистикой. Признанный мастер художественной прозы Гамсун блестяще проявил себя как литературный критик и эссеист. Как правило, его статьи, очерки и эссе служат дополнением и своеобразным комментарием к его художественным произведениям. Это в полной мере относится к эссе «Соседний поселок» (1917), которое «дает представление о стиле и основной жизненной установке норвежского классика» (24). В эссе отражены консервативные взгляды писателя на развитие человеческой цивилизации: предупреждение об опасности и даже бесчеловечности индустриального развития и любовь к традициям жизни крестьянства. Как мыслитель Гамсун не был оригинален. Значение эссе заключается в том, что оно дает возможность оценить Гамсуна как художника, всегда демонстрирующего ясность и сжатость слога, умеющего несколькими словами передать состояние души.

Представленное в антологии эссе Юхана Боргена (1902–1979) «Нагель» (1959) является, по мнению Чеканского, «блестящим анализом одного из лучших романов Кнута Гамсуна “Мистерии”» (23). С этим нельзя не согласиться. Добавим, что у норвежского писателя особый взгляд на это произведение. «Мистерии» для него — это «роман о художнике. И даже больше: роман о художнике на пороге рождения или на пороге гибели» (491). В этом Борген видит связь между автором и героем, Гамсуном и Нагелем. Но Гамсун, в отличие от Нагеля, подчиняясь творческому сознанию, несмотря на все свои метания, «руководит своими шагами». Он может победить болезнь и спасти себя от саморазрушения. Утверждения о полном совпадении между ними кажутся Боргену «рискованными и в историко-литературном плане — упрощением» (493).

Желание включить в антологию небольшое по объему, но емкое по содержанию эссе Боргена «Мир» (1967) было вызвано антивоенной позицией

писателя, предостерегающего от фальсификации истории и героизации войны и «призывающего поборников мира занять более активную, наступательную позицию...» (23).

Представленные в антологии произведения скандинавских авторов, от классиков до ныне живущих, краткий анализ художественных текстов и воспоминания о работе над ними предназначены в первую очередь для студентов скандинавских специальностей, а также для всех, кто интересуется литературой и культурой Скандинавии.

Aleksandr Sergeev

**DEN KRONISKE USKYLD AND OTHER WORKS
TRANSLATED BY ANATOLY CHEKANSKY.
M.: Rudomino Book Centre, 2020. 508 p.**

*Lomonosov Moscow State University
y 1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The review examines the anthology of 19th-21th century Danish and Norwegian classical works translated by A.N. Chekansky, a prolific Russian translator from Nordic languages. Of special interest is Chekansky's introductory article where he talks about his life experiences and translation activities and where he tells the reader how the works presented in the book were created and what he thinks of them.

Key words: anthology; Scandic languages; history of creation; translation.

About the author: *Aleksandr Sergeev* — PhD, Assistant Professor, Department of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: av-sergeev@mail.ru).

Н.М. Солнцева

ЕСЕНИНСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. 1895–1925.

**Вып. 1. ПАМЯТНЫЕ МЕСТА
И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ.**

**Константиново: Государственный музей-заповедник
С.А. Есенина, 2020. 412 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В рецензии представлен первый выпуск «Есенинской энциклопедии», содержащей 442 топонима, связанных с биографией и произведениями С. Есенина. В статьях географическое место является точкой, от которой разрастаются сюжеты о жизни поэта, создании произведений, генезисе образов, литературном окружении. Содержание тома основано на обширном документальном материале, структурировано как гипертекст, статьи связаны многочисленными семантическими узлами, взаимными отсылками, что позволяет представить творчество поэта в системности и развитии. К текстам применены подходы биографический, герменевтический, историко-литературный, сопоставительный. Особую научную ценность имеет литературный контекст произведений. Привлечены новые архивные источники.

Ключевые слова: биография; гипертекст; контекст; ментальность; топоним; фактография; энциклопедия.

Выход в свет первого выпуска «Есенинской энциклопедии», подготовленного есенинской группой ИМЛИ РАН, — значительное событие для изучения литературного наследия Есенина и его современников. «Есенинская энциклопедия» — фундаментальный труд, систематизирующий данные о жизни, творчестве, окружении Есенина, истории создания произведений и их публикациях, о эстетических воззрениях и поэтике Есенина, посвященных ему работах. Издание выпусков увенчается единым томом объемом более 100 авторских листов. В энциклопедии отразится накопленный опыт есениноведения, интенсивно развивающегося благодаря проектам ИМЛИ РАН, Государственного музея-заповедника С.А. Есенина, Рязанского госу-

Солнцева Наталья Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: natashasolnceva@yandex.ru).

дарственного университета имени С.А. Есенина. Назовем изданное в девяти книгах семитомное академическое Полное собрание сочинений Есенина (1995–2001), пятитомную в семи книгах «Летопись жизни и творчества» (2003–2018), ежегодные конференции и сборники научных статей.

В первом выпуске содержатся крайне необходимые для исследователей данные, позволяющие создать научную биографию поэта, в частности определить источники образов и мотивов. Состав словника демонстрирует новаторский подход к структурированию материала. Приведены данные о городах, населенных пунктах, гидронимах, с которыми была связана жизнь Есенина, описаны литературные топонимы, проанализирована их роль в произведениях, генезисе образов и лирического героя, его мнемическом потенциале.

В издание вошло 357 статей, описано 442 географических места. Собраны все доступные факты и документы, привлечены новые архивные источники. При этом, как сообщают составители, исключены сведения общего характера, содержащиеся в справочниках и специальных изданиях. Помимо названий, употреблявшихся при жизни Есенина, упомянуты неотопонимы. Статьи выполнены как исследования, основанные на сравнительно-историческом, историко-литературном, биографическом подходах, фактография и герменевтика составляют единое целое. Ссылки на прижизненную критику даны по периодике того времени. Библиография является, по сути, путеводителем по есениноведению.

В издание включена как лапидарная информация о месте, так и развернутая («Кузьминское», «Николо-Радовицкий мужской монастырь», «Нью-Йорк», «Рязань» и др.), спроецированная на биографию и произведения Есенина. Обозначены несостоявшиеся биографические эпизоды, связанные с тем или иным топонимом. Помимо ожидаемых представлены сведения о незнакомых или, казалось бы, малозначительных есенинских топонимах. Например, это деревня Аксеново, приведенная в связи со стихотворением «За горами, за желтыми долами...»; или один раз встречающаяся в «Пугачеве» река Алатырь; или упомянутый в повести «Яр» реально существующий Афонин перекресток; или поселок Балаханы, имеющий отношение к стихотворениям «1 Мая» и «Прощай, Баку! Тебя я не увижу...»; или Посемье, Пощупово и т.д. Учтены топонимы, встречающиеся в черновиках. Например, город Белебей в черновом автографе «Пугачева» важен для понимания задачи Есенина представить географию и многонациональность Пугачевского восстания; объясняется причина, по которой поэт все же отказался от его упоминания. Объясняются вымышленные топонимы.

Статьи, касающиеся творчества, максимально содержательны и многоаспектны. Например, топоним «Азия» соотнесен с конкретными городами и странами, произведениями («Пугачев», «Страна Негодяев», «Да! Теперь решено. Без возврата...», «Эта улица мне знакома...», «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...», «<О писателях-“попутчиках”>», «Баллада о двадцати шести», «Персидские мотивы» и др.), контактами Есенина (Ширицев), ориентальным литературным (Бальмонт, Андрей Белый, Блок, Гумилев, Клюев, Вл. Соловьев, а также Державин) и топографическим (П. Рычков)

контекстом, письмами (к Мариенгофу, И. Шнейдеру), мемуарами (В. Вольпин) и свидетельствами (Клюев), поэтикой. Описана рецепция есенинской Азии в статьях рецензентов и современных литературоведов. Азия Есенина осмыслена как многообразное пространство с яркой ментальностью и как эстетическая составляющая московского бытия, темное застойное состояние русского мира, вызов Европе.

Статьи связаны между собой отсылками, в итоге формируется представление о концептосфере есенинских текстов в целом. Например, в отношениях дополнительности состоят статьи «Азия» и «Индия». В творчестве Есенина Индия — реальный топоним и духовный мир, к которому поэт обращался не без влияния Клюева и, возможно, через поэзию Бальмонта, Гумилева, Мережковского, что отмечено авторами статьи. Как считал Есенин, высокая аксиология индийских браминов родственна суждениям Даниила Заточника. Но он же в стихотворении «В час, когда ночь воткнет...» минимизировал роль Индии в сознании мужика — устроителя нового мира. Так аккумуляция информации вокруг топонима дает представление о глубине и разновекторности есенинских представлений о жизни.

Том представляет собой гипертекст, в статьях обнаруживается множество семантических узлов. Например, указано на то, что Есенин в «Инонии» назвал себя новым Индикопловом, — так «Инония» и «Индия», по сути, образуют единую идеальную ойкумену. Инония интерпретируется, во-первых, как концептуальное пространство, о котором идет речь в ряде текстов (мистико-революционные маленькие поэмы, «Ключи Марии», «Быт и искусство»); во-вторых, как образ в воспоминаниях и письмах; в-третьих, как пояснение к понятию «эмоциональный ангелизм», как феномен, референтный по отношению к эстетике младосимволистов и литературным утопиям Серебряного века (Аэрия Белого, Белая Индия Клюева, Земля Ойле Сологуба, Миррэлия Северянина), библейскому Новому Иерусалиму; в-четвертых, как актуализация политической ситуации. Особо отмечаем указание на такой источник образа, как народные утопии и апокрифическая литература. Под визионерством Есенина, пророка Инонии, имеется в виду, скорее всего, лирический герой, провидческий дар которого мы склонны рассматривать в контексте соперничества Есенина с визионером Клюевым. Убедительна трактовка поэмы «Инония» как полемики с христианскими духовными ценностями. Действительно, антропологическая утопия Есенина, а также его неприятие голгофской жертвы свидетельствуют о споре с религиозной ортодоксией; в этом смысле он — религиозный модернист, его Инония и населяющие ее сверхлюди воспринимаются нами в фокусе дореволюционных поэм Маяковского, идей Ницше, с одной стороны, и «Человека» Вяч. Иванова, «Идеи сверхчеловека» Вл. Соловьева — с другой.

В большинстве статей биографическая фактография сплавлена с поэзией. Так, Кавказ — и биографический, и литературный топонимы, творческая подпочва, с которой в сознании Есенина ассоциировались Пушкин и Лермонтов. Хронологически развернута история посещений Есениным Кавказа, широко привлекаются мемуары современников, письма, дан внушительный перечень произведений, созданных на Кавказе. Самая объ-

емная статья, конечно, — «Константиново», за ней следует «Константиново. История». Дана топографическая расшифровка образов, высказаны предположения относительно появления в текстах тех или иных населенных пунктов: например, город Ипатьев в «Песни о великом походе» может быть соотнесен с костромским Свято-Троицким Ипатьевским мужским монастырем.

Некоторые топонимы, как это следует из статей, появились в произведениях Есенина благодаря литературным предпочтениям. Предлагаются интересные версии генезиса есенинских образов. Например, побудительным фактором функциональных пространственных и портретных образов, связанных с Киргиз-Кайсацкой степью, названа «Фелица» Державина. Или в «Декабрьской ночи» Мюссе упоминается Лидо как место встречи лирического героя и черного гостя, но в Лидо отдыхали и Есенин, и А. Дункан, в зарубежной поездке Есенин работал над «Черным человеком», и он мог вспомнить о стихотворении Мюссе (версия Н.И. Шубниковой-Гусевой).

Таким образом, топоним в подавляющем большинстве статей служит отправной точкой в выстраивании есенинского мира — художественного, духовного, интеллектуального.

Решена проблема совмещения полноты содержания и лаконичности подачи материала. Научное содержание статей сочетается с легкостью изложения, что значительно расширяет читательскую аудиторию. Богатый информативный материал представляют фотографии из фондов Государственного музея-заповедника С.А. Есенина, часть иллюстраций предоставлена авторским коллективом проекта «Всемирная карта есенинских мест». Издание снабжено указателями произведений и имен.

Научный и ответственный редактор первого тома «Есенинской энциклопедии» — Н.И. Шубникова-Гусева; в составе редколлегии — Б.И. Иогансон, Н.В. Корниенко, С.А. Серегина, М.В. Скороходов (редактор), С.И. Субботин (редактор).

Natalia Solntseva

Book Review: YESENIN ENCYCLOPEDIA. 1895–1925.

Issue 1. MEMORABLE PLACES AND LITERARY GEOGRAPHY.

Konstantinovo: Sergei Yesenin State Museum Reserve, 2020. 412 p.

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow, 119991

The review presents the first issue of The Yesenin Encyclopedia, which identifies four hundred and forty-two toponyms associated with the personal biography and works of S. Yesenin. In the articles the geographical location is the point from which stories about the poet's life, the creation of works, the genesis of images, the literary environment grow. The content of the volume is based on extensive documentary

and factual material, structured as hypertext, the articles are intertwined through multiple semantic nodes and mutual references, which allows us to present the poet's work in a systematic and developing way. Biographical, hermeneutic, historical-literary, comparative approaches are applied to Yesenin's texts. The literary context of the works is of particular scientific value. New archival sources have been brought in.

Key words: biography; hypertext; context; mentality; toponym; factography; encyclopedia.

About the author: *Natalia Solntseva* – Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: natashasolnceva@yandex.ru).

Н.К. Полосина

**Бонд Д., Кеньон Джоунз К. УГРОЗА ТЕМ,
КТО СМОТРИТ НА НЕГО: БАЙРОН И ЕГО ПОРТРЕТЫ.
L.: Unicorn, 2020. 157 с.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Рецензируемая книга, посвященная обширной иконографии Байрона, является одновременно художественным альбомом и серьезным междисциплинарным исследованием, которое объединяет традиционный литературоведческий интерес к жизни и творчеству классика с современными гуманитарными работами о визуальности и феномене знаменитости. Высокой оценки заслуживает охват материала: в книге представлены прижизненные и посмертные, широко узнаваемые и малоизвестные изображения. Все они рассматриваются как визуальная составляющая байроновского мифа и становятся объектом комплексного анализа — с точки зрения эстетики, психологии, экономических отношений, вопросов цензуры. По мнению рецензента, книга представляет интерес не только для специалистов-филологов, но и для широкого круга читателей, а также может быть использована в практике преподавания.

Ключевые слова: Байрон; байронизм; романтизм; портрет; исследования визуальности; феномен знаменитости.

Богато иллюстрированная книга «Байрон и его портреты» вышла в свет в 2020 г. Несмотря на то что западная «байрониана» весьма обширна и активно пополняется благодаря работе исследователей со всего мира (в Международную ассоциацию официально входят почти 40 национальных байроновских обществ), публикацию подобного издания можно, безусловно, считать событием. Книга в равной мере представляет собой выполненный на высоком уровне художественный альбом с подробным справочным аппаратом и академическое исследование, выходящее за пределы служебного комментария к произведениям живописи, графики и скульптуры. Издание подготовили Джеффри Бонд — кавалер Ордена Британской империи, искусствовед, музейный деятель, бывший председатель Байроновского общества — и Кристин Кеньон Джоунз — профессор Кингз Колледжа (Лондон), специалист по британскому романтизму и творчеству Байрона.

Полосина Наталия Кирилловна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (NETalie@yandex.ru).

Книга посвящена изображениям классика — в первую очередь портретам, выполненным в различной технике. Первые пять глав следуют хронологии его жизни — «Детство и юность, 1795–1809», «Первые годы славы, 1812–1813», «Узнаваемый Байрон, 1813–1816», «Гражданин мира, 1816–1821», «Из Италии в Грецию, 1822–1824», а шестая глава предлагает обзор посмертных изображений.

По существу, главным предметом книги является байроновский миф, который причудливо соединил биографию поэта и судьбы его героев, читательские ожидания и авторскую саморепрезентацию, коммерческие интересы и соображения эстетики. По мысли Д. Бонда и К. Кеньон Джоунз, своей притягательностью миф обязан мощной визуальной составляющей: скрупулезно восстановленная история портретов Байрона — это история аффектов и идей, ассоциировавшихся с его образом. Главный продуктивный парадокс заключается в том, что фигура поэта, по-романтически воплощавшего торжество индивидуального гения, представлена в плотной «сети» отношений — семейных, дружеских, литературных, деловых, которые были связаны с заказом портретов, позированием, демонстрацией картин избранной или широкой публике, их тиражированием в форме гравюр и иллюстраций. Образ Байрона, таким образом, отчуждался от него самого, обретал самостоятельное бытование.

«Байрон первым начал создавать легенду о себе и, несмотря на его желание выглядеть скорее пассивным, а не активным участником, он стал важной частью игры. Точно так же, как его поэзия даровала читателям “слово”, образы, для которых он позировал, в свою очередь очертили “контур” — публика наполнила этот “контур” фантазиями, преобразив Байрона и в действительности подарив ему бессмертие» (с. 15).

Удачно выбранное название книги само по себе отсылает к отношениям, сложившимся вокруг фигуры Байрона, к игре видимости и сущности. В оригинале оно звучит как *“dangerous to show”* — букв. «слишком опасен, чтобы показать» — и представляет собой рифмующийся парадокс выражения, которое стало крылатым (однако не было зафиксировано письменно): *“mad — bad — and dangerous to know”* — букв. «безумен — порочен — слишком опасен, чтобы познакомиться с ним». Оно принадлежит леди Каролине Лэм, одной из возлюбленных Байрона, изобразившей его в романе «с ключом» «Гленарвон». Выражение *“dangerous to show”* включает оксюморон — одновременно поощрение и препятствие для визуального контакта, оно отсылает к важнейшим категориям романтической эстетики и элементам байроновского мифа: «опасность», связанная с моральным вызовом, предельной силой страсти, и «зрелище».

Достоинством книги является то, что Д. Бонд и К. Кеньон Джоунз в равной мере уделяют внимание как знаменитым изображениям, так и чрезвычайно редким, которые были известны только узкому кругу близких людей. Такова серия рисунков 1807 г. «Удивительная история лорда Байрона и его собаки» со стихотворными подписями, принадлежащая Элизабет Пигот, чья семья жила по соседству с Ньюстедским аббатством. Или же, например, сохранившийся листок с двумя набросками мужского профиля и повторяющейся подписью «Пип» — рисунок сделан Аннабеллой Милбэнк в 1815 г., когда еще сохранялась иллюзия ее счастливого брака с Байроном, а подпись принадлежит самому Байрону и означает ласковое семейное

прозвище Аннабеллы. Подобные свидетельства придают мифу особое человеческое измерение, в том время как история знаменитых портретов позволяет проследить его формирование. Так, Д. Бонд и К. Кеньон Джоунз отмечают роль Ричарда Уэстолла, который первым из художников на заре «байрономании» (выражение Аннабеллы Милбэнк) наметил важнейшую образительную стратегию: сближение автора и героя до неразличения их в одном образе. Уэстолл, член Королевской Академии, знаменитый иллюстрациями к Шекспиру и Милтону, а впоследствии и к трехтомному собранию сочинений Байрона (1819), нарисовал портрет по заказу возлюбленной поэта, леди Оксфорд, в 1813 г. на волне невероятного успеха первых двух песен поэмы «Паломничество Чайлда Хэролда». Темный костюм и фон подчеркивали аристократическую бледность лица, выбранная поза и ракурс воплощали меланхолическое и задумчивое настроение — и хотя такой проницательный критик, как Хэзлитт, критиковал портрет за отсутствие мужественности, этот образ прочно закрепился в читательском сознании благодаря гравюрам, соединившись с образом Чайлда Хэролда. Другая авторская версия того же портрета, где сходство Байрона с героем-рыцарем (англ. “childe”, “чайлд” — титул молодого аристократа, ожидавшего посвящения в рыцари) подчеркивалось историческим костюмом и эфесом шпаги, была приобретена Дизраэли, знаменитым политическим и литературным деятелем викторианской эпохи, поклонником Байрона — примечательный факт, свидетельствующий о продолжении «байрономании» во второй половине XIX в.

Не менее знамениты выполненные почти в то же время два портрета кисти Томаса Филипса. Оба представляли собой своеобразную игру со зрителем, увеличивавшую интерес к жизни и творчеству Байрона, потому что впервые были показаны на выставке без указания на имя модели — «Портрет аристократа» и «Портрет аристократа в албанском костюме». При том что художник явно включил визуальную деталь, намекавшую на тесную связь изображений (на «Портрете аристократа» из-под богатой темной драпировки проглядывает брошь и кромка албанского костюма), их судьбы сложились по-разному. «Портрет аристократа» стал одним из канонических изображений поэта, получившим известность благодаря многократному воспроизведению на гравюрах в обход авторских прав. Чтобы избежать преследования по закону, авторы «пиратских» гравюр намеренно отходили от оригинала, стремясь сохранить при этом узнаваемый набор черт, быстро превратившийся в стереотип, — отложный белый воротник, ракурс в профиль или три четверти, короткие вьющиеся волосы, попытка передать волевой образ линией лба, носа и подбородка. «Портрет в албанском костюме», наоборот, остался неизвестен современникам из-за условий в завещании членов семьи Байрона, однако гравёр Томас Стотард, один из немногих, кто видел портрет во время непродолжительной демонстрации на выставке, вдохновился «экзотическим» образом и воспроизвел его в своих иллюстрациях к «Гяюру», ставших, в свою очередь, достоянием широкой публики.

Как указывают Д. Бонд и К. Кеньон Джоунз, Байрон всегда настаивал на том, чтобы его портреты были лишены традиционных атрибутов писательского ремесла, что вполне согласуется с обстоятельством, которое известно всем биографам поэта: для его самоощущения были не менее важны другие

роли и амплуа — дипломата, светского человека, политика, воина. Поэтому встреча Байрона и выдающегося датского скульптора-неоклассика Торвальдсена была, безусловно, очень удачной, но одновременно по-своему глубоко ироничной. Торвальдсен создал бюст поэта по заказу Джона Хобхауза, ближайшего друга Байрона, в Риме в 1817 г., а впоследствии, в 1830-е годы, работал над статуей в полный рост, которая должна была увековечить Байрона в Уэстминстерском аббатстве, но из-за противодействия церковных властей была в итоге размещена в Тринити Колледже в Кембридже. Ирония заключается в том, что статуя сочетает правдоподобное изображение и мифологизацию, идущую вразрез с представлениями самого Байрона. Голова статуи воспроизводит черты бюста 1817 г., т.е. сходство, которое Торвальдсен лично наблюдал во время встречи с Байроном, но потом преобразовал в соответствии со своими неоклассическими вкусами. Передавая телосложение фигуры, он следовал подробному описанию Хобхауза, т.е. также опирался на опыт, но полностью отказался от передачи самой узнаваемой черты, а именно хромоты. Однако главная особенность статуи заключается в ее общей идее: постамент украшают гений поэзии и сова Минервы, а сам Байрон изображен в образе архетипического поэта с пером и книгой в руках, что не согласовывалось с его самоощущением.

В заключение следует отметить, что книга представляет исключительный интерес для разнообразной аудитории. Специалисты по зарубежной и русской литературе XIX в. оценят богатый материал по биографии Байрона, кругу его ближайших знакомств, рецепции его образа на родине и за ее пределами. В преподавании историко-литературных курсов книга могла бы быть исключительно полезна. С точки зрения современной гуманитарной теории в книге рассмотрен хорошо аргументированный случай (case study) на стыке разных областей, в том числе исследований визуальности (visual studies) и феномена знаменитости (celebrity studies), — он позволяет проследить, как формируются репрезентации, как личный миф становится фактом культуры. И, наконец, манера изложения и множество иллюстраций делают книгу доступной для широкого круга любителей истории культуры, привлеченных литературной и внелитературной славой британского классика. Учитывая долгую традицию чтения и изучения Байрона в России, полагаю, что при переводе на русский язык книга, несомненно, нашла бы своего заинтересованного читателя.

Nataliia Polosina

**Bond G., Kenyon J. Ch. DANGEROUS TO SHOW.
BYRON AND HIS PORTRAITS. London: Unicorn, 2020. 157 p.**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The book under review discusses the vast imagery of Byron, enjoying the advantages of a high-quality album and an in-depth scholarly investigation that

brings together interdisciplinary research into Byron's life and work, visual and celebrity studies. It deals with a large amount of portraits, both life and posthumous, well-known and rare. All of them are convincingly interpreted as a visual part of a powerful Byronic myth from the point of view of aesthetics and affective value, in terms of economic and censorship practices. The book is strongly recommended to literary scholars, teachers of 19th-century literatures and cultures, and wider audiences.

Key words: Byron; Byronism; Romanticism; portrait; visual studies; celebrity studies.

About the Author: *Nataliia Polosina* — PhD, Senior Teaching Fellow, Department of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: NETalie@yandex.ru).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

М.Л. Ремнёва, Т.В. Пентковская, Е.А. Кузьмина

ОСТРОЖСКАЯ БИБЛИЯ И РАЗВИТИЕ БИБЛЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ У СЛАВЯН: ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ¹

*Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В обзоре подводятся итоги Международной научной онлайн-конференции, прошедшей в марте 2021 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, которая была посвящена 440-летию Острожской Библии 1581 г. — первого полного печатного свода библейских книг на церковнославянском языке. В фокусе научного обсуждения были такие темы, как источники Острожской Библии, предыстория и история ее издания, ее текстологические и лингвистические особенности. Вторая часть конференции объединила доклады, посвященные лингво-текстологическим проблемам изучения славянских библейских переводов в сравнительно-историческом аспекте.

Ключевые слова: Раннее Новое время; источниковедение; Острожская Библия; церковнославянский язык; история славянской библейской традиции.

В 2021 г. исполнилось 440 лет Острожской Библии — первого полного печатного свода библейских книг на церковнославянском языке, изданного в Остроге в 1581 г. трудами православного князя Василия-Константина Константиновича Острожского и его сподвижников — членов острожского просветительного кружка. Издание Острожской Библии явилось, по выражению А.С. Архангельского, «не только величайшим религиозным подвигом, <...> но вместе с тем, величайшим научным трудом». Сразу же

Ремнёва Марина Леонтьевна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: m.l.remneva@mail.ru).

Пентковская Татьяна Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tatiana.pentkovskaya@gmail.com).

Кузьмина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elenk2002@mail.ru).

¹ Конференция проводилась в рамках проекта РФФИ № 20-012-00224 «Московская Библия 1663 г. и ее культурно-лингвистический контекст».

после выхода в свет Острожская Библия получает широчайшее распространение не только на восточнославянских землях, но и у южных славян, а также в Молдавии, Валахии, Трансильвании, став языковым образцом и носителем языковой нормы. Именно Острожская Библия определила дальнейшие судьбы церковнославянского языка и перспективу библейской книжной sprawy в разных славянских культурно-языковых пространствах, сыграла ключевую роль в стабилизации характерных для кириллического книгопечатания полиграфической организации текста и художественного оформления книг. Острожская Библия явилась вершиной славянской традиции Священного Писания и основанием для всех последующих изданий славянской Библии — Московской (Первопечатной) 1663 г. и Елизаветинской 1751 г.

В честь этой памятной даты 24–25 марта 2021 г. на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Международная научная онлайн-конференция «Острожская Библия и развитие библейской традиции у славян», в которой приняли участие исследователи из России, Болгарии, Литвы, Польши, Словении, Италии, Швейцарии, Германии, Австрии. Прозвучали доклады, посвященные различным аспектам изучения как Острожского кодекса, так славянской библейской традиции в целом.

Конференцию открыла президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова проф. *М.Л. Ремнёва*, которая подчеркнула важность всестороннего изучения этого печатного библейского свода, аккумулировавшего научные достижения церковнославянской и европейской библеистики раннего Нового времени.

В докладе *С.Ю. Темчина* (Вильнюс, Литва) были скорректированы сложившиеся в науке представления о ходе работы над подготовкой к изданию библейского кодекса в Остроге. Известная на сегодняшний день предыстория Острожской Библии 1581 г. выглядит так: приобретение списка Геннадиевской Библии 1499 г. в 1571 или 1573 гг.; приглашение Ивана Федорова для организации типографии в Дерманском Свято-Троицком монастыре в 1575 г.; основание Острожской академии около 1576 г. Эти данные позволяют говорить о зарождении плана составления полного библейского свода около 1570 г. *С.Ю. Темчин* показал, что предыстория Острожской Библии началась еще раньше и связана с активным освоением кириллических и латинографичных славянских источников, позже использованных при подготовке издания 1581 г. В обоих случаях эти источники были так или иначе связаны с чешской культурной традицией.

Экземпляру Острожской Библии, хранящемуся в Университетской Библиотеке Болоньи, был посвящен доклад *М. Гардзанини* (Флоренция, Италия). Этот неисследованный экземпляр, принадлежавший во времена князя Владислава Доминика Заславского-Острожского и архиепископа Мелетия Смотрицкого иеромонаху Дерманского монастыря Лаврентию, содержит интересные глоссы на славянском, греческом и латинском языках. Особое внимание в докладе было уделено колофону, который находится после книги Откровения и указывает на дату 1642 г.

К проблеме идентификации изданий Септуагинты, которыми пользовались составители Острожской Библии при создании новых переводов и исправлении старых, был обращен доклад *А.М. Бруни* (Венеция, Италия). Анализ некоторых глав из ветхозаветных книг позволил исследователю прийти к заключению о том, что в качестве источников острожскими редакторами могли быть привлечены Комплютенская Полиглотта 1517 г. и Венецианское издание Альда Мануция 1518 г.

Примечательные лингвистические расхождения ветхозаветных книг в составе Геннадиевской Библии и Острожской Библии были выявлены *Э.М. Бунациру* (Берн, Швейцария).

Е. Остапчук (Варшава, Польша) посвятил свое выступление текстологической характеристике Предисловий бл. Феофилакта Болгарского к Евангелиям в Острожской Библии на обширном сопоставительном фоне всех кириллических старопечатных изданий XVI в., содержащих Предисловия к Евангелиям, и двух рукописных Библий — Геннадиевской 1499 г. и Матфея Десятого 1507 г.

Лингвистическая характеристика предисловий («сказаний») Евфалия к посланиям ап. Павла в Острожской Библии была дана *М.О. Новак* (Москва, Казань, Россия), установившей, что эти «сказания» сохраняют правку, проведенную Иваном Федоровым в первопечатном Апостоле. Сопоставление с материалом рукописных Апостолов свидетельствует о близости сказаний Острожской Библии к типу текста, представленному в богослужебных апостолах, и вместе с тем о наличии исправлений по толковому типу. В целом редакция, осуществленная острожскими книжниками, была направлена на достижение большей ясности и доступности сказаний для читателя.

И. Христова-Шомова (София, Болгария) заострила внимание на совпадениях текстов ветхозаветных паремийных чтений в минеях и триодях нового извода с Острожской Библией. Наличие совпадающих чтений может свидетельствовать как о том, что острожские книжники заимствовали соответствующие фрагменты из миней и триодей, так и о том, что четий текст некоторых ветхозаветных книг редактировался там же, где создавалась новая редакция служебных книг.

В докладе *Л. Тасевой и М. Йовчевой* (София, Болгария) были описаны принципы перевода греческих лексем и конструкций в пяти паремиях из Книги пророка Иезекииля, предназначенных для богослужебного цикла подвижных праздников, и выявлены тенденции инновативных переводческих решений создателей Острожской Библии.

П. Станковска (Люблина, Словения) сопоставила особенности избранных мест из Книги Бытия и Книги Исход в славянских рукописях, созданных до конца XV в., и в Острожской Библии и продемонстрировала интересные лексические параллели в разных версиях древнейших славянских переводов этих книг.

И.В. Вернер (Москва, Россия) охарактеризовала переводческую стратегию в III (IV) книге Ездры, в которой геннадиевский перевод с латыни был отредактирован острожскими книжниками с привлечением Вульгаты и

чешского текста. В отсутствие иных славянских переводов этой неканонической книги обращение к обоим иноязычным источникам было свободным и непоследовательным, а редакция текста носила преимущественно лексический и синтаксический характер, что дало основание реконструировать представления острожских редакторов о стилистической норме библейского церковнославянского языка XVI в.

А.Г. Грищенко (Москва, Россия) доказал наличие в Острожской Библии следов глосс и эмендаций, восходящих непосредственно к еврейскому Масоретскому тексту и его переводу на один из диаспоральных языков иудейских общин Восточной Европы — старозападнокипчакский (старотатарский).

Представив результаты анализа заимствованной лексики древнейших славянских Евангелий, *Р.Н. Кривко* (Вена, Австрия) и *К.П. Костомарова* (Москва, Россия) пришли к заключению о том, что древнейшая редакция перевода, засвидетельствованная Мариинским и Зографским Евангелиями, характеризуется одинаково древними пластами греческой, латинской и германской лексики. Следовательно, отраженная в этих источниках самая ранняя сохранившаяся редакция перевода возникла в германско-латинском культурно-языковом окружении. Хотя среди заимствованной лексики абсолютно доминирует греческая, большая часть грецизмов имеет соответствия в Вульгате, что объясняется литургическим двуязычием Великой Моравии и Панонии.

В. Желязкова (София, Болгария) посвятила доклад проблемам изучения и лексикографического описания топонимов в славянских переводах Пятикнижия и некоторых других ветхозаветных книг.

В.А. Ромодановская (Санкт-Петербург, Россия) проследила историю изданий Геннадиевской Библии 1499 г. и охарактеризовала принципы новейшего издания памятника, которое в наши дни осуществляют сотрудники Издательского отдела Сретенского монастыря.

Т.В. Пентковская (Москва, Россия) рассмотрела принципы и характер редактур лексики, осуществлявшейся при подготовке издания Московской Библии 1663 г., в основу которого была положена Острожская Библия 1581 г. Основным приемом лексической редактур в Московской Библии является глоссирование, с помощью которого осуществляется критика библейского текста. На лексическом уровне, как и на уровне грамматики, проявляется тенденция к грецизации, а также к устранению архаичной лексики и лексем, которые могут рассматриваться как не вполне соответствующие норме московского варианта церковнославянского языка. Помещение на поля вариантов чтений, включая лексику предшествующих редакций и предложения самих справщиков, демонстрирует типологическое сходство московского издания не только с юго-западнорусской, но и с польской библейской издательской практикой, что впоследствии наиболее ярко проявится при подготовке нового издания Библии 1670–1690-х годов.

На основе сравнительного анализа лексики и синтаксиса обширных текстовых отрезков Геннадиевской Библии, Библии Франциска Скорины и

Острожской Библии, а также восходящей к последней Московской Библии 1663 г. *И.А. Подтергега* (Гейдельберг, Германия) выявила характерные для Острожской Библии языковые особенности библейского церковнославянского и наглядно продемонстрировала ее связь с предшествующей и последующей традицией библейских переводов у восточных славян.

Е.А. Кузьмина (Москва, Россия) подвергла критическому переосмыслению господствовавшее в науке мнение о том, что работа острожской библейской комиссии над Четвероевангелием заключалась в «аккуратном копировании» исходного текста Геннадиевской Библии 1499 г., и доказала, что при подготовке к изданию Острожской Библии была проведена целенаправленная книжная справа евангельского текста на орфографическом и грамматическом уровнях.

Конференция внесла весомый вклад в изучение первого полного печатного библейского свода у восточных славян и наметила пути дальнейших исследований проблем библейской sprawy раннего Нового времени.

Marina Remneva, Tatjana Pentkovskaja, Elena Kuzminova

THE OSTROG BIBLE AND DEVELOPMENT OF THE BIBLICAL TRADITION AMONG THE SLAVS: RESULTS OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The review accumulates the results of the conference that took place in March 2021 at the Faculty of Philology and marked the 440-year anniversary of the Ostrog Bible of 1581, the first complete printed Bible code in Church Slavonic. The scientific discussion is focused on such topics as the sources of the Ostrog Bible, the prehistory and history of its publication, its textual and linguistic features. The second part of the conference brings together reports on linguotextological problems of studying Slavic Bible translations in a comparative-historical aspect.

Key words: Early modern period; source study; Ostrog Bible; Church Slavonic; history of the Slavic biblical tradition.

About the authors: *Marina Remneva* — Prof. Dr., Head of the Russian Department, President of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: m.l.remneva@mail.ru); *Tat'jana Pentkovskaja* — Prof. Dr., Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tatiana.pentkovskaya@gmail.com); *Elena Kuzminova* — Prof. Dr., Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elenk2002@mail.ru).

ПАМЯТИ...

Г.В. Зыкова

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ЗУБАРЕВА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Некролог Елене Юрьевне Зубаревой (1961–2021), исследователю рецепции русской литературы в западной науке, русской прозы эпохи модерна и третьей волны русской эмиграции, замечательному лектору и учителю.

Ключевые слова: Ф.Н. Горенштейн; Г.Н. Владимов; А.П. Чехов; В.М. Гаршин; русская литературная традиция; проза русского зарубежья; методика преподавания литературы.

21 августа 2021 г. из жизни ушла историк русской литературы, доцент филологического факультета Московского университета и преподаватель Университетской гимназии Елена Юрьевна Зубарева. В этом году ей исполнилось 60 лет.

Е.Ю. Зубарева закончила русское отделение филологического факультета Московского университета в 1983 г., здесь же под руководством В.Б. Катаева написала кандидатскую диссертацию «А.П. Чехов в американском литературоведении и критике» (1989; в конце 1980-х — начале 2000-х годов также писала о западной академической рецепции некоторых других русских писателях эпохи модерна). Характер академических интересов Зубаревой в эти годы предопределил ее работу в Университете в 1990-х — в научной лаборатории филологического факультета «Русская литература в современном мире».

Хотя к непосредственной тематике своих ранних работ — рецепции русской классики на Западе — Е.Ю. Зубарева впоследствии не возвращалась, уже по этим работам, — вроде бы описательным, если судить по названиям, — понятно, что в литературе для нее было важнее всего: ситуация общения, перерастающего в спор; рецепция русской классики на Западе была для нее одним из возможных случаев такого внутри литературного общения. В 2000–2010-х годах основным научным сюжетом для Зубаревой станет традиция русской прозы XIX в. в прозе второй половины XX в., прежде всего в прозе, которую за неимением более точного слова

Зыкова Галина Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: gzykova@mail.ru).

можно назвать неконформистской, и в прозе эмиграции третьей волны. Не слишком хорошо знакомую для отечественного читателя (по крайней мере, четверть века назад) эмигрантскую прозу 1970–1980-х годов Зубарева рискнула описать в сжатом очерке, вышедшем в «школьной» серии «Перечитывая классику» [Зубарева, 2000], но воспринятом гораздо более широкой аудиторией, как видно по многочисленным упоминаниям и цитированиям... (материалы книги впоследствии вошли в написанные Зубаревой главы учебного пособия для высшей школы «История литературы русского зарубежья»). Подчеркивая, что преподаватель должен пытаться описывать литературный процесс во всей его полноте, Елена Юрьевна, конечно, имела свои читательские и человеческие предпочтения, — ее любимыми авторами были, пожалуй, Г.Н. Владимов и гораздо реже вспоминаемый Ф.Н. Горенштейн.

К сожалению, книжка 2000 г. для Зубаревой осталась единственной, хотя ее публикации последних двадцати лет складываются в концептуально завершенную большую книгу о трансформации классических приемов, мотивов и жанров, о таком плодотворном обращении к традиции, которое предполагало в том числе и полемику с ней, — по сути, о непрерывности существования русской литературы.

Некоторые научные проблемы, занимавшие Елену Юрьевну в последние годы, — психология творчества и взаимодействие языков разных видов искусства — отразились не столько в написанном и напечатанном ею, сколько в специальных лекционных курсах («Русская проза XX в. и живопись», 2015; «Литература и искусство: формы взаимодействия в зеркале психологии», 2016; «Текст и музыка (на материале русской прозы XX в.) », 2017) и самостоятельных исследованиях учеников Елены Юрьевны.

Преподавание как таковое, его методика, преподавание как искусство, вообще, были для Зубаревой важнейшим делом жизни. Это проявилось не только в ее учительском даре, но и в «служебных обязанностях»: она читала курс методики преподавания литературы в школе (1998–2013), много лет руководила отделом довузовского образования факультета, работала в Научно-методическом совете ФИПИ по литературе, и с самого начала существования Университетской гимназии (2016) преподавала в гуманитарном классе.

Склад личности Елены Юрьевны, ее личное обаяние и энергия были таковы, что поверить в ее смерть (хотя болела она давно и тяжело, и мы об этом знали) оказалось почти невозможно. Об этом в конце августа писали очень многие, и особенно те, кому посчастливилось встретиться с ней как с учителем.

Похоронена на Ново-Архангельском кладбище.

Список избранных работ

1. *Зубарева Е.Ю., Макеев М.С.* К вопросу о принципах формирования критериев «пороговой» оценки качества непрерывного непрофессионального филологического образования // Разработка пороговых оце-

- ночных средств для оценки общей образованности учащихся в системе непрерывного образования. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999. С. 70–74.
2. *Зубарева Е.Ю.* Проза русского зарубежья (1970–1980-е годы): В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.
 3. *Зубарева Е.Ю.* «В этом мире особенно нужен Чехов»: к вопросу о традициях русской классической литературы в прозе Ф.Н. Горенштейна // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2011. № 6. С. 21–35.
 4. *Зубарева Е.Ю.* Повесть Г.Н. Владимова «Верный Руслан» и русская литературная традиция // Русская словесность. 2011. № 8. С. 8–13.
 5. *Зубарева Е.Ю.* Фридрих Наумович Горенштейн // История литературы русского зарубежья (1920-е — начало 1990-х гг.): Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект, 2011. С. 538–546.
 6. *Зубарева Е.Ю.* О влиянии книги на сознание и реформе преподавания литературы. Интервью // Правмир, 2013, 9 июля. URL: <https://www.pravmir.ru/elena-zubareva-o-vliyanii-knigi-na-soznanie-i-reforme-prepodavaniya-literatury/> (дата обращения: 21.10.2021).

Galina Zyкова

ELENA ZUBAREVA

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

This is an obituary of Elena Zubareva (1961–2021), a remarkable lecturer and teacher, whose research focus included problems and forms of literary tradition, Russian literature of the 19th and 20th centuries, its reception in Western studies, Russian prose at the turn of the 19th and 20th centuries and of the third wave of Russian emigration.

Key words: F.N. Gorenstein; G.N. Vladimov; A.P. Chekhov; V.M. Garshin; Russian literary tradition; Russian émigré literature; prose; methods of teaching literature.

About the author: *Galina Zyкова* — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: gyzkova@mail.ru).

References

1. Zubareva E. Ju., Makeev M.S. K voprosu o principah formirovaniya kriteriev “porogovoj” ocenki kachestva nepreryvnogo neprofessional’nogo filologicheskogo obrazovaniya [On Principles of Forming Criteria for “Threshold” Quality Assessment of Continuing Non-Professional Philological

- Education] *Razrabotka porogovyh ocenочnyh sredstv dlja ocenki obshhej obrazovannosti uchashhihsja v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya* [Development of Threshold Assessment Tools for Assessing Students' General Education in the Continuing Education System]. Moscow: Research Center for Quality Issues in Professional Education, 1999, pp. 70–74. (In Russ.)
2. Zubareva E. Ju. *Proza russkogo zarubezh'ja (1970–1980-e gody): V pomoshh' prepodavateljam, starsheklassnikam i abiturientam* [Prose of Russian Émigré Literature (1970–1980s): For Teachers, High School Students and Applicants]. Moscow: *Moscow University Press*, 2000, 112 pp. (In Russ.)
 3. Zubareva E. Ju. “V jetom mire osobenno nuzhen Chehov”: k voprosu o tradicijah russkoj klassicheskoj literatury v proze F.N. Gorenshtejna [“Chekhov is Especially Needed in This World”: On Russian Classical Literature Traditions in F.N. Gorenstein' Prose]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Bulletin of Moscow University.] Series 9: Filologija [Philology]. 2011, № 6, pp. 21–35. (In Russ.)
 4. Zubareva E. Ju. Povest' G.N. Vladimova “Vernyj Ruslan» i russkaja literaturnaja tradicija [G.N. Vladimov' Story “The Faithful Ruslan” and Russian Literary Tradition]. *Russkaja slovesnost'* [Russian Literature], 2011, № 8, pp. 8–13. (In Russ.)
 5. Zubareva E. Ju. Friedrich Naumovich Gorenshtejn. *Istorija literatury russkogo zarubezh'ja (1920-e — nachalo 1990-h gg.): Uchebnoe posobie dlja vuzov*. [History of the Russian Émigré Literature (1920th — early 1990th): Textbook for High School]. Moscow: Academic Project, 2011, pp. 538–546. (In Russ.)
 6. Zubareva E. Ju. O vlijanii knigi na soznanie i reforme prepodavaniya literatury: Interv'ju [About Influence of Books on Consciousness and the Reform of Teaching Literature: Interview]. *Pravmir*, 2013, July 9 (<https://www.pravmir.ru/elena-zubareva-o-vliyanii-knigi-na-soznanie-i-reforme-prepodavaniya-literatury/> (access date: 21.10.2021)). (In Russ.)

Л.В. Луховицкий, А.И. Солопов

ДМИТРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ АФИНОГЕНОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

119991, Москва, Ленинские горы, 1

Статья посвящена памяти Д.Е. Афиногенова (28.08.1965—28.08.2021), выдающегося филолога-классика и византиноведа.

Ключевые слова: Д.Е. Афиногенов; византиноведение; классическая филология; текстология; перевод.

Безвременно, в расцвете жизненных и творческих сил, ушел из жизни Дмитрий Евгеньевич Афиногенов, выдающийся ученый, переводчик, педагог, крупнейший византиновед, один из основателей кафедры византийской и новогреческой филологии МГУ, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Д.Е. Афиногенов поступил на отделение классической филологии Московского университета в 1982 г., окончил отделение, защитив дипломную работу под руководством И.С. Чичурова, и в 1987 г. поступил в аспирантуру Института всеобщей истории АН СССР. В 1990 г. под научным руководством С.С. Аверинцева он защитил кандидатскую диссертацию, а в 1998 г. — докторскую. С 1996 г. Д.Е. Афиногенов — профессор кафедры византийской и новогреческой филологии МГУ. Деятельно участвуя в жизни кафедры, Д.Е. Афиногенов воспитал не одно поколение студентов. Он был одним из немногих ученых, кто в равной степени совершенно владел обоими древними языками, греческим и латинским, а также прекрасно знал церковнославянский, древнееврейский, сирийский. С одинаковой легкостью он мог переводить и редактировать Амвросия Медиоланского и кодекс Юстиниана, заниматься восстановлением греческого текста по славянским переводам, писать греческие стихи и эпиграммы, составлять гимны на церковнославянском языке для Православной церкви.

Дмитрий Евгеньевич оставил мало книг. Самым естественным для него научным жанром была статья — краткая, емкая и требующая от читателя максимальной интеллектуальной концентрации. Его статьи были

Луховицкий Лев Всеволодович — кандидат филологических наук, доцент Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: lukhovitskiy@gmail.com).

Солопов Алексей Иванович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: scatebr@mail.ru).

посвящены очень частным вопросам: в фокусе внимания могли оказаться композиция монашеской хроники, текстологическое значение славянского перевода для реконструкции оригинального текста греческого жития, загадочный термин литературной критики, авторство не дошедшего до нас памятника историописания, художественные принципы ранее неизвестного кружка интеллектуалов, маршрут и символика императорской процессии в Константинополе, судьба книжного собрания Константинопольского патриарха.

Открытия Дмитрия Евгеньевича получили мировое признание: без ссылок на его исследования [Afinozenov, 1999, 2004] непредставима ни одна работа о ключевом памятнике византийской хронистики IX в. — «Хронике» Георгия Амартола. Дмитрий Евгеньевич писал на русском, английском, французском и болгарском и всегда требовал от своих диссертантов публикаций в международных журналах (за много лет до того, как этого стали требовать администраторы от науки). При этом он считал своим долгом знакомить отечественных читателей с почти неизвестной им и на первый взгляд отталкивающей своей экзотичностью византийской литературой. Дмитрий Евгеньевич переводил таких не похожих друг на друга авторов, как Татиан, Иосиф Флавий, Максим Исповедник, патриарх Фотий, Филон Александрийский, Марк Диякон, Нил Синайский и Леонтий Неапольский.

Статьи Дмитрия Евгеньевича отличал очень высокий темп мысли, за которым было трудно поспевать. Он знал за собой эту нетерпеливость, нежелание тратить время и силы на прописывание самоочевидных логических звеньев, и всегда предостерегал своих учеников от такой манеры письма, что было, наверное, немного наивно: ведь зачастую они пропускали эти логические звенья вовсе не потому, что они были им так уж очевидны.

Неумение соответствовать скорости мысли толкало читателя вычитывать (или, скорее, вчитывать) нечто спрятанное «между строк», но Дмитрий Евгеньевич редко удостаивал таких читателей ответа и предпочитал не обсуждать методологию, позволяя складывающейся из частных наблюдений картине говорить самой за себя. Даже те статьи, что по названию казались исключительно теоретическими, на проверку были посвящены тщательному препарированию совершенно конкретных текстов.

Главное, что отличало картину, это сложность. Выбрав в качестве основного предмета исследования иконоборчество — эпоху, нерв которой, казалось бы, определен и известен заранее, — Дмитрий Евгеньевич полностью переписал ее историю [Афиногенов, 1997]. Монолитные прежде лагеря иконоборцев и иконопочитателей распались на множество самостоятельных групп, проследить связи и линии натяжения между которыми позволили преодоление «мотивационной предвзятости» [Афиногенов, 2001] и новое прочтение памятников агиографии и хронистики. Как оказалось, патриарх-иконопочитатель Тарасий мог написать и анонимно распространять злобный памфлет против императрицы Ирины, обеспечившей его возвышение и восстановившей иконопочитание на

II Никейском Соборе [Афиногенов, 2002], а самые страшные обвинения в хуле на Богородицу были возведены на Константина V Копронима вовсе не иконопочитателями, а его политическими противниками из иконоборческого лагеря [Афиногенов, 2010].

Для менее чутких к византийской литературной эстетике исследователей авторы текстов, которыми занимался Дмитрий Евгеньевич, были либо скучны, архаичны и примитивны, либо, наоборот, априорно благочестивы и святы, а их герои были либо ангелами и демонами во плоти, либо лицемерами, прикрывающими (возможно, от самих себя) корыстные мотивы разговорами о Боге. Дмитрий Евгеньевич видел в хронистах, полемистах, богословах и агиографах живых людей, искренняя вера которых сложным образом сочеталась с отстаиванием политических интересов. Дмитрий Евгеньевич умел получать искреннее удовольствие от чтения византийских источников и так глубоко проникал в душу их авторов, что сам с легкостью переходил на их язык [Афиногенов, 2014], становясь в эти моменты немного византийцем.

С уходом Д.Е. Афиногенова византистика понесла невосполнимую утрату. Он был одарен не только большим талантом, невероятной энергией и трудолюбием, позволившим ему стать непревзойденным специалистом, но и честностью, прямоотой и принципиальностью в научных вопросах, сочетавшейся с человеческой добротой, доброжелательностью и душевностью. Это позволяло вести острую научную дискуссию без тяжелой напряженности, воспитывало студентов в мягкой строгости, создавало атмосферу чистого научного поиска.

Светлая память!

Основные труды

1. *Афиногенов Д.Е.* Еще раз о пользе чтения «между строк»: Методологические размышления // Византийский временник. 2001. Т. 60 (85). С. 201–203.
2. *Афиногенов Д.Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784–847). М., 1997.
3. *Афиногенов Д.Е.* Похвала преп. Евфимию Великому и преп. Савве Освященному Кирилла Скифопольского: Перевод с церковнославянского на древнегреческий // Вестник древней истории. 2014. Вып. 288. С. 231–251; Вып. 289. С. 218–234.
4. *Afinogenov D.E.* A Lost 8th Century Pamphlet against Leo III and Constantine V? // *Eranos*. 2002. Vol. 100. P. 1–17.
5. *Afinogenov D.E.* Le manuscrit grec Coislin. 305: La version primitive de la Chronique de Georges le Moine // *Revue des études byzantines*. 2004. Т. 62. P. 239–246.
6. *Afinogenov D.E.* The Date of Georgios Monachos Reconsidered // *Byzantinische Zeitschrift*. 1999. Bd. 92. S. 437–447.
7. *Afinogenov D.E.* The Story of the Patriarch Constantine II of Constantinople in Theophanes and George the Monk: Transformations of a Narrative //

History and Literature in Byzantium: Papers from the Fortieth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, April 2007 / Ed. R. Macrides. L.; N.Y., 2010. P. 207–214.

Lev Lukhovitskiy, Alexei Solopov

DMITRIY AFINOGENOV

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper is an obituary of Dmitriy E. Afinogenov, a prominent classicist and byzantologist.

Key words: D.E. Afinogenov; Byzantine studies; classical philology; textual criticism; translation.

About the authors: *Lev Lukhovitskiy* — PhD, Associate Professor, Institute for Oriental and Classical Studies, Higher School of Economics (e-mail: lukhovitskiy@gmail.com); *Alexei Solopov* — Prof. Dr., Head of the Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: scatebr@mail.ru).

Basic works

1. Afinogenov D.E. Eshche raz o pol'ze chteniia "mezhdru strok": Metodologicheskii razmyshleniia. In: *Vizantiiskii vremennik*. 2001. T. 60 (85), pp. 201–203.
2. Afinogenov D.E. *Konstantinopol'skii patriarkhat i ikonoborcheskii krizis v Vizantii* (784–847). M., 1997.
3. Afinogenov D.E. Pokhvala prep. Evfimiiu Velikomu i prep. Savve Osviashchennomu Kirilla Skifopol'skogo: Perevod s tserkovnoslavianskogo na drevnegrecheskii. In: *Vestnik drevnei istorii*. 2014. Vyp. 288, pp. 231–251; Vyp. 289, pp. 218–234.
4. Afinogenov D.E. A Lost 8th Century Pamphlet against Leo III and Constantine V? In: *Eranos*. 2002. Vol. 100, pp. 1–17.
5. Afinogenov D.E. Le manuscrit grec Coislin. 305: La version primitive de la Chronique de Georges le Moine. In: *Revue des études byzantines*. 2004. T. 62, pp. 239–246.
6. Afinogenov D.E. The Date of Georgios Monachos Reconsidered. In: *Byzantinische Zeitschrift*. 1999. Bd. 92, pp. 437–447.
7. Afinogenov D.E. The Story of the Patriarch Constantine II of Constantinople in Theophanes and George the Monk: Transformations of a Narrative. In: *History and Literature in Byzantium: Papers from the Fortieth Spring Symposium of Byzantine Studies, University of Birmingham, April 2007*, ed. R. Macrides. L.; N.Y., 2010, pp. 207–214.

А.И. Изотов, Е.В. Петрухина

ГАЛИНА ПАРФЕНЬЕВНА НЕЩИМЕНКО

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Ушла из жизни Галина Парфеньевна Нешименко — видный представитель отечественной школы богемистики, основанной А.Г. Широковой. Вся долгая и плодотворная жизнь Г.П. Нешименко была посвящена укреплению и развитию этой школы. Более 60 лет проработав в Академии наук, Г.П. Нешименко не порывала связей с alma mater — филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова: читала лекции, консультировала дипломников и аспирантов, принимала активное участие в научных мероприятиях кафедры славянской филологии и издаваемых ею научных сборниках, работала в факультетском «русско-славянском» диссертационном совете. Научные труды Г.П. Нешименко высоко ценил патриарх чешского словообразования М. Докулил, ее концепция этнического языка непосредственно повлияла на появление целого ряда интереснейших исследований по социолингвистике как в Чехии, так и в нашей стране.

Ключевые слова: богемистика; чешский язык; словообразование; этнический язык; социолингвистика.

Отечественная богемистика понесла тяжелую утрату: 22 марта 2021 г. ушла из жизни Галина Парфеньевна Нешименко — одна из тех, кто формировал отечественную школу богемистики в послевоенный период, специалист широчайшего профиля в области чешского языка, славянского языкознания, сопоставительного изучения славянских языков, теории и истории литературных языков, словообразования, социолингвистики и лингвокультурологии. Огромный вклад был внесен ею в разработку теоретических основ и практического определения критериев словообразовательной продуктивности, деривационной морфонологии, языковой конкуренции. Новая коммуникативная модель описания языковой ситуации и структуры этнического языка, разработанная Г.П. Нешименко, повлияла на целое направление в теории современной социолингвистики.

Галина Парфеньевна Нешименко родилась 20 февраля 1933 г. в Уфе. В 1955 г. она окончила филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, в 1959 г. аспирантуру Института славяноведения, в 1961 г. защитила

Изотов Андрей Иванович — профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a.i.izotov@mail.ru).

Петрухина Елена Васильевна — профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: elena.petrukhina@gmail.com).

в МГУ кандидатскую диссертацию «Словообразование существительных женского рода со значением лица в современном чешском языке». Научным руководителем и дипломного, и кандидатского исследования Г.П. Нешименко была основатель советской школы богемистики А.Г. Широкова, на многие годы ставшая для нее не только коллегой, но и верным другом. В 1978 г. в Институте славяноведения АН СССР Г.П. Нешименко защитила докторскую диссертацию на тему «Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII — середина XX в.)», в 1996 г. ей было присвоено звание профессора.

Более полувека проработав в Институте славяноведения (1959–2019), Г.П. Нешименко не только номинально, но и фактически была ведущим научным сотрудником отдела славянского языкознания, выступая в качестве инициатора и организатора международных конференций, ответственного редактора и/или ведущего автора коллективных монографий, например, «Язык — Культура — Этнос» (1994), «Язык как средство трансляции культуры» (2000), «Встречи этнических культур в зеркале языка» (2002), «Глобализация — этнизация: этноязыковые и этнокультурные процессы» (2006), «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности» (2014), руководя грантами, в том числе международными.

Г.П. Нешименко достойно представляла отечественную славистику на международных конференциях, в том числе на пяти съездах славистов, входила в три профильные комиссии при Международном комитете славистов (по славянским литературным языкам; славянскому словообразованию; социалингвистике), а также в редколлегию журнала *Bohemistika* (Познань).

Отметим, что сотрудничество Г.П. Нешименко с филологическим факультетом МГУ имени М.В. Ломоносова отнюдь не ограничивалось издательскими проектами. Бесспорно являясь одним из крупнейших в стране специалистов по чешскому языку, она читала лекции студентам-богемистам, проводила консультации на кафедре славянской филологии для молодых славистов, регулярно возглавляла Государственную экзаменационную комиссию, в течение многих лет была членом диссертационного совета по русско-славянскому языкознанию.

Всегда жизнерадостная и полная энергии Г.П. Нешименко воодушевляла коллег одним своим присутствием. Вечная ей память.

Г.П. Нешименко опубликовала более 350 научных работ, из которых мы бы хотели назвать следующие:

1. История именного словообразования в чешском литературном языке конца XVIII–XX в. (прилагательное). М., 1968. 284 с.
2. Очерк деминутивной деривационной системы в истории чешского литературного языка (конец XIII — середина XX вв.). Прага, 1980. 328 с.
3. Этнический язык: Опыт функциональной дифференциации (на материале сопоставительного изучения славянских языков). München: Otto Sagner, 1999. 234 с.
4. Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003. 279 с.
5. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы, тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98–132.

6. Современное речевое поведение и его отражение в электронных медиальных текстах (в сопоставительном аспекте) // Русский язык сегодня. X Шмелевские чтения. М., 2012. С. 296–310.
7. Парные феминативы в контексте типологической характеристики русского, чешского, польского языков // Aktualne problemy językoznawstwa słowiańskiego. Siedlce, 2012. С. 15–34.
8. Динамика речевого стандарта современной публичной коммуникации и его влияние на кодификационную практику // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 2013 г.: Доклады российской делегации. М., 2013. С. 610–632.
9. Компьютерная коммуникация в зеркале современной публичной речевой культуры и актуальных деривационных закономерностей (в сопоставительном аспекте) // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne w językach słowiańskich. Siedlce, 2013. С. 39–67.

Andrey Izotov, Elena Petrukhina

GALINA NEŠČIMENKO

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, 119991*

Galina Neščimenko, one of the first students of the founder of the national school of Czech studies A.G. Shirokova, whose entire long and fruitful life was devoted to the strengthening and development of this school, has passed away. A researcher with the Academy of Sciences for more than 60 years, G. Neščimenko had always maintained ties with her alma mater, Moscow University Philology School. She had lectured undergraduate students, supervised graduate students and postgraduates, had repeatedly headed the state examination board, had taken an active part in scientific events at the Department of Slavic Philology, and had been an active member of the Russian-Slavic dissertation council. G. Neščimenko's academic findings were highly appreciated by the patriarch of Czech linguistics M. Dokulil. Her concept of ethnic language gave rise to new sociolinguistic research projects both in the Czech Republic and in this country.

Key words: Czech language; ethnic language; morphological derivation; sociolinguistics.

About the authors: *Andrey Izotov* — Prof. Dr., Department of Slavic Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; *Elena Petrukhina* — Prof. Dr., Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University (e-mail: elena.petrukhina@gmail.com).

References

1. Neščimenko G.P. *Istoriia imennogo slovoobrazovaniia v cheshskom literaturnom iazyke kontsa XVIII–XX v. (prilagatel'noje)* [The history of nominal word

- formation in the Czech literary language of the late XVIII–XX century. (Adjective)]. Moscow, 1968. 284 p. (In Russ.)
2. Neščimenko G.P. *Očerok deminutivnoi derivatsionnoi sistemy v istorii cheshskogo literaturnogo iazyka (konets XIII — seredina XX vv.)*. [An essay on the deminutive derivational system in the history of the Czech literary language (late XIII — mid XX centuries)]. Prague, 1980, 328 p. (In Russ.)
 3. Neščimenko G.P. *Etnicheskie iazyk: Opyt funktsional'noi differentsiatsii (na materiale sopostavitel'nogo izucheniia slavianskikh iazykov)* [Ethnic language: The experience of functional differentiation (based on the comparative study of Slavic languages)]. München: *Otto Sagner Publ*, 1999, 234 p. (In Russ.)
 4. Neščimenko G.P. *Iazykovaia situatsiia v slavianskikh stranakh: Opyt opisaniia. Analiz kontseptsii* [The linguistic situation in the Slavic countries: The experience of description. Analysis of concepts]. Moscow, 2003, 279 p. (In Russ.)
 5. Neščimenko G.P. *Dinamika rechevogo standarta sovremennoi publichnoi verbal'noi kommunikatsii: Problemy, tendentsii razvitiia* [Dynamics of the speech standard of modern public verbal communication: Problems, development trends]. *Voprosy Jazykoznanija*. 2001. no 1, pp. 98–132. (In Russ.)
 6. Neščimenko G.P. *Sovremennoje rechevoje povedeniie i jego otrazheniie v elektronnykh medial'nykh tekstakh (v sopostavitel'nom aspekte)* [Modern speech behavior and its reflection in electronic media texts (in a comparative aspect)]. *Russkii iazyk segodnia. Desiatye Shmelevskie chteniia*. [Russian language today. The tenth Shmelev readings]. Moscow, 2012, pp. 296–310. (In Russ.)
 7. Neščimenko G.P. *Parnye feminativy v kontekste tipologicheskoi kharakteristiki russkogo, cheshskogo, pol'skogo iazykov* [Paired feminatives in the context of typological characteristics of the Russian, Czech, Polish]. *Aktualne problemy jazykoznavstva slovianskogo* [Current problems of Slavic linguistics.]. Siedlce, 2012, pp. 15–34. (In Russ.)
 8. Neščimenko G.P. *Dinamika rechevogo standarta sovremennoi publichnoi kommunikatsii i jego vliianiie na kodifikatsionnuiu praktiku* [Dynamics of the speech standard of modern public communication and its impact on codification practice]. *Slavianskoje iazykoznanije. XV Mezhdunarodnyi s"jezd slavistov. Minsk, 2013 g., Doklady rossiiskoi delegatsii* [Slavic linguistics. Fifteenth International Congress of Slavists. Minsk, 2013, Reports of the Russian delegation]. Moscow, 2013, pp. 610–632. (In Russ.)
 9. Neščimenko G.P. *Komp'iuternaia kommunikatsiia v zerkale sovremennoi publichnoi rechevoi kul'tury i aktual'nykh derivatsionnykh zakonornosti (v sopostavitel'nom aspekte)* [Computer communication in the mirror of modern public speech culture and current derivational patterns (in a comparative aspect)]. *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne w językach słowiańskich* [Word formation and new functional styles in Slavic languages]. Siedlce, 2013, pp. 39–67. (In Russ.)